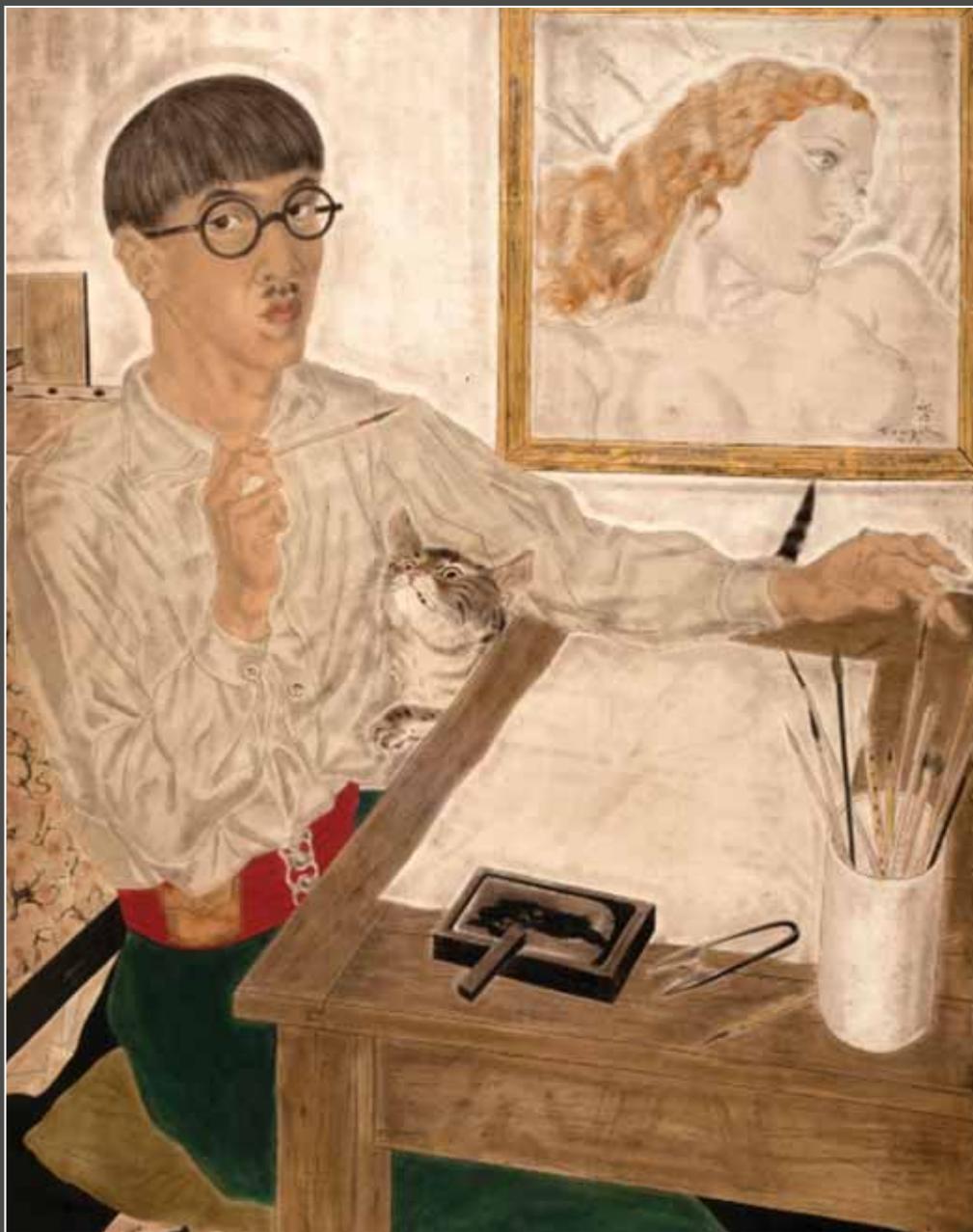

ТАМАРА
КУТИДЗЕ:

*«Я благодарна судьбе за то,
что у меня было, что есть
и что еще будет впереди...»*

*О жизни и творчестве художника Цугухару Фуджита
читайте на стр. 66*

Это интересно

Александр Ралот **Институт благородных девиц**4

Уголки России

Дмитрий Зелов **Знакомое слово «Зингер»**19

Фантастика

Владимир Марышев **Море зовет**28

Замечательные современники

Дарья Парчинская **Тамара Кутидзе: «Чтобы тебя слушали люди, чтобы твои песни воспринимала вся страна — это огромный труд...»**41

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Борис Пильняк: «Я хочу быть сам по себе»**50

Евгения Гордиенко **Врач, «излечивший» медицину**58

Судьба художника

Ирина Опимах **Приключения самурая в Европе**66

Новелла

Надежда Середина **Сфрагида**76

Из славянской мифологии

Светлана Марлинская **Бог-громовержец**82

Житейские истории

Геннадий Гусаченко **Белые розы**87

Судьбы

Ирина Леонтьева **Две жизни Конкордии Антаровой**95

Поэзия

Олег Дорогань **Стихи**101

Молодые таланты

Дмитрий Соколов **Любовь Кобелянская: «На моем творческом пути встретилось много "колоритных" педагогов»**106

Эссе

Екатерина Маркова **Уникальный талант жить**110

Минувшее

Алла Зубкова **Король, который не любил править**114

Детектив

Анна и Сергей Литвиновы **Смерть за добрые дела**122

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Певица Тамара Кутидзе
Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —
Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.07.2023

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

« Советские историки писали о Надежде Константиновне Крупской исключительно как о «жене и соратнице» Ленина. В постсоветский период на нее обрушилась лавина лжи и клеветы — опять же, как на «жену и соратницу». И при этом никого не интересовала личность этой незаурядной женщины, всю жизнь прожившей в тени своего мужа. А личность была достаточно яркой, пока возраст и болезни не сделали свое дело...

Светлана **Марлинская** «Жена и соратница»

« После премьеры картины «Семнадцать мгновений весны» критики писали, что удачный ход с закадровым голосом принес ленте больше половины успеха. Вот только это был не ход, а живой человек, чей голос стал голосом Отто Штирлица — Максима Максимовича Исаева, голосом спокойной мысли, ровным метрономом любимого фильма. И это — Ефим Захарович Копелян, к которому после успеха «Мгновений...» приклеилось отчество «Закадрович».

Евгения **Гордиенко** «Ефим Копелян — на сцене, в кадре и за кадром»

« Много повидал небольшой городок Усмань, возникший еще в 1645 году. Верой и правдой служилые люди охраняли здесь южные рубежи Российской державы от набегов крымских татар и ногайцев. Много повидал этот городок, а список знаменитостей, родившихся в нем, можно продолжать до бесконечности — десятка три-четыре наберется. Но каким-то образом из этого списка «выпала» удивительная женщина и талантливая поэтесса Ольга Яхонтова...

Виктор **Елисеев** «Поэтесса из Усмани»

« Лев Николаевич Толстой, живя в Ясной Поляне, часто наезжал в Москву — по подсчетам исследователей, около 150 раз. Когда дети подросли, и старший сын Сергей поступил в Московский университет, а дочь Татьяну надо было «вывозить в свет», чтобы подыскать ей подходящую партию, семья решила переехать из Ясной Поляны в Москву, где Лев Николаевич приобрел в Хамовниках усадьбу у коллежского секретаря И.А. Арнаутова за 27 тысяч рублей серебром. Она стала центром культурной жизни Москвы, и именно здесь Толстой написал свыше ста своих произведений...

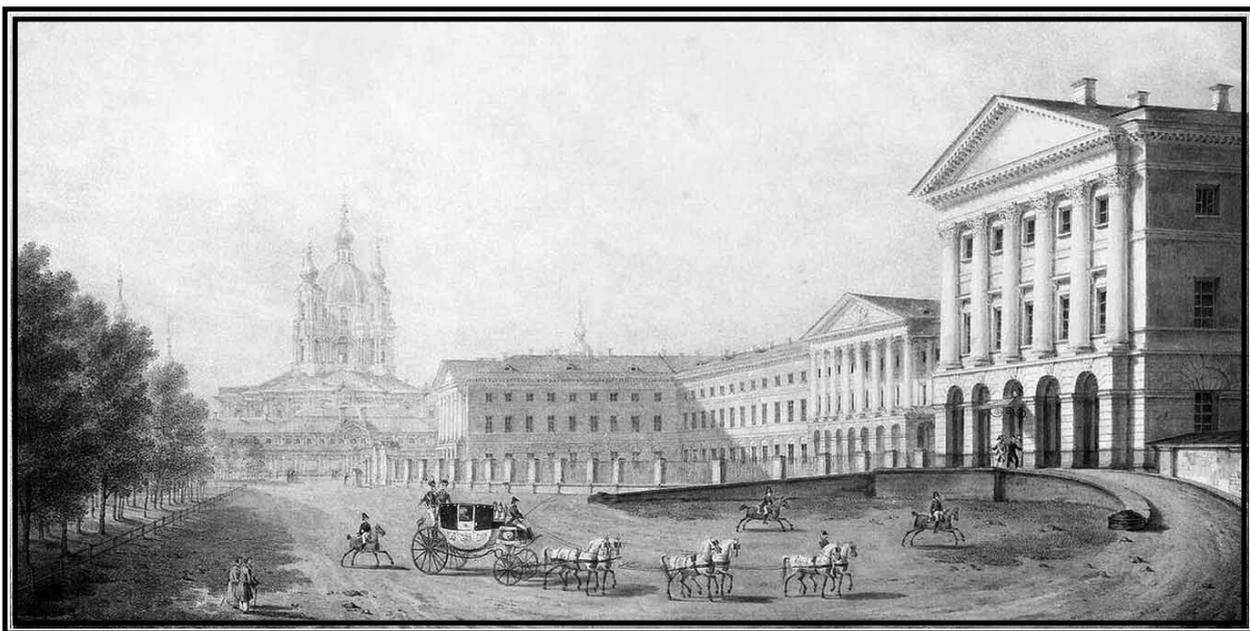
Юрий **Прокопчук** «Толстой в Москве»

« Окончание детектива Анны и Сергея **Литвиновых** «Смерть за добрые дела»

ИНСТИТУТ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ

(из жизни смолянок)

ПЕРВАЯ ДИРЕКТРИСА

1572 год. Франция, Париж

Герцог Генрих де Гиз снял с лица маску и передал ее расторопному слуге. Все присутствующие в зале мгновенно последовали его примеру.

— Итак! — начал герцог. — Уже нынешней ночью. Более терпеть этих еретиков ни в городе, ни в стране мы не намерены!

— Захлебнутся в собственной крови! Смерть неверным! Святой с нами! — кричали со всех сторон. —

Не бывать браку! Не допустим кровосмешения!

Де Гиз жестом остановил всех и обратился к одному господину в черном:

— Говори! Ты сделал, что велено?

— Мои люди взяли штурмом дом адмирала де Колиньи и, наконец, прикончили раненого. Считай, что пуля, выпущенная из окон твоего замка, попала несчастному не в плечо, а точно в голову. Кроме этого, чтобы гугеноты не вырвались из города, наши люди закрыли городские во-

рота. Стража предупреждена и без жалости расправится с любым, кто попытается вырваться из Парижа!..

1572 год. Санкт-Петербург

После той ночи выжившие гугеноты бежали из страны. Германия, Голландия, Бельгия и... Россия получили новых грамотных, работающих и не бедных граждан.

Стали поданными Российской империи и члены семьи виноторговцев Дюбюиссон. Не откладывая дело в долгий ящик, предприимчивый глава семейства открыл в Санкт-Петербурге гостиницу. В отличие от существующих, она состояла из ухоженных, чистых (без вшей и клопов), светлых номеров. И главное, с клиентов не драли три шкуры за постой. От желающих не было отбоя. Среди приезжих считалось шиком остановиться в апартаментах нового заведения...

Вскоре чета Дюбюиссон нашла жениха для пятнадцатилетней дочери Софьи — бывшего соотечественника, генерала русской армии, действительного статского советника Вилима Делафона.

Увы, этот брак не стал счастливым — с каждым днем некогда любимый муж все больше и больше терял рассудок. Софья пыталась его лечить, но бесполезно.

Во время приступов, которые становились все чаще и чаще, в порыве гнева он кричал на нее:

— Не представляешь, как невыносимо жить с женой, которая ис-

поведует отличную религию! В конце концов, когда ты, наконец, станешь праведной католичкой? И какой веры наши дочки? Как и кому они молятся перед сном? Легче убить тебя и их, чем жить с гугенотками! Если не вернемся во Францию, я действительно однажды убью тебя и детей! Мне ненавистен этот город, этот язык, эти люди!

— Но ведь Россия дала тебе все — титул, почет, уважение! Как ты можешь так говорить?!

— Титул! Ты мне его на обед приготавлишь? У нас денег осталось только на дорогу! Значит, так! Или мы едем вместе, или я уеду один. Навсегда! А ты, не последовав за мужем, нарушишь клятву, данную перед алтарем.

— Хорошо, — глотая слезы, ответила Софья. — Только дай слово, что во Франции во всем будешь меня слушаться и не станешь отказываться от настоек, которые тебе пропишут доктора...

Франция, Париж

Обезумевший Вилим дважды пытался убить Софью и двух дочерей. Несмотря на это и не обращая внимания на советы соседей, твердивших, что, согласно закону, она имеет полное право развестись с умалишенным, верная жена продолжала возить супруга на приемы к самым знаменитым врачам Франции и Швейцарии. Делала это до тех пор, пока не иссякли денежные средства, вы-

везенные четой Делафон из далекой России.

Вскоре болезнь окончательно взяла свое. Бывший генерал скончался, оставив вдову и девочек без средств существования в ставшей чужой стране. Вдова понимала, что такое существование долго продолжаться не может. Искала выход и не находила. Тосковала по далекой заснеженной родине, где прошли ее лучшие годы. Не раз они с дочками бродили возле русского посольства, смотрели на освещенные множеством свечей окна, стояли молча и так же молча возвращались в свою убогую коморку.

И однажды Софья, наконец, решилась. Она пришла в посольство и обратилась к Ивану Ивановичу Бецкому:

— Милостивый государь, умоляю! Не ради себя, но ради моих маленьких девочек выделите немного денег для того, чтобы доехать домой. До России. Хотите, напишу какую угодно расписку. Я отдам, все до копейки! Мы же поданные Российской империи, как и вы. Помогите соотечественникам! — Софья в отчаянии ломала руки и пыталась достать из сумочки платок, чтобы вытереть слезы.

Бецкой слушал не перебивая. Хотел, было, попросить рассказать обо всех злоключениях молодой женщины, но посетительница все рассказала сама, ничего не утаивая и не драматизируя. Молча выслушав ее, Иван Иванович поднялся, взял Софью за руку, усадил рядом с собой и, налив из графина воды, сказал:

— Я знаю, что вам надо. Уверен, вы принесете России немалую пользу...

1764 год. Санкт-Петербург

— Матушка императрица! Поверь, битье надо отменить! Ты погляди, в каждом указе телесные наказания, и в преобладающем количестве. Только воспитание, ибо оно всемогуще!

— Продолжай, Иван Иванович! — Екатерина Великая смотрела на своего секретаря, обмахивая себя дорогим веером. Каждое произнесенное им слово находило отклик в ее душе.

— Для начала следует создать несколько закрытых учебных заведений. В них мы и станем воспитывать родителей.

— Не поняла, вразуми. Кого мы будем воспитывать?

— Пап и особенно мам, будущих твоих верноподданных. Способных вразумлять своих чад не розгами, а словом, убеждением. А опосля уже эти отпрыски создадут свои семьи, из которых выйдет новое поколение истинных граждан. Не пьющих, образованных, трудолюбивых и, главное, сплошь ответственных за порученное дело!

— Сладко глаголишь. Хоть представляешь, сколько для этого понадобится? Почитай, во всей Европе столько педагогов не сыщем.

— Матушка, так мы же с малого начнем, давай, бедных дворянок учить станем. Да так, чтобы за будущими невестами знатные женихи

табунами ходили. И о приданом заикаться не смели.

— Ну что же, будь по-твоему. Ступай, готовь указ. Повелеваю создать закрытое учебно-воспитательное заведение для особ женского полу. И начальницу подбери — без замашек. Знаю я таких дамочек, порой им разухабистый командир-держиморда и в подметки не сгодится.

— Матушка, так я того... уже подобрал.

— И кто она? Я с ней знакома? Рода знатного?

Тот же год. Санкт-Петербург

— Устав, говоришь, сподобился сочинить.— В этот день Екатерина Великая была не в духе. Придворные мастерицы принесли новые летние платья, а они оказались малы в талии. — Иван Иванович! Тебе должно быть ведомо, что мой великий предок Петр создавал школы для девиц, однако, в отличие от других славных дел, с этой затеей у него не заладилось. Да и Дашкова, дама наиумнейшая, тоже ничего путного не сотво-

Весь курс обучения в Смольном делился на четыре группы. Девочки принимались в заведение шести лет от роду и выпускались в восемнадцать. За время обучения им категорически запрещалось покидать стены института. Помимо основных наук смолянок обучали танцам, шитью, кулинарии, поварскому делу, экономике домашнего хозяйства и даже основам токарного мастерства

— Софья Ивановна Делафон. Горя на своем веку хлебнула вдоволь, однако при сем при этом человеколюбия не утратила. Начальница от бога, ибо добра, честна и толкова.

— Ой, заливаешь! Врешь ведь. Поди, уже глаз на кумушку положил, — в голос рассмеялась Екатерина. — Смотри! Чтобы строга была в меру. Без этого, сам понимаешь, нашу сестру не обуздать. Но главное, дело пусть хорошенько организует. Наставников поможешь ей сыскать не мешкая. Ступай с богом! Ну, Бецкой, рассмешил! Добра, честна, да и к тому же еще толкова!

рила. Давай, Бецкой, излагай, чего там нацарапал.

— Матушка, пунктом первым устава я прописал заботу о водворении в оном заведении отношений исключительно дружеских, семейных промеж начальства и воспитанниц.

— Сей пункт необходимо дополнить.

— Чем, государыня?

— А то ты не догадываешься. Мы же с тобой не богадельню создаем. Семья — это, конечно, замечательно, но заведение все же учебное. А по-сему записывай далее. Ни в коей мере не пренебрегать умственным об-

*Софья Ивановна
Делафон*

разованием воспитанниц! Именно так — подчеркни или выдели иными буквицами. Под образованием следует разуместь не выучку или усвоение знания, а всестороннее воспитание ума и душевных качеств девиц. Будем, с твоей легкой руки, растить образованных и благовоспитанных матерей новых семейств. На сие богоугодное дело никаких денег жалеть не стану. Верую, окупятся вложения! Всенепременно! И еще расстарайся так, чтобы уровень образования был лучше, чем при домаш-

нем обучении. Пусть вельможи не считают зазорным туда дочек отправлять!

Смущаясь и незаметно подталкивая одна другую, маленькие девочки-смолянки вошли в кабинет начальницы.

— Софья Ивановна, а почему императрица Екатерина Алексеевна величает нас цыплятами? Обидно ведь.

Делафон поднялась с кресла, подошла к воспитанницам и каждую погладила по голове.

— Она ни в коей мере не желает никого оскорбить. Наоборот! Считает, что вы самый лучший сорт цыплят в ее огромном курятнике.

Выпроводив детей, наставница велела без промедления собрать «педсовет».

— Дорогие мои! Не секрет, что вы лучшие из лучших. По заданию императрицы учителей собирали по всей Руси и за ее пределами. Предметы знаете превосходно, однако извольте входить в классы и иные помещения института исключительно с улыбкой и благожелательностью, чтобы дети почитали наставников как отцов и матерей, и даже больше. Учитель обязан иметь разум здравый, мысли вольные, сердце доброе и открытое. Ни грамма лжи или притворства. И оставьте за порогом этого заведения педантизм, ибо это есть суцая пагуба воспитанию. Девочки должны видеть в каждом из вас исключительно друга и защитника, способного разделить с ними трудности и волнения...

Весь курс обучения делился на четыре группы. Девочки принимались в заведение шести лет от роду и выпускались в восемнадцать. За время обучения ученицам категорически запрещалось покидать стены Смольного, оставались без внимания даже настоятельные просьбы высокопоставленных опекунов. Каждой группе соответствовал свой цвет платья: коричневый, голубой, серый и белый. Жизнь в институте была проста. Вос-

питанницам полагалась собственная кровать, добротная. но не слишком мягкая, дабы не приучать к изнеженности. Вставали рано. Умывались холодной водой. В зимнее время девочкам вручали маленькие молоточки для колки льда в тазиках. Уроки, больше похожие на беседы, чередовались с занятиями на воздухе. Смольнок помимо наук (три иностранных языка обязательно) обучали танцам, шитью, кулинарии и поварскому делу, экономике домашнего хозяйства и даже основам токарного мастерства.

Порой воспитанницы специально сердили любимую директрису, но лишь затем, чтобы потом прийти к ней и просить прощения. Софья Ивановна могла прощать как никто другой, возвращая расположение виновницам-шалуньям. Стайка воспитанниц почти всегда присутствовала в ее кабинете. Делафон занималась делами, а девочки, сидя на ковре или на диване, тихонько играли или читали, лишь бы быть рядом, ощущать маленькими телами тепло ее души.

Однажды Софья Ивановна повела «цыпляток» в Зимний дворец. Показала залы, украшенные картинами в золоченых рамах, роскошную мебель и посуду. Однако наибольшее впечатление на воспитанниц произвела толпа горожан, поджидавших их на выходе. Люди разных сословий не желали расходиться и шли следом, рассматривая каждую девочку как внеземное существо или, на худой конец, чужестранку.

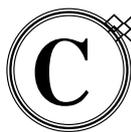
Выпускницы считали своим долгом привести и показать «матушке» своих женихов, а позже и первенцев. Бывало так, что семейная жизнь выпускницы давала трещину, и тогда сморянка спешила не домой, под крыло родителей, а к Софье Ивановне. Под крышей института беглянку ждали постель и еда, а вердикт директрисы по создавшейся проблеме был непререкаем.

А вот ее саму не очень-то привечали в высшем свете. Как-то одна выпускница, носившая фамилию знатного рода, обратилась к бывшей наставнице:

1796 год. Санкт-Петербург. Кабинет императора Павла I

Павел дернул шнурок колокольчика, и в кабинет с низким поклоном вошел секретарь.

— Я таки прочитал те письма, с которыми недосуг было ознакомиться моей покойной матушке, — протянул вошедшему пухлую папку император. — Соблаговолите без задержки подготовить указ о жаловании директрисе Смольного института титула статс-дамы. Более того, в день моего коронавания она получит лично из моих рук орден Святой

секретарь государыни не был женат ни разу. Смышленная девчушка годилась ему во внучки, и Иван Иванович с большим удовольствием стал исполнять роль именитого дедушки, в тайне надеясь, что отпущенные Господом годы позволят вырастить для себя молодую супругу, отвечающую всем его запросам

— Софья Ивановна, дорогая, сделайте милость, посетите венчание, мы с супругом будем бесконечно благодарны!

Но «бдительная» прислуга далее порога директрису не пустила, говоря при этом:

— Ну и что с того? Подумаешь, невеста пригласила лично! У вас же нет ни одного, даже самого малого придворного титула, и присутствием здесь вы можете ненароком оскорбить высокородных особ! Ступайте себе прочь подобру-поздорову!..

Екатерины меньшего креста. Это же надо! Сколько знатных вельмож ходатайствовали, и все бестолку!

Время шло, и годы брали свое. Здоровье становилось все хуже, и Делэфон не раз просила назначить ей помощницу. С большим трудом, но таковую нашли. Госпожа Пальменбах была первой по всем дисциплинам на втором курсе сморянок, так что преемственность была соблюдена...

А любимица девочек в тот же год тихо скончалась и обрела упокое-

ние на Волковом кладбище, рядом с дочерью...

Отличница

Стайка девочек, одетых в одинаковые платица, озираясь по сторонам, безмолвно шла за наставницей. Первый день их пребывания в Смольном подходил к концу.

— Надеюсь, вы обратили внимание на портреты, украшающие стены нашего заведения. Это ваши предшественницы. Легенда гласит, что в первую ночь, то есть сегодня, когда я уложу каждую из вас в постель и потушу свечи, они выйдут из рам и будут с вами знакомиться. А еще будет арфа в исполнении неповторимой Глафиры Алымовой...

Самая бойкая из девочек подняла руку:

— А почему Алымова неповторимая, разве кто-то из нас повторимый?

Наставница ласково погладила девчущку по голове и ответила:

— Конечно, ты права. Здесь все неповторимые, двух одинаковых людей не бывает, правда, кроме близнецов. Но Глафира — это наш уникал и наша гордость...

Полковник Алымов хворал, однако многочисленное потомство, восемнадцать детей, не давали ни минуты покоя. Беременная супруга пыталась отогнать их от постели отца, но тщетно.

Иван Акинфиевич погладил жену по округлому животу и прошептал:

— Девочка народится... Глашенька...

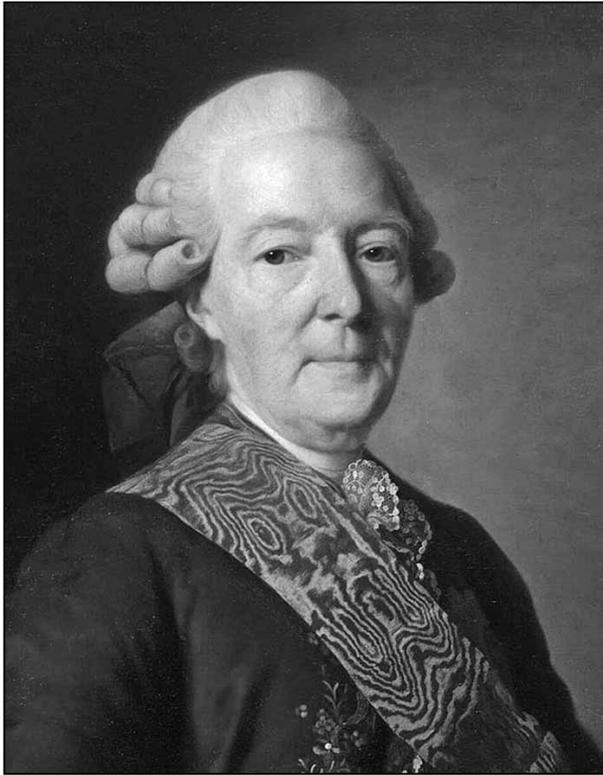
— Не хочу этого ребенка, не в радость он мне. Не ровен час, погрешь от ран, что тогда я, горемычная, стану делать с этой оравой?

— Да разве можно так говорить? За такие слова бог может покарать! — Полковник слабеющей рукой схватился за сердце и потерял сознание...

Девочку он так и не увидел — она родилась уже после похорон отца. Мать не желала видеть новорожденную и велела отнести ребенка в ближайший женский монастырь, однако близкие родственники воспротивились, и Глаша осталась дома. И все же, когда ей исполнилось шесть лет, девочку спровадили из родительского гнезда в «Императорское воспитательное общество благородных девиц» или, по-простому, Смольный институт.

Не зная внимания и ласки, Глаша по всем меркам должна была быть тихой и забитой среди сверстниц, но девочка мгновенно сориентировалась в незнакомой обстановке. Когда государыня посетила институт, Глаша, нарушая строжайший протокол, предписывающий молча сделать реверанс, громко выкрикнула:

— Моя повелительница, матушка императрица, люблю больше жизни!

Иван Иванович Бецкой

Государыня улыбнулась такой непосредственности и жестом велела подвести девочку к себе.

— Чья будешь?

— Алымова Глаша, — ответила бойкая воспитанница и сделала книксен.

— Буду называть тебя Алымушка. Учись хорошо. А я буду приезжать и проверять, за такой егозой особый глаз нужен. И поверь, у меня таковой имеется!

После этого диалога авторитет новой смолянки возрос до небес...

Санкт-Петербург. Зимний дворец

— Иван Иванович, будет у меня к тебе поручение особого рода.

— Матушка, ведь знаешь, сколь на мне всяких твоих поручений висит, того и гляди, шея переломится. Куда ж еще-то...

— Не стони, Бецкой, не люблю этого. Я, почитай, вдвое более твоего тружусь. Уже позабыла, когда последний раз балы организовывала и в картишки расслаблялась. Поручение не будет в тягость, уж поверь мне. За девочкой малой надо приглядывать, сдается мне, будет с нее толк, далеко пойдет. Записывай. Звать Глафира. Последний ребенок отставного полковника Алымова. Помимо настоятелей Смольного станешь учить ее всему, что сам знаешь. Воспитывай по своему разумению, но без излишнего баловства. А я погляжу, к какой родственнице ее в фрейлины определить после выпуска.

Секретарь государыни не был женат ни разу. В молодые годы любил приударить за высокородными девицами, но ни одна из них не сумела утащить его под венец. Смышленая девчушка годилась ему во внучки, и Иван Иванович с большим удовольствием стал исполнять роль именитого дедушки, втайне надеясь, что отпущенные господом годы позволят вырастить для себя молодую супругу, отвечающую всем его запросам.

Алымова плохо понимала тонкости этой игры, однако женские гены подсказали, что отвечать старику надобно взаимностью, а также по-

стоянно твердить сверстницам, что она обожает своего наставника без меры.

Однажды в Смольный привезли невиданный за морский инструмент — арфу. Глаша тут же напросилась брать уроки игры на этом чуде и вскоре уже виртуозно исполняла музыку на нем.

В учебе Глаше не было равных. Однако чрезвычайно редкие дни, когда родственникам позволялось навестить воспитанниц, девочка оставалась одна или коротала время с Бецким. Лишь однажды в институт приехала тяжелобольная мать.

— Я здесь затем, чтобы попрощаться. Более мы на этом свете не свидимся. — Слова измученной женщины хлестали девочку подобно бичу. — И вот еще что. Лишаю наследства в пользу братьев. Им надобно в жизни как-то устраиваться, а у тебя, как я погляжу, все уже сложилось.

За воротами института мать уже поджидал Бецкой.

— Не соблаговолите ли пройти до церкви.

*Портрет Глафиры Ивановны Алымовой
кисти Д.Г. Левицкого*

— Это еще зачем? Нездоровится мне, да и до дома путь не близкий.

— Госпожа Алымова, там иконы чудотворные, от хворей помогают. Да и сказать потребно кое-что.

— Здесь говорите!

— Клятвы православные перед иконами произносят, разве вам неведомо сие?

— Какие клятвы? — пробормотала женщина, покорно семеня за Бецким.

Алексей Андреевич Ржевский

— Удочерю Глафиру. В свет выведу. Приданое дам, — сказал Иван Иванович, истово крестясь на образа.

Но мать девочки его не слышала. Она изо всех сил старалась не потерять сознание...

1776 год. Санкт-Петербург

Время летело стремительно. Наступил последний год обучения. Девочки щеголяли в нарядных белых платьях, положенных выпускницам. Из дворца в Смольный прислали художника Левицкого.

— Матушка директриса, а это правда, что Иван Иванович живописца прислал меня запечатлеть для будущих воспитанниц? — спросила Глаша у Софьи Ивановны.

— С чего тебе такое в голову взбрело? С особо отличившихся учениц бу-

дет писан цикл портретов. Радуйся, что и девица Алымова попала в число избранных. Исключительно из-за прилежания и усердия, — ответила директриса.

Глаша никак не отреагировала на эти слова, развернула сверток, который держала в руках, и улыбнулась:

— Иван Иванович соизволили прислать в подарок. Правда, великолепное платье?

Балы и гуляния по случаю первого выпуска смолянок растянулись на несколько месяцев.

Лучшим из лучших были предложены места фрейлин. Глашу определили к жене наследника престола Наталье Алексеевне. Увы, та вскорости скончалась, и императрица со свойственной ей энергией бросилась искать новую супругу для сына Павла. Фрейлины покойной по сложившейся традиции переходили к следующей повелительнице.

А Бецкой пока поселил Глашу в своем доме. Предложение руки и сердца не делал, опасаясь мезальянса. Понимал, что брак послужит причиной скандала в высшем обществе, за которым последует неминуемый гнев государыни.

«Восемнадцатилетняя девица проживает в доме семидесятипятилетнего старца. Не иначе как сожительница, — судачили у него за спиной. — Выходит, секретарь императрицы еще ого-го! Не орел, конечно, но гоголь — точно!»

Алымовой было не до сплетен — должность компаньонки великой княгини, второй супруги наследника Павла Петровича, обязывала.

Но, увы, женская дружба не постоянна, и начавшаяся придворная карьера скоро дала трещину: пошли слухи, что Мария Федоровна ревновала Глафиру к Павлу. Однако утверждали и иное: мол, еще одна бывшая смолянка — фрейлина Нелидова, фаворитка наследника — постаралась побыстрее избавиться от возможной соперницы.

не мог, что Глаша может уехать с мужем, и он не будет лицезреть воспитанницу ежедневно...

1797 год

— Муж мой! — обняла супруга Глафира. — У меня печальное известие. Сегодня скончалась сестра моей лучшей подруги по Смольному институту, дочь члена Главной дворцовой канцелярии Елизавета Рубановская.

— Невенчанная супруга ссыльного Александра Николаевича Ра-

Не посоветовавшись с «названным отцом», Глаша ответила согласием на предложение Алексея Андреевича Ржевского, академика и литератора, друга вольнодумца Радищева. Бецкой был вне себя от ревности, кричал и топал ногами, но помешать бракосочетанию не мог, ибо его одобрила сама государыня. Остыв, он предложил молодым в качестве свадебного подарка поселиться в его доме — старик и представить себе не мог, что Глаша может уехать с мужем, и он не будет лицезреть воспитанницу ежедневно...

Тем временем Глаша, не посоветовавшись с «названным отцом», ответила согласием на предложение Алексея Андреевича Ржевского, академика и литератора, друга вольнодумца Радищева.

Бецкой был вне себя от ревности, кричал и топал ногами. Но помешать бракосочетанию не мог, ибо его одобрила сама государыня. Остыв, он предложил молодым в качестве свадебного подарка поселиться в его доме — старик и представить себе

Радищева? Личного врага императрицы? Того самого, что хуже Емельки Пугачева? — спросил Ржевский и, отстранив жену, поднялся с кресла.

— Пишут мне знакомые, что семья Радищевых выехала из Илимска. Спешили переправляться через сибирские реки по льду. Ты же ученый, сам знаешь, какие в тех краях лютые морозы. Вот Елизавета Васильевна и простудилась. Сильно занемогла и больше не вставала. Я девять раз

просила покойную государыню Екатерину о смягчении участи Александра Николаевича и детушек. Гневалась на меня императрица сильно, однажды хотела даже собственноручно поколотить, но, слава богу, обошлось.

— К чему ты все это мне рассказываешь? Нынче у нас другой правитель. Ему челобитные писать не требуется, указ об освобождении и без твоих хлопот подписан.

*Шифр для лучших выпускниц
Смоляного института*

— Давай возьмем на попечение всех шестерых детушек-сирот. Трех от Анечки, трех от Лизаветочки.

— Знаешь, почему император вычеркнул тебя из списка награжденных? — попытался сменить тему Ржевский.

— Нет. А причем тут не полученный мною орден?

— Сказывали, что на указе самодержцем против твоей фамилии начертано: «Слишком горда и свое нравна».

— Вот и хорошо. Сделай милость, согласись с Павлом, а заодно и со мной. Малых Радищевых берем под свое крыло и опеку! Пойми, это мой святой долг перед Анечкой Рубановской. А орден или иную награду господь пожалует, можешь не сомневаться!

Глафира ушла к себе и тихо села у окна. Вспомнила случай, произошедший в церкви, когда венчалась ее дочь. Недруги и завистники сделали так, что карета, в которой ехали мать невесты и гости, опоздала к началу торжества. Император Павел, отличавшийся нездоровой пунктуальностью, был вне себя от гнева! Стучал ногами и требовал отменить бракосочетание, а виновных немедленно отправить в Петропавловскую крепость!

Тут в комнату вошел супруг и обеспокоено спросил:

— Дорогая, ты вся дрожишь, часом, не захворала ли?

— Нет, — погладила руку мужа Глафира. — Просто вспомнила, как смотрела в глаза императору и выкрикнула, что не уйду из церкви до тех пор, пока священник не объявит молодых мужем и женой!

— Да, ты у меня смелая! Родилась бы мужчиной, дослужилась бы до генеральских эполет, — произнес Ржевский, с нежностью глядя на любимую жену.

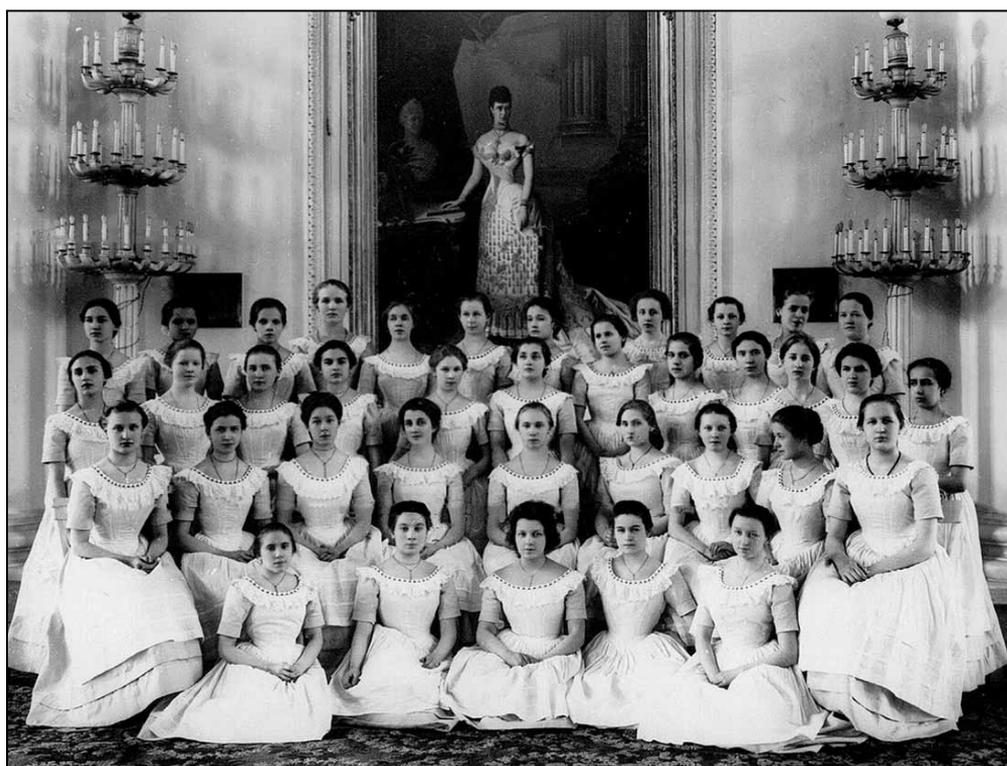
— Скорее всего, потеряла бы буйную голову в лихой битве за Русь-матушку, — усмехнулась Гла-

фира и тут же добавила: — Поздно уже, спать пора. Завтра предстоит трудный день. Поеду в присутственное место хлопотать за сирот Радищевых...

Интриган Кутайсов, виновник того свадебного скандала, однажды напомнил государю о конфузе в день венчания и намекал, что гордячку

тропавловской крепости. Опасаясь сурового приговора, Глафира кинулась просить помощи у наследника престола Александра. Много лет назад она, будучи смолянкой младших курсов, играла с ним в саду императорского дворца.

Будущий государь, как и все придворные, боялся отцовского гнева,

Последний выпуск Смольного института, 1917 г.

следует примерно наказать в назидание другим.

И вскоре подходящий случай представился.

Шестнадцатилетний Паша Ржевский, любимый сын Глафиры, на балу в Зимнем дворце сделал неуклюжий, резкий шаг в сторону императора, что считалось грубейшим нарушением этикета. На этот раз прямой взгляд матери не помог, юношу немедленно отправили в камеру Пе-

но, выслушав подругу детства, незамедлительно отправился в Михайловский замок и доказал таки суровому самодержцу, что в случайном поступке молодого Ржевского не было ничего предосудительного.

Михайловский замок

— Кутайсов! Я просил подготовить досье на эту семейку, где оно? — Павел был зол на всех! На старшего

сына, на нерасторопных слуг, на солдат, пятый час выполнявших строевые экзерсисы под окном императорского кабинета.

— Исполнено-с. Вот, извольте ознакомиться. По Алымовой-Ржевской ничего особенного, она ведь никакой должности не занимает. А вот супруг ейный, тут имеется кое-что интересненькое. Поглядите сей документ.

— Петербургский судья допустил мелкую ошибку... — Павел читал бумагу, одним глазом поглядывая на марширующую роту солдат. — Что значит мелкую? В моем государстве подобное недопустимо! В отставку! Немедля!

Отлучения от дел Алексей Андреевич Ржевский не выдержал и занемог. Да и годы брали свое. Через какое-то время он скончался, не оставив наследникам никакого капитала, «потому как жил честно и взяток не брал». Узнав об этом, взошедший на престол Александр I назначил пятидесятилетней Глафире солидную пенсию по случаю потери кормильца, а также распорядился погасить из казны долги покойного в размере шестидесяти трех тысяч рублей.

Прошло время, утихла боль от утраты, и Глафира, несмотря на возраст, решила не запирается в четырех стенах. На одном из званых обедов она познакомилась с французом, учителем и переводчиком басен

Крылова Маскле. То, что мужчина был младше на целых двадцать лет, ее нисколько не смущало. В отличие от своего бывшего наставника Бецкого она мезальянса не боялась и знала, как заткнуть рот любителям кривотолков. Ведь теперь страной правил обожаемый друг детства Александр, а такой покровитель уж точно не даст ее в обиду...

Именно так все и произошло. Когда Глафира, получив аудиенцию, пришла во дворец, чтобы встретиться с императором, он галантно предложил ей сесть и сказал:

— Хотите услышать слова одобрения? Знайте, прожитые вами годы и деяния на пользу отчизны доказывают следующее! Сударыня, вы вольны выбирать себе пару, вне зависимости от возраста и сословия! Передайте всем, что лично император благословляет этот брак!

Казалось бы, Глафира в преклонных годах получила, наконец, все, что заслужила: у нее был любящий муж, финансовое благополучие. Но... жизнь опять повернулась к ней темной стороной. Ее любимый внук Петр участвовал в восстании на Сенатской площади, и новый император Николай I сослал его в Сибирь. Сердце пожилой женщины, которой шел 68-й год, такого очередного удара судьбы вынести уже не смогло... Похоронили Глафиру Алымову в Москве на Ваганьковском кладбище. □

Дмитрий Зелов

Знакомое слово «ЗИНГЕР»

*Над башней рвался шар крылатый
И имя «Зингер» возносил.*

Фото автора

Николай Заболоцкий

Всего сто с небольшим лет тому назад, проехав примерно с четверть часа на изрыгавшем в небо клубы густого, сизого дыма паровичке от станции Ланская по Муринскому проспекту, можно было оказаться в совершенно ином мире. А именно — практически загородом, на территории Лесного корпуса, где посреди владений основанного еще благословенным Александром I первого лесного вуза Российской

империи, в прекрасном единении с практически нетронутой природой располагались невероятно уютные особняки, щеголявшие друг перед другом своей затейливой архитектурой.

Местность эта среди петербуржцев, стремящихся сбежать из шумного, суетного, душного и пыльного города, была чрезвычайно популярна: прекрасная транспортная доступность (именно она позволяла почтенным главам семейств ежедневно выезжать утром на службу, а ближе к вечеру возвращаться к своим домочадцам), помноженная на первозданность пейзажей, заставляла забыть о близости огромного города; а наличие многочисленных лавок, трактиров и летних концертных площадок гарантировало высокий уровень комфорта, к которому так привыкли имевшие стабильный доход горожане.

Сегодня трудно себе даже представить, что ныне густонаселенный и оживленный петербургский район близ станции метро «Площадь Мужества» в те далекие от нас времена слыл очень привлекательным: здесь, в Лесном, чиновники, представители интеллигенции, промышленники и купцы заказывали себе строительство особняков. Ну а те, кто не имел достаточных средств на постройку собственных домов, охотно арендовали сдаваемые внаем многочисленные дачи. Благо выбор был велик и разнообразен, как говорится, на любой вкус, цвет и толщину кошелька.

Многие петербуржцы не только проводили лето на дачах в Лесном, но и оставались на зимний сезон — таких дачников в шутку именовали «зимогорами». Между тем, в таком образе жизни было много практического смысла, ибо круглогодичное проживание в ближайшем пригороде позволяло не только насладиться природой, но и предоставляло весьма существенную возможность неплохо сэкономить: плата за аренду дачи была значительно ниже, чем стоимость аренды квартиры в столице империи.

Посреди «каменных и безликих в своей массе джунглей» на севере культурной столицы России от любопытных взоров прохожих спрятался за раскидистыми ветвями разросшихся деревьев уникальный резной терем: чудесный деревянный особняк начала прошлого столетия, выстроенный в изысканном неорусском стиле с элементами модерна. Это дача Генриха Генриховича Бертлин-

га, бывшего директора российского филиала компании «Зингер», чей роскошный особняк с шаром-глобусом на крыше уже много десятилетий известен всем и каждому как Дом книги на Невском проспекте.

Старинной, много повидавшей на своем веку даче уже более ста лет, и она — чудом уцелевший экземпляр того прекрасного, уютного Лесного городка, что сохранился

лишь на архивных фотографиях да в воспоминаниях старожилов. Особенно Бертлинга расположился на Болотной улице, судьба которой тоже примечательна и достойна упоминания. Проложенная в XIX столетии среди заболоченного леса, она стала застраиваться лишь тогда, когда начал формироваться дачный район к северу от Лесного института. И за все время своего существования улица ни разу не поменяла своего названия, сохранившись до наших дней.

Кстати, дача управляющего российским отделением компании «Зингер» дошла до наших дней благодаря Ильичу, как бы это не могло показаться на первый взгляд странным. А в соседней, самой обычной многоэтажке прожил последние годы один из корифеев отечественной культуры прошлого столетия, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, о чем свидетельствует мемориальная доска на здании. Умные и глубокие мысли академика Лихачева об истории и культуре до сих пор не потеряли своей актуальности, и, облеченные в форму книг, ждут своего читателя на полках Дома Зингера на Невском проспекте.

А на даче Бертлинга 16 октября 1917 года (то есть менее чем за десять дней до начала вооруженного мятежа, потрясшего до основания как Россию, так и весь мир) состоялась историческая сходка большевиков, на которой присутствовал сам вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин. Конечно же,

та встреча ведущих деятелей Российской социал-демократической рабочей партии была тайной, под покровом ночи, подальше от любопытных глаз прохожих (большевики к тому времени были фактически объявлены вне закона). Именно в ту роковую ночь в середине осени 1917-го они приняли решение о том, что дальнейшее промедление смерти подобно, и брать власть в свои руки надо в самые ближайшие дни. Иначе просто будет поздно.

А теперь мысленно перенесемся на несколько месяцев назад от тех роковых событий. В июле 1917 года Лесной вошел в состав Петрограда, и, соответственно, понадобились органы местного самоуправления. Главой Лесновско-Удельнинской подрайонной думы был избран В.А. Трофимов, а Михаил Иванович Калинин, будущий всесоюзный староста Страны Советов, стал главой местной управы. Она как раз и нашла себе временный приют в пустовавшем после Февральской революции доме Бертлинга.

Еще в 1916 году, на фоне усиливавшихся в России в ходе Первой мировой войны антигерманских настроений, семья Бертлингов (сам хозяин родился в Риге, на территории России, но являлся по отцу прусским подданным) продала участок со всеми постройками В.А. Видстедту — участнику русско-японской войны, постоянно проживавшему в Гельсингфорсе (Хельсинки). Однако новый хозяин владел домом недолго

и покинул Россию вскоре после Февральской революции.

С начала 20-х годов прошлого столетия и вплоть до полувекового юбилея Октябрьской революции бывшая дача исправно служила детским домом для нескольких поколений юных ленинградцев. Впрочем, революционные события 1917 года давно уже стали историческим преданием. Ленинград менялся вместе со страной, в городе на Неве активно развернулось массовое панельное строительство, и постепенно на месте уютных особнячков Лесного возникали многоэтажные жилые дома.

Однако даче Бертлинга в этом отношении очень и очень повезло. Ведь благодаря тому, что в ее стенах выступал сам Владимир Ильич Ленин (а также многие другие видные большевики), дом получил своеобразную «охранную грамоту» от сноса. В 1957 году, к 40-летию Октября, ныне совершенно забытый художник Александр Гуляев даже написал полотно про тайное заседание большевиков на даче в Лесном накануне восстания. В 1967-м в бывшем деревянном особняке управляющего компании Зингер, в память об исторических событиях 1917 года, было решено организовать музеем Выборгской стороны...

В начале XX столетия, а именно в 1908 году, участок в Лесном с вековыми деревьями и двухэтажной деревянной дачей (известный на ны-

нешних картах Санкт-Петербурга по адресу Болотная улица, дом 13) у купчихи Е.Е. Михайловой приобретает в свои владения весьма и весьма небедный директор петербургского отделения фирмы «Зингер», прусский поданный Генрих Генрихович Бертлинг.

Сыновья управляющего были студентами расположенного неподалеку Политехнического института, а старший из них, Александр, с 1912 года принимал активное участие в делах отца — председателя правления акционерного общества «Зингер». Семейство активно занималось благоустройством дачи: были изменены интерьеры двухэтажного дома, верх которого теперь украшала затейливая башенка. К 1913 году, знаковому для России году, ибо по всей стране торжественно отмечалось 300-летие правящей династии, здание приобрело облик, сохранившийся в своих основных чертах до наших дней.

Что в начале XX столетия значило слово «Зингер» для России, объяснять не требуется: крайне простые в эксплуатации, но при этом необычайно надежные швейные машинки этой фирмы расходились как горячие пирожки по уголкам и закоулкам необъятной империи. А сама компания имела широчайшую сеть своих фирменных магазинов, контор и отделений по всей стране. Купить столь необходимую в быту и неприхотливую в эксплуа-

тации швейную машинку фактически мог любой желающий, причем зачастую даже в расрочку. А на выбор клиентам предоставлялась широкая линейка моделей.

Центральный офис фирмы «Зингер» располагался в самом сердце города, на его главной деловой улице — Невском проспекте, причем, аккурат напротив Казанского собора. Этот массивный особняк, смотрящий своим фасадом на Невский проспект, а боковой частью выходящий на Екатерининский канал (нынешний канал Грибоедова), запоминается, прежде всего, своей вычурной башенкой-фонарем с орланом и стеклянным глобусом на самом ее верху.

Дом был построен в 1902–1904 годах уже широко известным к тому времени зодчим, академиком архитектуры Павлом Юльевичем Сюзором специально по заказу компании «Зингер». Причем первоначально фирма «Зингер» планировала возвести,

ни много ни мало, как восьмиэтажное здание. Однако в столице Российской империи действовало на тот момент ограничение по высотности возведения зданий, которое определялось высотой Зимнего дворца. В итоге архитектору Сюзору пришлось добиваться согласования шестиэтажного дома, а также приводить свой проект в соответствие с прочими весьма строгими городскими строительными нормативами.

Для визуального увеличения высотности здания Сюзор украсил штаб-квартиру Зингера угловой башней-фонарем со стеклянным глобусом, который в те времена служил рекламой: он освещался изнутри электричеством, а снаружи

поперек его обвили золотой лентой с надписью «Зингер и К^о», символизовавшей распространение продукции компании во всем мире. Также на угловой части фасада расположили две женские скульптурывалькирии, у каждой в руках — веретено со стальной нитью, а у ног — швейная машинка, символически отсылающая к компании-заказчику. На то время дом этот был самым современным. Передовые системы инженерных коммуникаций, вроде скрытых в стенах водосточных труб (дабы не портить визуальное восприятие эстетики фасадов), а также автоматические очистители кровли от снега и наледи были разработаны специально для этого дома петербургской фирмой Франца Сан-Галли.

В многоэтажном офисе «Зингера» действовали скоростные лифты немецкой фирмы «Отис». В некоторых помещениях находились встроенные металлические сейфы берлинской фирмы «Панцер». Внутри стен были устроены вентиляционные шахты и проложены трубы парового отопления.

Штаб-квартира компании «Зингер» заняла весь мансардный этаж, а в главном колонном зале открыли ее магазин. Помимо собственно офиса «Зингер», в нем расположились и сторонние арендаторы, различные ведущие банковские и страховые конторы. Первоначально многие из современников весьма критично отзывались о новом особняке и нещадно ругали его за излишне вычурный

облик, выделяющийся на фоне окружающей застройки: так художник и историк искусства Александр Бенуа сравнивал купол дома Зингера с флаконом духов; а Гавриил Барановский, бывший ученик Сюзора, возведший в те же годы на Невском проспекте громаду Елисеевского магазина, отзывался о здании напротив Казанского собора как об однообразно-скучном. Некоторые же и вовсе именовали дом Зингера не иначе как «гнилым зубом в челюсти Невского проспекта».

Но сколько бы ни злопыхали критики, именно дом Зингера на Невском проспекте стал первым деловым центром Санкт-Петербурга, своеобразной визитной карточкой не только столичного града, но и всей страны.

То время и эпоху тонко отразил в своем стихотворении «Вечерний бар» поэт Николай Заболоцкий:

*Там Невский в блеске и тоске,
В ночи переменявший краски,
От сказки был на волоске,
Ветрами вея без опаски,
И как бы яростью объятый,
Через туман, тоску, бензин,
Над башней рвался шар крылатый
И имя «Зингер» возносил.*

Однако в качестве штаб-квартиры ведущей в России швейной фирмы дом компании Зингер просуществовал совсем недолго. Вскоре после прихода к власти большевиков здание было национализировано, а сама компания «Зингер» так и вообще покинула переделы страны. И вот

уже более века расположенный по адресу Невский проспект, дом 28 особняк известен петербуржцам и гостям северной столицы как Дом книги. Причем многие десятилетия это был самый крупный книжный магазин всего Советского Союза.

Это может показаться просто невероятным на первый взгляд, но Дом Зингера на Невском проспекте и дача управляющего компанией Генриха Бертинга в Лесном связаны множеством тайных, невидимых нитей истории. Дело в том, что владель-

цы компании — семейство Зингеров — вопреки своему происхождению и невероятно высокому положению в немецком обществе, были теснейшим образом связаны с германской социал-демократической партией и... с германской разведкой.

Александр Парвус, миллионер и по совместительству активный марксист, организовавший возвращение Ульянова-Ленина в опломбированном вагоне в Россию и при этом хороший знакомый Зингеров, предложил кайзеровскому правительству для прекращения войны на Восточном фронте устроить в России государственный переворот с последующей передачей власти пораженчески настроенным крайним левым силам. И германские власти, и крупные промышленники выделяли на нужды российских социал-

демократов большие суммы и передавали их через Вайса, одного из представителей компании «Зингер». Именно в доме «Зингер» хранились и распределялись деньги партии.

Компания имела свои отделения и фирменные магазины во всех сколько-нибудь значительных городах, а в волостях и даже в селах — агентов. У каждого агента имелась особая, выданная фирмой географическая карта района. На ней агент условными знаками отмечал число проданных им в рассрочку швейных машин и другие коммерческие данные. Контрразведка России установила, что карты эти весьма остроумно использовались для собирания сведений о вооруженных силах и военной промышленности России. Агенты сообщали эти данные ближайшему магазину, и там составлялась сводка. Полученная картограмма направлялась в Петроград в центральное управление акционерного общества «Зингер». Отсюда выбранные из картограмм и интересующие германскую разведку сведения передавались за границу...

Решив, видимо, что ему как директору негоже отставать от своей фирмы, не так давно построившей на Невском проспекте знаменитое здание с башней, Генрих Бертлинг кардинально преобразил имевшиеся до него здесь деревянные постройки: перестроил второй этаж, озеленил территорию вокруг дома,

возвел летнюю веранду и восьмигранную башенку под шатром. Особняк, выигрышно расположенный среди окружавшей его зелени деревьев, производил поистине сказочное впечатление. И, конечно же, как и следовало ожидать, в народе этот терем быстро окрестили «дачей Зингера». Впрочем, наслаждаться безмятежной дачной жизнью Бертлингу и его семейству суждено было совсем недолго.

Вопреки до сих пор широко распространенному заблуждению, хозяин семейства и бывший управляющий компании «Зингер» не умер в 1916 году, а пережил и Февральскую, и Октябрьскую революции. Вскоре после прихода к власти большевиков он ожидаемо попытался выехать из Страны Советов на историческую родину и даже получил на это в тех непростых условиях разрешение, но из-за ухудшившегося здоровья не смог осуществить задуманное. Г.Г. Бертлинг скончался в 1919 году в Петрограде и был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище.

...Так или иначе, но вот уже как четверть века в стенах бывшей дачи Бертлинга находится музей: в Детский музейный центр исторического воспитания постоянно приходят любознательные мальчишки и девчонки, а радушные и внимательные экскурсоводы знакомят ребят с увлекательными страницами истории нашего Отечества. □

Море зовет

Небо сегодня было особенное — едва уловимого лилового оттенка. По нему, словно спеша выполнить важную миссию, плыли редкие облака. Узкие, длинные, они напоминали струйки белого дыма.

«Выполнить миссию... — подумал Роман. — Звучит красиво, но что-то у меня с этим не очень получается. Будто нюх потерял».

Он перевел взгляд на Яну.

Девушка стояла у фальшборта, прямая, как струна. Она немного запрокинула голову и наслаждалась свежим морским ветром. Тонкая белая блузка, свободные бежевые шорты чуть выше колен — та самая минималистская элегантность, которой многие хотели бы достичь, но далеко не каждой это удается. Изящно вылепленное лицо, резко очерченные скулы. Густые черные волосы волной падали на плечи и не развевались, а лишь подрагивали.

«Черт, — подумал Роман. — Я что, на нее запал? Этого еще не хватало!»

Странное дело: изучая досье, выданное ему в Департаменте перед отбытием, он просмотрел массу снимков и видеозаписей — как Яны, так и пропавшей Дарьи. Удовольствие, конечно, получил, но не более того. А сейчас... Стоило увидеть девушку рядом, не на картинке — и сразу забурлили гормоны. В голове туман, в груди сладкая истома — полный джентльменский набор горе-воздыхателя. Вот тебе и профессионал...

Чтобы отвлечься от вредных для работы мыслей, он неспешно обошел яхту вдоль борта. Группа была набрана русскоязычная, среди участников морского сафари преобладала шумная «золотая» молодежь. Особенно выделялись двое. Первый — коротко стриженный крепыш в аляповатых

шортах. Вторая — его подруга, не менее пестро одетая блондинка с браслетами на руках и ногах. Браслеты медленно вращались и периодически вспыхивали разноцветными огнями.

«Да уж, компания подобралась, — подумал Роман. — Не соскучишься».

Сафари имело недолгую, но бурную историю. Все началось, когда в тихоокеанской впадине Тонга обнаружили чудовищных рыб — батрахоцефалов. После первых восторгов деловые люди придумали организовать охоту, но не настоящую, а по принципу «поймал — отпустил», поскольку глубоководная дичь больше нигде не водится — глазом моргнуть не успеешь, как всю изведут.

За дело взялась известная транснациональная компания. Для сбора туристов построили искусственный плавучий остров Пасифик, снабдили пляжами, украсили пальмами, а еще построили гостиницы и, разумеется, аэродром. Одной обслуги насчитывалось тысячи полторы, но все окупалось, потому что бедняки сюда не заглядывали...

В назначенной точке к яхте подошла другая — мельче размерами и странного вида. У нее были плавные, зализанные обводы, а над палубой возвышался огромный прозрачный колпак. Туристы перебрались на новое суденышко, где их встретил долговязый парень с черным «пиратским» платком на голове и длинной серьгой в ухе.

— Меня зовут Дэвид, я ваш инструктор, — широко улыбаясь, с легким акцентом представился он. — Приветствую вас на борту вельбота!

— Чего-чего? — наморщив лоб, спросил крепыш.

— Так в старину назывались шлюпки, с которых охотились на китов. Наша добыча — не кит, но традиции надо соблюдать. А теперь предлагаю посмотреть небольшой фильм-объемник про этого красавца.

В метре над палубой возникло изображение невероятного существа — сверху черного, как уголь, снизу — грязно-желтого в поперечную полосу. «Красавец» мог похвастать уродливой, сплошь в шипах и наростах, жабьей головой и огромным ртом с толстыми бледно-розовыми губами. По бокам головы прилепились здоровенные глазищи, наполовину задержанные серой пленкой, а чуть повыше них во лбу торчала длинная гибкая антенна. Туловище монстра тоже не отличалось изяществом — помимо бесформенных бугров, спину украшали три костяных гребня, а бока — плоские длинные выросты, похожие на водоросли. Хвост был вертикальный, напоминающий лопату, плавники — широченные, растопыренные, шипастые.

— Перед вами реликтовая рыба — черноспинный батрахоцефал, — сказал Дэвид. — Максимальная длина — двадцать шесть метров, масса —

двести десять тонн. Для сравнения: крупнейший из когда-либо добытых китов весил сто пятьдесят тонн!

— Вот это водоизмещение, — уважительно произнес крепыш. — Но ничего, справимся и с вашим барт... бамт... бармаглотом. Верно, пацаны?

Пацаны, до этого стоявшие с разинутыми ртами, зашевелились, обмениваясь репликами. Многие из них, видимо, только сейчас осознали, на кого замахнулись.

Подождав, когда они угомонятся, инструктор продолжил рассказ:

— Эти великаны живут на больших глубинах, где много светящейся живности, потому-то у них такие глаза. Повадками батрахоцефалы напоминают рыб-удильщиков. Сейчас вы увидите, как они охотятся.

Висящий над палубой монстр поводил плавниками. Казалось, он дремлет. Но вдруг неподалеку от его безобразной морды появилась другая рыба — плоская, как тарелка.

— Еще один обитатель впадины Тонга — звездчатый псевдоскат, — пояснил Дэвид. — Длина — до четырех метров.

Батрахоцефал тут же распахнул «гляделки», плотоядно пошевелил губами и начал медленно открывать пасть. Зрелище было жуткое — внутри черного провала тускло мерцали мощные конические зубы в два ряда. Затем охотник удлинил свою антенну, и на ее конце возникло утолщение. Вначале шаровидное, оно вскоре приобрело более сложную форму: продолговатое тело, на одном конце — ромбовидный плавник, на другом — подобие щупалец. Ни дать ни взять — кальмар!

— Местные кальмары — любимая пища псевдоскатов, — сообщил Дэвид. — Теперь смотрите внимательнее.

Псевдоскат увидел приманку и, недолго думая, направился к ней. В этот момент гигантская туша батрахоцефала резко подалась вперед, чудовищная пасть захлопнулась — и жертва исчезла, будто ее и не было.

— У-ух ты! — хором выдохнули туристы.

— Ну ничего себе, — сказала блондинка с браслетами. — А если он и нас... вот так?

— Страшно? — насмешливо прищурился Дэвид. — Я думаю, ради острых ощущений можно и рискнуть. В конце концов никто из нас не вечен. — Он увидел, как у девушки от такого ответа буквально отвисла челюсть, и понял, что перегнул палку. — Ладно, шучу. Все отработано до мелочей, несчастных случаев до сих пор не было и быть не может. Вельбот, правда, наверняка начнет покачивать. Он может даже перевернуться, но это не страшно. Корпус герметичен, сделан из сверхпрочного пластика, к тому же вы получите спецкостюмы с воздушной амортизацией. Короче, во всем положитесь на меня!

Роман снова посмотрел на Яну. Спокойное лицо, непринужденная поза — ничего настораживающего. Поверить, что с ней связана удивительная тайна, мог только неисправимый романтик. Или посвященный.

Роман был посвящен.

Месяц назад не так далеко отсюда произошла трагедия. Глубоководный аппарат «Аргонавт» исследовал край океанского провала — и внезапно канул в бездну. Поиски ни к чему не привели, причина катастрофы так и осталась загадкой. Засбоила жизненно важная программа? Сказался дефект конструкции? Поди, угадай...

«Аргонавт» забрал с собой в царство вечного мрака весь экипаж — трех мужчин и женщину. Их успели оплакать и посмертно наградить. А потом произошло удивительное.

Формируя команду для очередного морского сафари, организаторы насторожились. Одну из участниц звали Яна Шахова, и она как две капли воды походила на другую девушку — двадцатидвухлетнюю Дарью Соболев. Ту самую, которая должна быть погребена в смятом чудовищным давлением «Аргонавте»!

В другое время, возможно, на это бы никто и внимания не обратил, но только не сейчас — слишком свежа была боль утраты. И крошечное полицейское управление Пасифика начало тайную проверку.

Первым делом выяснили, что сестры-близняшки у Дарьи не было. Конечно, это еще ни о чем не говорило: мало ли на планете двойников, которых и матери не всегда различат! Поэтому в управлении пошли дальше и сличили видеозаписи: архивные — с Дарьей и новые, сделанные исподтишка, — с Яной. Результат вызвал шок: у девушек совпадали не только лицо и фигура, но и походка, жесты, манера разговаривать.

После этого возникла фантастическая версия: Дарья чудом спаслась из тонущего аппарата и, вместо того чтобы вернуться домой, записалась на сафари. Но зачем?!

Продолжение проверки вызвало новые вопросы. Например, Яна не значилась в списках прибывших на Пасифик авиапассажиров. Жила она не в гостинице, а на одной из немногочисленных частных квартир, хозяйка которой отличалась безалаберностью и не требовала документов у постояльцев.

Проще всего, конечно, было вызвать девушку в полицию и как следует допросить. Но делать это, если турист ничего не натворил, местные власти не имели права. Да и как повлияет подобная история на потенциальных клиентов? Захотят ли они везти свои денежки туда, где их обладателя могут ни за что ни про что арестовать?

Наконец, устав от загадок, руководство Пасифика обратилось в МДОР — Международный департамент особых расследований. Там сочли проблему надуманной, а просьбу — блажью. Но отмахнуться не смогли и, отыскав среди своих сотрудников русского, для проформы командировали его на остров. Мол, разберешься, что к чему, напишешь отчет — и свободен. Этим сотрудником и оказался младший инспектор Роман Кондратьев, для которого устроители сафари специально придержали место в команде...

— У кого-нибудь есть вопросы? — спросил Дэвид.

— У меня! — выдвинулась вперед блондинка. — Вы говорили, он очень глубоко плавает. Так мы что, нырять за ним будем?

— А хотелось бы? — улыбнулся инструктор. — Нет, от этого я вас избавлю. Видите ли, наша рыбка хорошо переносит быстрые перепады давления — ну, как всем известный кашалот. Надо только заставить ее подняться, и этим займутся специальные роботы. Детали уточнять не буду, но железные ребята сделают все, чтобы он выскочил на поверхность. А мы — тут как тут! Теперь — главное.

Голограмма исчезла, зато из палубы выдвинулись прозрачные двухместные кабинки.

— Наше сафари — не для одиночников! — бодро продолжил Дэвид. — Как видите, кабинок восемь, а вас — шестнадцать. Поэтому каждый должен подобрать себе напарника — без него ничего не получится. Управлять орудиями лова очень просто — с помощью старых добрых джойстиков. Устраиваетесь поудобнее, включаете экран и подводите курсор к цели. Но даже если установите его точно, выстрелить не удастся. Весь фокус в том, что то же самое должен проделать ваш напарник. Как только курсоры совместятся, оба жмете на кнопку «пуск». Все ясно? Парней..

— И куда? — поинтересовался другой. — У него кругом броня — из пушки не прошибешь!

— Отвечаю по порядку, — сказал Дэвид. — Пусковые установки находятся ниже ватерлинии. Мы называем свои снаряды гарпунами, но на самом деле это мини-торпеды. В головках у них капсулы с особым веществом. Не яд, не снотворное, но после нескольких попаданий наша добыча перестанет двигаться. А куда стрелять... Вы верно подметили — он весь в костяных пластинах. Но два уязвимых места все же есть. Видите — вон там, за грудными плавниками, перепонки в виде трапеции? Попасть в них непросто, поэтому каждой кабинке придается четыре гарпуна. Как только батрахоцефал оцепенеет, роботы-загонщики подведут под него надувные поплавки, и до рассвета он останется наполовину погруженным в воду. После этого вы сможете сесть на него верхом и вдоволь попозировать. На видеосъемку отводится час, затем — торжественный ужин и развлека-

тельная программа. Ночь проведем на яхте рядом с нашей рыбкой, а когда она махнет хвостом и уйдет в глубину, отправимся домой и мы. Еще вопросы есть?

Вопросов не было.

Инструктор пошел на корму, открыл неприметный люк и начал один за другим вытаскивать оттуда спецкостюмы. А Роман сделал глубокий вдох, резко выдохнул, зачем-то пригладил волосы и решительно направился к Яне. Она заинтересованно подняла голову, и их взгляды встретились.

Он словно впервые заметил, какого редкого цвета у нее глаза — насыщенно-зеленого. Нефритового, услужливо подсказала память. Почему это маленькое чудо не всколыхнуло ему душу, когда он изучал материалы досье? Надо же быть таким слепцом!

— Извините, — сказал Роман, остановившись в шаге от Яны. — Вы без пары, и я тоже. Предлагаю объединиться. У меня такое чувство, что нам повезет.

— И часто вы испытываете подобные чувства? — Ее лицо оставалось серьезным, но в глазах плясали смешинки.

— Как только увидел вас... — витиевато начал Роман, еще не зная, чем закончит.

— Достаточно! — Яна подняла руку, прерывая его тираду. — Я согласна.

— Благодарю! — Он галантно наклонил голову, а сердце у него в груди победно застучало, готовясь перейти на барабанную дробь.

Облачившись в спецкостюмы, они выбрали кабинку, уселись поудобнее, и их тут же обволокли выдвинувшиеся со всех сторон мягкие захваты. Затем на носу вельбота выросла еще одна кабинка — совсем маленькая. В нее забрался инструктор.

— Объект на подходе, — предупредил он. — Все готовы?

— Да! — вырвалось из пятнадцати глотков. Промолчала лишь Яна. Она и сейчас была совершенно спокойна, как будто собиралась не охотиться на двухсоттонную тварь, а развлечься на простеньком игровом автомате.

— Внимание! — крикнул Дэвид, и сразу же вслед за этим по левому борту вскипела вода.

Батрахоцефал оказался гораздо ужаснее, чем на голограмме. Его размеры вызывали оторопь. С безобразной жабьей головы, омывая шипы, бугры и бугорки, ручьями стекала вода. Глаза были не меньше подноса, и в них читался приговор всему существу. Гребни на спине топорщились отточенными иглами — не иначе, монстр задумал насадить на них жалких человечешек. А вот знаменитая удочка-антенна оказалась втрое короче, чем ожидалось. Видимо, она выдвигалась на всю длину только во время охоты.

— Мамочки! — взвизгнула блондинка с браслетами, и чудище, словно реагируя на этот вопль, поднырнуло под вельбот. Суденышко вздрогнуло и закачалось, как поплавок.

Батрахоцефал появился вновь — уже по правому борту. Он почти стоял на хвосте, напоминая черный утес. На вельбот обрушилась масса воды и разбилась о защитный колпак.

Теперь орали уже почти все. Громче всех — крепыш:

— Давай, Светка! Целься в эту, мать ее, трапецию! Веди, веди... Ну!

— Ой, я не могу! — причитала его подруга. — У меня руки дрожат!

— Фигня! Давай, девочка... Сейчас мы его пощекочем!

Какие бы кульбиты ни вытворял батрахоцефал, он все время оставался в центре экрана. Роман принялся лихорадочно крутить джойстик, но Яна почему-то не последовала его примеру.

— Сейчас не получится, — со знанием дела ответила она на недоуменный взгляд напарника. — Угол не тот.

Вдруг раздался странный звук — словно вжикнула тетива исполинского лука.

— Гарпун пошел! — крикнул инструктор. — Прوماх!

— Зар-раза! — выругался крепыш.

Батрахоцефал развернулся, открыл пасть и понесся прямо на вельбот.

— У-у! А-а! О-о! — завопили гарпунщики, когда зубы дьявольской рыбы заскрежетали о колпак. Роману даже показалось, что он чувствует смрад из утробы монстра. Батрахоцефал подпрыгнул, навалился всей тушей, и нос вельбота ушел под воду. Понять, кто охотник, а кто добыча, теперь было решительно невозможно.

Наконец рыбина отпустила кораблик и нырнула. Камера продолжала следить за ней и под водой.

— А вот теперь давайте, — встrepенулась Яна. — Хорошо раскрылся!

Их курсоры плясали друг возле друга, но никак не могли совместиться внутри трапеции.

— Так... так... — приговаривала Яна. — Плавно... Еще плавнее... Давай!

Это внезапное «давай» вместо «давайте» прозвучало для Романа как музыка. И, нажимая на спуск, он уже знал, что теперь они с Яной окончательно и бесповоротно на «ты».

«Вжик!» — сказал гарпун.

— Есть! — объявил инструктор.

— Ага! — заорал Роман и победно вскинул руки, но не рассчитал и больно ударился костяшками пальцев о потолок кабины.

— Осторожнее, — глянула на него Яна и впервые за все время улыбнулась. — А ты молодец!

— Мы! — поправил «молодец» и зарделся от удовольствия.

Видимо, у батрахоцефала была замедленная реакция — еще несколько секунд он плыл как ни в чем не бывало. Потом начал тормозить, а развернувшись, словно обезумел и с яростью накинулся на вельбот. Тот заходил ходуном, а потом сделал именно то, от чего страховали защитный купол, спецкостюмы и захваты в кабинках, — опрокинулся вверх килем.

Началось неописуемое. Романа и Яну то швыряло друг к другу, то отбрасывало в разные стороны. Остальным охотникам приходилось не лучше. Мужчины изрыгали потоки ругательств. Их подружки визжали, словно попали в бочку с крысами.

— Без паники! — пытался перекрычать всех Дэвид. — Ничего страшного!

И в самом деле: как только монстр в очередной раз нырнул, кораблик перевернулся обратно. Обозленные гарпунеры тут же схватились за джойстики. «Вжики» раздавались один за другим. Инструктор едва успевал объявлять:

— Промах! Промах! Промах! Есть!

— Елы-палы! — завопил крепыш, колотя себя кулаками в грудь. — Это мы его сделали! Мы!

После него вновь отличились Роман с Яной. На следующий бросок сил у чудища уже не хватило. Его движения замедлились, и охотники, увидев это, открыли настоящую канонаду.

— Промах! Промах! Есть! — комментировал инструктор. — Промах! Есть! Есть! Промах! Есть! Есть! Есть! Все, норма! Прекратить стрельбу!

Но разгорячившиеся охотники прекращать не желали.

— У нас еще один гарпун остался!

— А у нас — два!

— Да хоть десять! — отрезал Дэвид. — Я же сказал — норма! Хотя... — Он оглядел возбужденную компанию и махнул рукой: — Ладно, валяйте. Ведите курсор, жмите на спуск, все как обычно. Только гарпуны уже не вылетят — я их заблокировал.

Через несколько минут батрахоцефал перестал шевелиться, а чуть позже, когда в бок ему ткнулся вельбот, подвергся нашествию победителей. Они облазили все шипы монстра, позировали, сидя между глаз, держась за плавник, обхватив руками удочку-антенну. А Роману и Яне инструктор в качестве реквизита выделил гарпун. Примерно полтора метровый длины, он оказался настолько легким, что его можно было без особых усилий держать вдвоем.

Запечатлев себя во всех мыслимых и немыслимых позах, туристы перебрались на сменившую вельбот яхту. И грянул пир!

Роман, конечно, хотел сесть рядом с Яной, но замешкался и, к своей досаде, оказался на противоположном от нее конце стола. Кругом бурлило веселье, то и дело раздавались взрывы смеха, а ему кусок не лез в горло. Когда бы он ни бросил взгляд на свою напарницу, всякий раз оказывалось, что ее отвлекает болтливый сосед справа или слева.

Застолью не было видно конца. Ближе к полуночи поднабравшиеся «рыболовы» начали горланить песни, и Роман понял, что с него хватит.

«К черту, — решил он, поднимаясь. — Продолжайте без меня».

У себя в каюте Роман сразу лег, но заснуть не смог. Поворочавшись с полчаса, он встал и, чтобы остудить голову, сунул ее под кран с холодной водой. Затем достал планшет и переключился на свое задание.

В таинственной истории, которую ему предстояло распутать, имелась маленькая зацепка. Могло показаться, что Яна Шахова — всего лишь случайный набор звуков. Однако Роману удалось выяснить, что именно так звали девочку, с которой Дарья Соболев дружила в начальных классах школы. Они давно расстались. Дарья, отучившись, стала океанологом, а Яна занялась изучением первобытных индейских племен, и в одной из экспедиций ее следы затерялись.

Роман вызвал на экран фотографии настоящей Яны. Маленькая, рыжая, в конопушках, с острым носиком. Полный антипод черноволосой охотницы на батрахоцефала!

Чем дальше Роман разглядывал снимки, тем более бредовые версии приходили на ум. Он додумался даже до мистического переселения душ. Невзрачная коротышка позавидовала красоте бывшей подруги, и чувство это оказалось настолько сильным, что личность Яны, преодолев тысячи километров, очутилась в теле Дарьи...

«Стоп, — сказал себе Роман, — это уже ни в какие ворота не лезет! Попробуем-ка взяться за дело с другого конца».

Он запросил информацию о когда-либо проводившихся исследованиях впадины Тонга. Получив их, принялся фиксировать разные странности. Их оказалось немного, и почти все они касались определения глубины. С одной стороны, самое дно было хорошо известно — 10 882 метра от уровня моря. С другой — имелись косвенные признаки того, что это дно — обманка. Только косвенные, но и они настораживали.

Роман собрал подозрительные факты воедино — и его пронзило ощущение, что разгадка близка. Но радости это почему-то не принесло. Напротив, стало жутковато, как от прикосновения к тайне, знать которую еще не пришло время.

Он сидел, уставившись в экран, пока не запел внутренний телефон.

— Я знаю, что ты не спишь, — запросто, без извинений за беспокойство, сказала Яна.

— Откуда?

— В такую ночь не спят. Хочешь прогуляться по палубе?

Сердце восторженно бухнуло в груди.

— Я мигом! — ответил Роман и скатился с кровати.

Яна стояла, облокотившись о фальшборт, и любовалась разлитым в воде живым серебром. Это были всего лишь колонии светящихся морских обитателей, но, находясь в непрерывном движении, они создавали диковинные узоры. Вдали от яхты свечение блекло. Однако до момента, когда зарево восхода окрасит алым едва различимую линию горизонта, осталось не больше часа.

— Рассвет близко, — сказал Роман.

— Да, — отозвалась Яна, не поднимая головы. И, помолчав, добавила: — Время волшебных превращений...

Романа кольнуло легкое беспокойство.

— О чем ты? — спросил он. — Думаешь, с первыми лучами солнца бармаглот обернется прекрасным принцем?

— Нет, конечно. Бармаглот — всего лишь бармаглот, вряд ли он чем-то нас удивит. Но океан... Что мы о нем знаем? До сих пор сняли всего лишь пену с гребешков волн. А к тайнам даже не подступились.

Роман напрягся.

— К тайнам? — Напрягшись, повторил Роман, следя за реакцией Яны. — Ну, если речь зашла о них, то одну, мне кажется, я нащупал. Впадина Тонга гораздо глубже, чем кажется. Верно?

— Возможно. — Яна заворожено смотрела вниз, словно в толще воды, проступая сквозь огненные росчерки, разворачивались фантастические картины. — Допустим, то, что мы считаем дном, — всего лишь искусственный барьер. А под ним... — Она сделала паузу.

— Так что же там?

— Давай пофантазируем. Может, на настоящем дне дымчат «черные курильщики», а вокруг них — подводные оазисы, где буйно расцвела жизнь? Представь огромный металлический купол. Внутри него — целый город, который населяют поразительные существа. Назовем их... ну, скажем, тонгианами. Им доступно многое. Они никогда не видят солнца, но знают о нем, не выходят из воды, но в курсе того, что творится на суше. Тысячи лет их цивилизации ничто не угрожало. А потом наверху появилась и начала стремительно развиваться еще одна. Сначала люди научились бо-

роздить поверхность океана, затем полезли вглубь. Чего же от них ждать дальше?

— Ну и воображение у тебя... — Роман посмотрел туда, где, окруженная светящимися разводами, на воде колыхалась черная туша батрахоцефала. — Я бы на месте этих твоих тонгиан сильно не переживал. Разумные всегда договорятся.

— Как? Между ними ничего общего! Два разных мира на одной планете, разные условия, разная психология... Никаких точек соприкосновения, помочь может только случай.

— Ты умеешь прекрасно фантазировать. Так придумай и этот случай!

— Уже. — Яна наконец-то подняла голову, повернулась к Роману, и ему показалось, что ее глаза в свете звезд загадочно мерцают. — Что должны сделать две абсолютно непохожие расы, если хотят сблизиться? Для начала — присмотреться друг к другу, попытаться понять, хотя бы через посредника. Первые годы тонгиане только присматривались к людям. А потом у тех затонул глубоководный аппарат. Под названием...

У Романа пересохло в горле.

— ...«Аргонавт», — выговорил он деревянными губами.

— Верно. Тонгиане хотели спасти людей, но не успели. Когда они добрались до места катастрофы, три человека уже погибли, а единственной в экипаже женщине оставались считанные минуты. Решение пришло мгновенно: снять копию и с тела, и с мозга, пока он жив, после чего использовать в своих целях.

Яна замолчала. А Роману показалось, что под ногами у него качнулась палуба. Там, в каюте, он лишь начал кое-что понимать. Теперь же ему открылась вся правда, и перевернуть ее было невыносимо трудно.

— Значит, ты... — выдавил он.

— Да. Синтетическая личность. Посредник между двумя мирами.

— А Яна Шахова...

— Всего лишь имя, которое хорошо отпечаталось в памяти Дарьи.

— И что же... Чего вы добились?

— Сделан только первый шаг, — ответила Яна. — Маленький, крошечный. Тонгиане создали меня, чтобы начать общение, взглянуть на вас моими глазами. Кое-что они поняли, и теперь будут готовить новые эксперименты. А этот подошел к концу, потому что сроки истекли, оставаться здесь дольше я не могу. Море зовет...

Романа пробрал озноб. Ощущение близкой утраты накатило с такой силой, что все остальное показалось не важным: работа, задание, тайна чужой цивилизации...

— Так ты уходишь? Туда?.. — Он кивком указал на воду, где как раз расцвел особо сложный узор.

— У меня нет выбора, — мягко и грустно, словно извиняясь, сказала Яна. — Но все только начинается. Увидишь — мы обязательно вернемся.

— Мы? — Роман схватился за фальшборт и с силой, до боли, стиснул его. — Мне никто из вас не нужен кроме тебя. Скажи — среди этих «мы» будешь ты?!

Яна опустила голову. Какое-то время она молчала, словно мучительно боролась с собой. Затем выпрямилась, и в глубине ее глаз Роману вновь почудилось зеленоватое мерцание.

— Ты не представляешь, чего просишь. Решают другие, от меня зависит ничтожно мало. Но... Я постараюсь.

Она шагнула вперед, внезапно обвила руками шею Романа, и он задохнулся от обжигающего поцелуя. Потом отпрянула, легко перемахнула через ограждение, рыбкой устремилась вниз и почти без всплеска вошла в светящуюся воду...

Следующая неделя прошла сумбурно, нелепо — Роман словно не прожил эти дни, а бездумно сжег. Вернувшись на Пасифик, отчета в Департамент не представил, даже не приступил к нему, отделавшись отпиской. А когда раздраженное начальство затребовало инспектора назад, чтобы устроить ему взбучку, отказался покидать остров. В МДОРе взбесились, и вскоре строптивцу пришел приказ об увольнении.

Он встретил это известие с вялым безразличием. У него еще оставались какие-то деньги, а о том, что будет дальше, думать не хотелось. По настоящему Романа волновало только одно.

Каждый день он окунался в сводку новостей, тщательно их перечитывал, словно пытался найти тайный знак, и, не найдя, уходил к морю. Там вышагивал по периметру острова, смотрел, как берег лениво облизывают тягучие волны, и боролся с бесом сомнения.

— Опомнись, безумец! — вкрадчиво нашептывал тот. — На что ты надеешься? Это даже не человек, между вами пропасть! И с какой стати тонгиане должны о тебе думать? Твои чувства им чужды, терзания — безразличны. Главное — результат. Сегодня испробовали один вариант, завтра выберут другой. Смирись и забудь!

Словесный яд по капле сочился в душу, и порой ее сковывала леденящая безысходность. В такие минуты Роман чувствовал, что готов сломаться. Но каждый раз, когда становилось совсем невмоготу, он замирал у кромки воды, вспоминал облитое звездным светом лицо Яны и повторял, как заклинание: «Она вернется...» □

Тамара Кутидзе

Тамара Кутидзе — обладательница бархатного сопрано, победительница многих конкурсов, а также участница проекта «Голос». Ее пронзительный взгляд, красота и фактура органично сочетаются как в исполнении популярной музыки и шансона, так и классической и эстрадной.

«Чтобы тебя слушали люди, чтобы твои песни воспринимала вся страна — это огромный труд...»

Фото из личного архива

— Тамара, у вас — имя царицы. Оно как-то наложило отпечаток на ваш характер и биографию в целом, как вы считаете?

— Имя в моей жизни имеет огромное значение, потому что во многом, мне кажется, характер мой сформировался благодаря именно этому. Очень сложное имя, как вы сказали, царское. И оно, конечно, во многом отражается на моей личности — ведь говорят: «как корабль назо-

вешь, так он и поплывет». Я очень рада, что меня именно так называли. Потому что в мире музыке требуются целеустремленность, характер, желание добиться больших результатов и успехов. По жизни — это мое кредо: я всегда иду только по этому пути, и всегда добиваюсь того, чего хочу. Еще я очень злопамятная, несмотря на мою доброту в целом, искренность и любовь к жизни, к миру. Имя Тамара в буквальном переводе

означает «финиковая пальма». Светлая, добрая, красивая. Я верю, что в жизни происходит все не просто так. И имя человеку дается тоже не просто так, есть в этом определенный смысл.

— В детстве вы говорили и думали по-грузински. Как вы учили русский язык?

— Конечно, я испытала большой стресс, потому что была еще восьмилетним ребенком, когда мы переехали в Россию, и я ни одного слова не знала по-русски. Как ни странно, русский язык я выучила за два месяца, правда, только разговорный. А потом уже, учась в школе, мне помогала одна из моих подруг, которая подсказывала значение того или иного слова. Со временем я уже свободно говорила по-русски. А сейчас, когда приезжаю в Грузию, все наоборот получается: я думаю на русском и перевожу на грузинский. Многие замечают, что я говорю сейчас без акцента, пою без акцента. Некоторые люди даже не знают, что я грузинка. И когда приезжаю в Грузию и начинаю говорить на грузинском, многие удивляются, как мне удается, прожив в России 30 лет, так чисто говорить по-грузински и, конечно, петь. Причем, так как у меня абсолютный слух, то я без акцента говорю и пою.

— Правда ли, что еще в детстве вы пообещали родителям стать звездой?

— Да, правда. Такие мысли пришли мне в голову сразу после самого первого выхода сцену. Я тогда участвовала в конкурсе красоты. Нужно было каждому из участников подготовить какой-то творческий номер, и я почему-то решила спеть, хотя до этого никогда не занималась музыкой. Никогда не думала, что так красиво смогу исполнить песню про маму. Это было невероятное ощущение. До сих пор помню те софиты, помню даже микрофон. Именно тогда я ощутила магию сцены, и появилось желание петь. Мне перед зрителями было совсем не страшно, наоборот, уютно как дома. Я чувствовала себя раскрепощенной, несмотря на то, что вышла на сцену в первый раз. И сегодня сцена для меня — как мой родной дом, где можно быть самой собой, где мечты становятся реальностью, где чувствуешь себя защищенной, где тебя любят и всегда ждут.

— Перед тем как начать сольную карьеру, вы много работали педагогом по вокалу. Расскажите, пожалуйста, про этот опыт.

— Для меня это был очень интересный опыт, потому что я преподавала в той студии, где раньше училась. Весьма большой отрезок моей жизни прошел в этих стенах. Я обожаю детей, и они приносили в мою жизнь столько позитива, любви, таланта! И сейчас, будучи уже матерью, мне во многом помогает этот опыт общения с детьми. Потому что

каждый ребенок — индивидуален. Каждый чего-то ждет от процесса обучения. Я стала для них как вторая мать. У меня есть любимые ученики, с которыми мы идем рядом до сих пор. Некоторые вышли замуж, уже дети подросли. Одна из моих самых любимых учениц — это Милена Геворкян. Просто невероятно талантливый ребенок, вы не представляете, как она поет! Когда ею восхищаются члены жюри в конкурсе, в котором она участвует, мне это ох как приятно!

— Как вы готовились к проекту «Голос» и почему решили пойти к Леониду Агутину?

— Что касается проекта «Голос», то во многом это было моей мечтой. Я давно следила за этим проектом, смотрела практически все выпуски и всегда представляла себя на месте участников. Но никогда не могла подумать, что на проект попаду, будучи в положении. Безусловно, это был огромный опыт. Замечательный проект, наставники — Дима Белан, Пелагея, Александр Градский, который оставил в моей душе такую теплоту, что не передать словами. Я посмотрела на него совершенно другими глазами. Ну и, конечно, замечательный Леонид Агутин. Для меня Леонид Николаевич — это музыкант с большой буквы, это икона музыкального стиля, поэтому я решила пойти именно к нему.

— Какой отпечаток оставил в вас проект «Голос»? Что дал вам Леонид Агутин как педагог и мастер?

— Безусловно, мне очень помогла его поддержка, он мне позволил исполнить песню, которую написал замечательный поэт Владимир Ильичев. Это была песня под названием «Я — женщина». Редко кому удается на проекте использовать новую песню, и во многом это принесло мне еще больше зрительских симпатий. С профессиональной точки зрения, Леонид Николаевич дал какой-то стимул, сказал, что у меня очень красивый тембр, что меня приятно слушать. И самое главное, что выбор был сделан очень честно. Я так волновалась, как никогда в своей жизни! До сих пор помню эти ощущения: в тот момент, когда выходишь на сцену — темнеет в глазах и даже голос пропадает...

— Как вы поступали в ИСИ? Чем запомнилось обучение?

— Я поступила сразу в четыре института. Это были Гнесинская академия, Институт современного искусства, эстрадно-джазовые училища на Ордынке и в Химках. Когда я приехала в Гнесинскую академию на прослушивание, сразу поняла, что это немножко не мое — очень, так сказать, классическое образование. А в Институте современного искусства меня почему-то покорила охранник, сидевший на входе и пропускавший абитуриентов. Он сразу

меня отметил, поздоровался и сказал: «Какая же вы красивая! Я художник по профессии, и поражен, какие же у вас красивые черты лица. Навероятно артистично даже то, как вы ходите, вы разговариваете!» Кстати, его звали Игорь. В моей жизни имя Игорь — это какое-то судьбоносное имя. Моего продюсера зовут Игорь Матета, моего супруга зовут Игорь. В общем, я приняла решение остаться именно в этом вузе. Там учились многие известные сейчас артисты. Мы классно проводили время! До сих пор общаемся со многими ребятами нашего курса. И вообще, у меня осталось очень много приятных воспоминаний о том времени.

— Помните своих педагогов по вокалу?

— Мой самый первый педагог — Шашкина Людмила Васильевна. А в институте у меня был замечательный педагог — Афанасьева Людмила Алексеевна, она очень много для меня сделала. Обе они — это два путеводителя в моей жизни, которые очень сильно повлияли на становление меня как артистки. На мои голосовые данные и на диапазон.

— В этом году у вас вышел дуэт со Стасом Михайловым. Какой он, любимец миллионов женщин, в жизни?

— Вот такой же вопрос я задала сама себе, когда впервые его увидела: какой же он, этот любимец миллионов женщин? Кстати, когда я участвовала в проекте группы «Весна» под руководством Игоря Матеты,

я впервые услышала песню «Все для тебя» и подумала — как было бы замечательно спеть с ним дуэтом. Так и получилось спустя 10 лет, моя мечта сбылась. Что могу сказать о нем... Ну, конечно же, только самые хорошие слова в его адрес. Добрейшей души человек, талантливый, требовательный, очень искренний. И наш дуэт сложился, и песня сложилась. Режиссер Инна Исполинских сняла клип на песню «Звезда с глазами солнца». Эта история тоже достаточно судьбоносная в моей жизни, потому что я очень верую.

Клип был снят про Матрону Московскую, которая во многом мне по жизни помогала...

Вот так и сложилось: и эта песня, и ее название «Звезда с глазами солнца», и клип, и моя концертная программа, которая тоже идет под этим названием.

— Вы сказали, что вы — верующий человек. Какие у вас любимые храмы?

— Что касается веры и посещения храмов и церквей — для меня это очень важно. Бог со мной каждый день — каждую секунду, каждую минуту я чувствую его поддержку. Взять хотя бы те самые чудеса, что происходят в моей жизни... Я иногда сама себе задаю вопрос: а как это могло произойти? Но ведь действительно происходит! Когда о чем-то прошу с огромной верой в душе, видимо, настолько работает сила мысли, что все сбывается... Что же касается храмов, я — прихожанка Покровского женского монастыря, где находятся мощи блаженной Матроны Московской. Также посещаю Храм Великомученика Георгия Победоносца и Церковь Иконы Божьей Матери Знамение. А в Грузии — это Цминда Самеба (Пресвятая Троица) и церковь Ламария в Сванетии.

— Как удается совмещать семью и творчество? Кто занимается с вашей дочкой Евой в ваше отсутствие?

— Основополагающим в моей жизни является семья и тот факт, что мне очень повезло (тьфу-тьфу!) с моим супругом. Многие пытались почему-то мою тягу к пению захоронить, а этот человек делает все для того, чтобы меня услышал весь мир. Он — мой самый главный поклонник. Занимается всей творческой деятельностью в моей команде, а еще он — композитор очень многих моих песен. И, конечно, без его поддержки не было бы этой карьеры. Что касается совмещения семьи и творчества, это сложно. Я во многом себя виню, что не всегда удается максимально побыть с дочерью, на душе постоянно небольшой осадок. Но когда есть возможность, всегда стараюсь быть рядом с ней. У нас нет няни, моя мамочка помогает мне в воспитании дочери. Она прошла со мной все пути моего творческого становления и сейчас помогает продолжать династию: воспитывает нашу дочь, которая очень музыкальная, ее голос с самого детства такой яркий, звонкий. Хотя мне не очень хочется,

чтобы она в будущем связывала свою жизнь с музыкой, но наша вторая бабушка Людмила, моя свекровь говорит: «Вся в маму, пойдет по маминым стопам!» Так что, кто знает, может быть, вырастет будущая суперзвезда...

— Кто выбирал такое красивое библейское имя для дочери?

— Имя выбирал мой муж, я полностью положила на него. Ева — это первая женщина на земле, она яркая, как лучик солнца, и такая живая, светлая! И моя дочь именно такая.

Так что когда родится второй ребенок, назовем его Адамом. Это наша мечта!

— Самая большая трудность, которую пришлось преодолеть в творчестве?

— С трудностями преодоления в творчестве сталкиваешься постоянно. Вообще быть артистом — это сложно, популярным — еще сложнее. Чтобы тебя слушали люди, твои песни воспринимала вся страна — это большой труд. Я сталкивалась и с завистью, и с трудностями, но стараюсь преодолевать их и каждый день становиться все профессиональнее — петь для своего зрителя, писать красивую музыку, исполнять прекрасные произведения. Для артистов одна из самых больших трудностей — найти свою, ту самую песню. Если сложилась песня-суперхит, это большая удача.

— Расскажите, пожалуйста, о вашем дуэте с Ириной Круг...

— Я очень люблю Ирину Круг, замечательная женщина, красавица, талантливая! До личного с ней знакомства я была знакома с ее творчеством, исполняла ее песни. А когда судьба свела нас, испытала огромное удовольствие от общения с этой замечательной женщиной и артисткой. Нас познакомил поэт Владимир Ильичев. Судьба нас свела с Владимиром не случайно, потому что в результате появилась песня, и не было никаких сомнений, что она должна

звучать в дуэте с Ириной. Так сложился тандем, сложилась дружба, песня. Я Ирочку очень люблю и желаю ей творческих успехов!

— Как вы пережили время пандемии?

— Как бы ни показалось, наверное, смешным, это было очень удачное для меня время. Несмотря на то, что я болела, точнее мы болели всей семьей, это было время перезагрузки. Начало моей счастливой жизни, участие во многих проектах, замужество, начало сольной карьеры — это все во время пандемии. Мы понимали, конечно, что жизнь уже не будет прежней, но для меня — это удачное время.

— Легко ли бы быть такой красивой женщиной, как Тамара Кутидзе?

— Очень приятно от вас это слышать, благодарю. Я скажу, что нелегко, потому что за всем этим стоит огромный труд. В чем-то слабость, в чем-то боль, разочарование, где-то любовь, а где-то счастье... Бог одарил меня красотой, и я благодарна своим родителям за то, что могу этот свет, красоту и любовь нести своим любимым зрителям.

— Ваши любимые художники, поэты?

— Из художников — это Клод Моне, люблю его полотна «Прогулка дамы с зонтиком» и «Ирисы в саду», которые вызывают невероятное

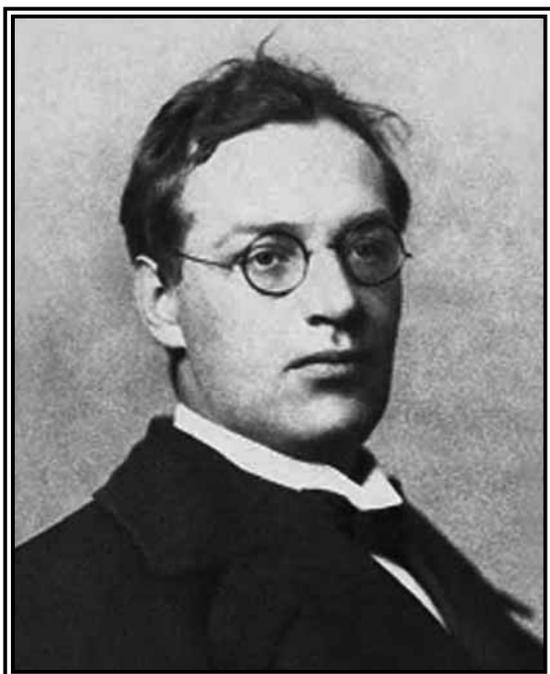
ощущение легкости. Картины Сальвадора Дали погружают меня в фантастику — это «Часы» и «Слоны» из любимых. Из поэтов — люблю стихотворения Есенина о любви и Анны Ахматовой. И самый мой любимый писатель — Шекспир.

— О чем вы мечтаете?

— Я, наверное, не мечтаю, просто благодарна судьбе за то, что у меня

есть, за то, что было и что впереди еще будет. Хочется, чтобы моя дочь росла замечательным, воспитанным, хорошим, добрым человеком. Хочется семейного благополучия, любви, долгих лет жизни с супругом, здоровья всем близким, чтобы родители были всегда рядом, здоровы и счастливы. Чтобы был мир во всем мире. □

Беседовала **Дарья Парчинская**

Юрий Осипов

Борис Пильняк

*«Я хочу быть
сам по себе»*

После долгого периода забвения интерес к творчеству Бориса Пильняка сегодня нарастает. В 20-е же годы прошлого века его имя гремело. Пильняка много переводили и печатали за рубежом. Одно время он возглавлял список самых издаваемых в Советском Союзе литераторов. Студенты-филологи и читающая интеллигенция увлекались пронзительным произведением писателя — «Повестью непогашенной луны». И, подобно герою этого произведения, легендарному командарму, за которым угадывается фигура Фрунзе, жизнь Пильняка была трагически оборвана в 38-м...

Арест Бориса Пильняка произошел практически на глазах его соседа по переделкинской даче Бориса Пастернака и произвел на последнего столь гнетущее впечатление, что он дачу вскоре сменил. А в опустевший дом Пильняка вселили затем двух наркомов. Но вскоре забрали и их...

В последнем слове на суде перед вынесением смертного приговора Борис Андреевич сказал: «Я очень хочу работать... хочу иметь перед собой бумагу, чтобы написать полезную для советских людей вещь».

Настоящая фамилия писателя — Вогау. Его отец происходил из немец-колонистов Поволжья, переселившихся в Россию при Екатерине II после кровопролитной Семилетней войны. Мать же будущего прозаика

была родом из патриархальной купеческой семьи. А сам он родился в 1894 году в Можайске, неподалеку от Москвы. При этом его детство и юность прошли в разных провинциальных городах России — Сара-

тове, Богородске (Ногинске), Нижнем Новгороде, Коломне. Теперь там на домах, где в раннюю пору довелось жить Борису Пильняку, мемориальные доски.

Именно впечатления детских лет, проведенных в русской глубинке, отразились потом во многих произведениях Пильняка. В 1913-м году он окончил реальное училище в Нижнем, а в 1920-м — экономическое отделение Московского коммерческого института. Из-за сильной близорукости в армии не служил и участия в революции не принимал. А вот писать начал с девяти лет и в 1915-м уже публиковался в журналах и альманахах «Русская мысль», «Жатва» и других. Тогда же выбрал для себя псевдоним «Пильняк» (этим словечком жители деревни, в которой летом гостил юноша, называли место лесных разработок).

Заметный читательский резонанс творчество писателя получило вслед за выходом в свет второй его книги «Былье» (1920). «У Пильняка свои слова, свой ритм, свои темы. У него какой-то особенно четкий рисунок и тонкая мысль подлинного модерниста» — так отзывался о нем авторитетный «Вестник литературы». В книге была дана одна из первых попыток отразить быт революционной эпохи: смятение, разброд, неустойчивость и одновременно вспыхнувшие иллюзии и надежды на светлое будущее.

Однако подлинную литературную известность принес Пильняку роман «Голый год» (1921). В нем показана

жизнь условного провинциального города Ордынина в страшном и голодном девятнадцатом году. Символически — перед нами вся Россия. Традиционную сюжетную линию заменяет здесь мозаика, коллаж эпизодов и колоритных сценок по принципу постоянного смещения точек зрения: («Глазами Андрея», «Глазами Натальи», «Глазами Ирины» — это названия подглав). Причем писатель устраняется здесь также от прямых авторских оценок происходящего и сознательно лишает повествование главных героев, тут все персонажи равноправны. Их пестрая галерея отражает разные лики города и его окрестностей: перед читателем проходят во всей красе большевики в «кожанках», коммунары, анархисты, священнослужители, сектанты, знахари, совслужащие. И у каждого — своя правда. А вот единой-то правды нет на свете! — утверждал Пильняк.

«...Ночью же ходить по городу дозволяли неохотно, и, если спросонья будочник спрашивал: — Кто идет? — надо было всегда отвечать: — Обыватель! — В канцеляриях и участках, как и полагается, били людей, особенно ярыг, жестоко и совершенно, специалистом был околоточный Бабочкин.

А над городом подымалось солнце, всегда прекрасное... проходили весны, осени, зимы, всегда прекрасные, всегда необыкновенные».

Что принесла захолустному Ордынину пролетарская революция,

автор романа показывает весьма неоднозначно, и поэтому его творчество с начала 20-х годов вызывало у критиков жаркие споры. Едва ли какой-либо другой советский писатель удостоивался столь противоречивых оценок в периодике, хотя «Голый год», безусловно, сделал Пильняка классиком современной отечественной литературы и способствовал рождению в ней такого яркого явления, как «орнаментальная проза».

Одни считали его революционным прозаиком, другие, напротив, были убеждены, что он реакционен, приклеивали ему, наряду с Булгаковым, ярлыки «попутчика» и «внутреннего эмигранта», однако в большом таланте Пильняка не сомневались ни те, ни другие. Вводила в заблуждение двойственность творческой позиции этого непростого художника. Один из основателей новой советской прозы высокого уровня, всегда подчеркивавший свою лояльность советской власти, Борис Андреевич отказывался вступать в партию и правду искусства ставил выше любых идеологических предписаний, которым как-то внешне пытался следовать. Со страниц своих произведений он слал приветствия Октябрю, но ортодоксальные критики носом чувяли отсутствие «коммунистического стержня» в его художественных книгах и публицистике.

Опять-таки одним из первых деятелей советской литературы Пильняк посетил в 1922 году Германию.

Он ведь хорошо говорил по-немецки, и на него возложили ответственную миссию представлять на Западе писателей, «рожденных Октябрьской революцией». Выбор был правильным, поскольку «Голый год» с энтузиазмом приняла вся русская эмиграция, осевшая в Берлине. Тогда же у Пильняка вышли там помимо «Голого года» еще две книги — «Иван-да-Марья» и «Святой камень-город». Поездка на берега Рейна укрепила Бориса Андреевича в бесценном ощущении творческой свободы, способствовала расширению его кругозора и окончательному самоопределению в художественном плане.

Важное значение имел для него также вояж в 1923-м в Англию, где он встречался с крупными писателями, в том числе с Г. Уэллсом и Б. Шоу. Британская цивилизация и индустриальный прогресс произвели на Пильняка большое впечатление, и поступательное развитие революционных преобразований на родине он теперь связывал, прежде всего, с городом, промышленностью.

В личном дневнике за 1924-й год Борис Андреевич признавался: «Я не... коммунист, и потому не признаю, что я должен... писать по-коммунистически». И в зловещие тридцатые, когда уже будет набирать силу страшный террор, он, играя с огнем, продолжал отрицать в дневнике принцип партийного руководства литературой, отстаивал право писателя на независимость и объективность.

Еще раньше официозная пресса начала массированную атаку на автора «Голого года», называя его мелкобуржуазным писателем, а то и просто предателем.

В 1926 году Пильняк написал свое, наверное, самое знаменитое и скандальное произведение — «Повесть непогашенной луны». Прототипы главных героев угадываются тут сразу — Сталин и Фрунзе. В этой небольшой по объему повести, которую критики упорно величали романом, автор впервые в нашей лите-

нарком по военным делам, покорно соглашается на ненужную ему операцию, выполняя поступивший сверху приказ. Он, без тени сомнения отправлявший на смерть тысячи бойцов во имя стратегических задач, сознательно приносит в жертву собственную жизнь. Рассказывая эту трагическую историю, Пильняк убедительно вскрывает глубинные смыслы бытия.

На выход повести в толстом литературном журнале «Новый мир» власти отреагировали на второй же

Именно впечатления детских лет, проведенных в русской глубинке, отразились позже во многих произведениях Пильняка. Писать он начал с девяти лет и в 1915-м уже публиковался в журналах и альманахах. Тогда же выбрал для себя псевдоним «Пильняк». (Этим словечком жители деревни, в которой летом гостил юноша, называли место лесных разработок.)

ратуре попытался «разобрать» механизм уничтожения, основанный на незыблемом постулате — непрерываемой партийной дисциплине, беспрекословном повиновении приказам вышестоящих. Эта безжалостная дисциплина и является двигателем механизма, вызванного к жизни слепым следованием догме. Вот на какой почве рождаются тираны и диктаторы.

Понимая, что его задумали убить, главный герой, легендарный командарм Гражданской войны, бывший

день — весь тираж журнала был конфискован. Скандал в прессе заставил Пильняка выступить на страницах «Нового мира» с покаянным письмом, в котором он признавал допущенную «бестактность», однако все обвинения отвергал. Это не остановило организованную травлю писателя в печати. Критики старались перещеголять друг друга. Их статьи пестрели такими вот заголовками: «Уроки пильняковщины», «Против пильняковщины и примиренчества с ней» и тому подобное.

В ходе этой вакханалии впервые была опробована снискавшая впоследствии печальную известность формула «сам я не читал, но искренне возмущен».

Ожесточенные гонения в печати на Пильняка длились с 1929-го по 1931-й год. Протестуя, Пильняк и, из солидарности с ним, Пастернак, Ахматова покинули ряды Всероссийского Союза писателей, который до того возглавлял автор «Повести непогашенной луны». Сама эта писательская организация, дававшая ее членам официальный статус и тем самым доступ к публикациям, была вскоре закрыта. А у Пильняка же, тем не менее, продолжали тогда выходить новые произведения, в том числе, повесть «Красное дерево» о послеоктябрьской жизни провинциального городка, которая только подлила масла в огонь. Критики буквально бесновались: «Недопустимое явление», «Красное дерево с белой сердцевиной»...

Одним из немногих, кто встал на защиту Пильняка, оказался Максим Горький, кстати говоря, «Красному дереву» не симпатизировавший.

По всем меркам, ситуация вокруг Пильняка сложилась совершенно парадоксальная. Заклейменный в прессе «внутренним эмигрантом», он оставался самым издаваемым и самым благополучным советским писателем. Его ежемесячный доход в десять раз превышал заработок среднего рабочего. Имелся у Бориса Андреевича и личный автомо-

биль — привилегия, доступная лишь самым обласканным властью собратьям по перу и представителям высшей номенклатуры. В 1929-м вышло собрание сочинений Пильняка в шести томах, в 1930-м — восьмитомник. Его повести «Штосс в жизнь» и «Красное дерево» свободно печатались в берлинском издательстве «Петрополис» наряду с произведениями ведущих мастеров новой русской литературы.

Борис Пильняк объехал буквально весь мир. Европа, Америка, Япония, Китай не раз становились его многомесячными маршрутами. Пильняка много издавали за рубежом, и писатель оправдывал необходимость заграничных командировок тем, что издатели «его безбожно обворовывают», и он мог бы ежегодно отчислять со своих гонораров Госбанку до полутора тысяч инвалютных рублей.

Весной 1934-го Пильняк ходатайствовал о вояже в Прибалтику и Скандинавию уже вместе со своей третьей женой, происходившей из старинного грузинского княжеского рода Кирой Андроникашвили, тогда еще студенткой ВГИКа, которая затем стала киноактрисой и режиссером. Вслед за мужем она была репрессирована в 38-м, отделившись, к счастью, в отличие от него, восемнадцатью годами лагерей. Чудом избежал репрессий их сын Борис, тоже актер и сценарист.

В длительных зарубежных поездках писатель умел зорко подмечать

многое, вдумчиво наблюдать чужую жизнь, сравнивать ее с нашей, обладал своим оригинальным видением мира. Так было не только в цивилизованных странах, но и на Памире, в Афганистане, Монголии. Пильняк был участником трудных северных морских экспедиций, опасных рекордных перелетов. Он даже спускался в тяжелом водолазном скафандре на дно Черного моря... Особо важным было его путешествие в Японию в 1926 году, вскоре после установления этой закрытой островной страной дипломатических отношений с Советским Союзом. Японии посвящены три оригинальных произведения Пильняка — художественный очерк «Корни японского солнца» и два рассказа, в которых автор показал традиционный восточный уклад жизни этого удивительного народа и поведал о литературной Японии начала 20-го века.

Его поистине можно назвать «странствующим писателем». Слово что-то гнало этого неумного человека вдаль — от до-

машнего очага и комфортного быта в окружении любящей семьи, от дружеских застолий в писательском клубе (как тут не вспомнить мас-солитовский ресторанный зал в «Мастере и Маргарите») ну и, разумеется, от всевозможных злопыхателей за спиной...

Путевые рассказы и очерки Пильняка — важная часть литературного наследия писателя. Он относился к ним с той же высокой мерой ответственности, как и к своим художественным произведениям, тщательно отделявал их, добиваясь предельного лаконизма повествования, расцветчивал характерным поэтическим слогом. Вот небольшой пример. «Каменная тропинка вела на кладбище... Вдалеке дымился вулкан. Направо и налево уходили горы. Рядом со мною были рисовые поля. Глубочайшая

тишина. Кладбище заросло печалью бамбуков». И далее: «Всем сердцем я хотел проникнуть в душу Японии... вся эта страна, недоступная мне, засасывает, как болото... Человек Запада засасывается Востоком, деформируется, заболевает болезнью, имя которой «фэбрис ориентис»... и все же выкидывается впоследствии Востоком...»

Человек исключительно любознательный и общительный, Борис Андреевич любил водить дружбу с сильными мира сего, включая близ-

го членского билета, атмосфера политического недоверия и творческого неприятия вокруг него сгушалась. Официальные инстанции многого не могли ему простить.

А книги его тем временем продолжали выходить. Так, в 1935-м на прилавки магазинов лег 5-й том собрания сочинений писателя, куда вошли «О'кэй. Американский роман», «Камни и корни», рассказы. Эти вещи трудно упрекнуть в отсутствии социальной ангажированности. И в то же время они сохраняют определенную идейную независимость, эда-

По всем меркам, ситуация вокруг Пильняка сложилась совершенно парадоксальная. Заклейменный в прессе «внутренним эмигрантом», он оставался самым издаваемым и самым благополучным советским писателем. Его ежемесячный доход в десять раз превышал заработок среднего рабочего. В 1929-м вышло собрание сочинений Пильняка в шести томах, в 1930-м — восьмитомник

кого к Троцкому К.Радека и самого Троцкого. И когда они «пошли ко дну», то потянули за собой людей из своего окружения. Подобно Исааку Бабелю, дружившему с женой некогда всесильного Ежова, та же участь постигла Пильняка.

Несмотря на то, что в 1934-м он был избран делегатом I Учредительного съезда советских писателей и вошел в руководящие органы вновь созданного писательского Союза, с весомыми благами и привилегиями для обладателей его заветно-

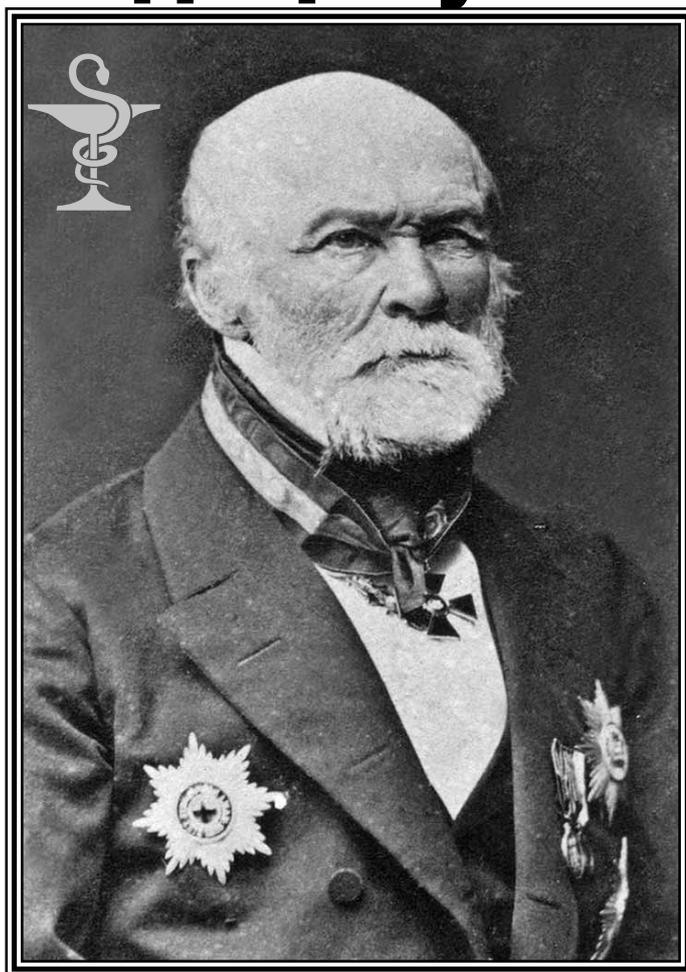
кое стилистическое щегольство, которое особенно раздражало противников Пильняка.

«Газетные вырезки... надо увеличить, чтобы услышать ту тишину, которую предлагали Гувер и Морган... Совершенно ясна мудрость Гувера, когда он в послании конгрессу утверждал, что «нормальный образ жизни и развлечений» — залог будущего американского процветания. Газетные вырезки показали, как американцы активно изживают кризис. Что касается тишины, то... аме-

Евгения Гордиенко

Многие вещи, связанные с медициной, сегодня кажутся нам очевидными. И то, что врачи носят кипенно-белые халаты, и то, что инфекционных больных содержат отдельно от остальных, и институт медсестер давно стал привычным. Но так было далеко не всегда. Большинство порядков, которые стали со временем мировыми стандартами, придумал и ввел в обиход русский врач **Николай Иванович Пирогов.**

ВРАЧ, «ИЗЛЕЧИВШИЙ» МЕДИЦИНУ

Он родился в 1810 году в большой семье — был тринадцатым по счету ребенком Ивана Ивановича Пирогова, служившего военным казначеем, и его жены, Елизаветы Иванов-

ны, в девичестве Новиковой, происходившей из зажиточной купеческой фамилии.

Жила семья небогато, но дружно. Конечно, не все дети дожили до

сознательного возраста — детская смертность тогда была высокой. Но всем своим отпрыскам Пироговы в обязательном порядке давали образование — мальчиков посылали учиться в школы, девочек обучали дома. Дом этот был хлебосольный: часто в гости приходили коллеги и друзья Ивана Ивановича, среди которых было много врачей, поэтому интерес Николая к медицине не остался незамеченным. Так, известный врач Андрей Михайлович Клаус показал мальчику карманный микроскоп, и Николаю открылись тайны органического мира, подлекарь Московского воспитательного дома Григорий Михайлович Березкин рассказывал ребенку о свойствах лекарственных растений, а известный анатом и физиолог профессор Ефрем Осипович Мухин, врач семьи, стал, в сущности, примером для подражания для будущего великого хирурга.

Именно Мухин и обратил внимание на способности четырнадцатилетнего Николая и помог ему поступить в университет на медицинский факультет. В таком юном возрасте в студенты, конечно, еще не принимали, но благодаря протекции Мухина, а также слегка «исправленной» метрике, где говорилось, что Николаю Пирогову уже минуло шестнадцать лет, юноша оказался зачислен на первый курс.

В семье в это время были проблемы с деньгами: старший сын Петр проигрался в карты, и родите-

ли были вынуждены выплачивать его долги. Однако, несмотря на тяжелое материальное положение, Елизавета Ивановна настояла, чтобы Николай был «своекоштным» студентом, то есть учился за свой счет. На ее взгляд, получать образование за счет государства было верхом неприличия.

Во время учебы тем, что интересовало студента больше всего, стала анатомическая наука. Пирогов считал анатомию фундаментом для других медицинских наук.

По окончании Московского университета в числе семи лучших студентов Николай был направлен в Дерпт (сегодня это Тарту), где ему предстояло готовиться к профессорской деятельности. В течение нескольких лет здесь, в Юрьевском университете, он занимался проведением физиологических экспериментов и анатомических исследований и написал свою первую научную работу: «Что наблюдается при перевязывании крупной артерии», за которую получил золотую медаль. Тут же, в Дерпте, Пирогов блестяще защитил докторскую диссертацию и в двадцать шесть лет стал профессором хирургии.

Трудно было найти человека, более увлеченного своим делом. Он забывал обо всем, только лишь постоянно совершенствовался во врачебном искусстве и самозабвенно работал. Публикация следующей работы — «Хирургическая анатомия артериальных стволов и фасций» —

выдвинула Пирогова в ряд лучших исследователей этой науки. По сути, именно эта работа Пирогова положила начало развитию сосудистой хирургии. Первый анатомический атлас тоже был создан Николаем Ивановичем. Он назывался «Топографическая анатомия, иллюстрированная разрезами, проведенными через замороженное тело человека в трех направлениях». До сих пор, поскольку строение человеческого тела едва ли сильно изменилось, этими работами пользуются врачи-хирурги всего мира.

После пяти лет работы в Дерпте Пирогов отправился в Берлин — учиться. Занятно, что прославленные хирурги, к которым он ехал за новыми знаниями, внимательно читали его диссертацию, только что переведенную на немецкий язык. Человека, у которого было чему поучиться, Николай Иванович нашел не в Берлине, а в Геттингене, в лице профессора Лангенбека, обучившего русского врача чистоте хирургических приемов.

Это был классический случай, когда профессия — или даже дело всей жизни — было спущено человеку «сверху». Вкупе с потрясающей работоспособностью, это давало поразительные результаты. Пирогов ничего не боялся в своей работе. Или, по крайней мере, не показывал этого. Он перевязывал артерии, в том числе сонную, подвздошную и бедренную, ампутировал конечности, удалял руку вместе с ло-

паткой, вылуцивал опухоли, делал глазные операции, занимался пластической хирургией. Быстрота, с которой работал Николай Иванович, стала легендой. Например, липотомию (извлечение камней) он делал за две минуты. Зрители — а их на каждую операцию Пирогова собиралось множество — засекали время с секундомером. Но пока они доставали часы из карманов, врач уже выбрасывал извлеченные камни. Следует, правда, помнить о том, что в те времена еще отсутствовал наркоз, поэтому скорость работы Пирогова во многом была вызвана милосердием по отношению к больному. Работай он медленнее, пациенты могли просто скончаться от болевого шока.

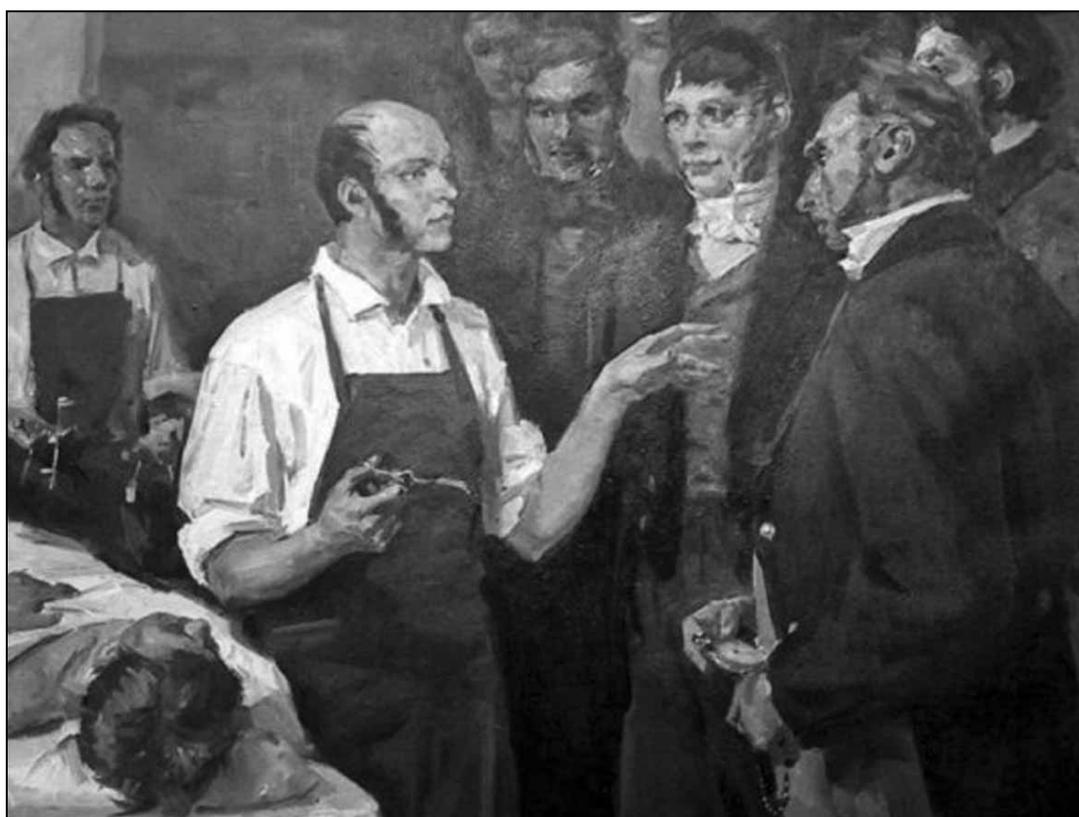
Возвращаясь домой из Германии, Пирогов тяжело заболел и вынужден был остановиться в Риге. Но, едва поднявшись, снова стал оперировать. Начал с ринопластики: безносому цирюльнику «скроил» новый нос. Так, наряду с прочим, хирург заложил основы пластической хирургии. Вернувшись в Дерпт, он узнал, что обещанную ему московскую кафедру, где он должен был стать профессором, отдали другому кандидату, и решил остаться в Дерпте, где получил собственную клинику.

Изобретение наркоза, каким мы знаем его сегодня, тоже принадлежит Николаю Ивановичу Пирогову. Он изучал влияние на организм эфира и хлороформа и в 1847 году сделал первую операцию под наркозом. Поняв, что это эффективный спо-

соб, он в течение года сделал еще 300 таких операций и при этом каждую проанализировал. Впервые в эксперименте он применил интратрахеальный, прямокишечный, внутривенный наркоз, вводил анестетик в спинномозговой канал.

В 1841 году столица все же признала заслуги врача, и Пирогова пригласили на кафедру хирургии в Медикохирургическую академию

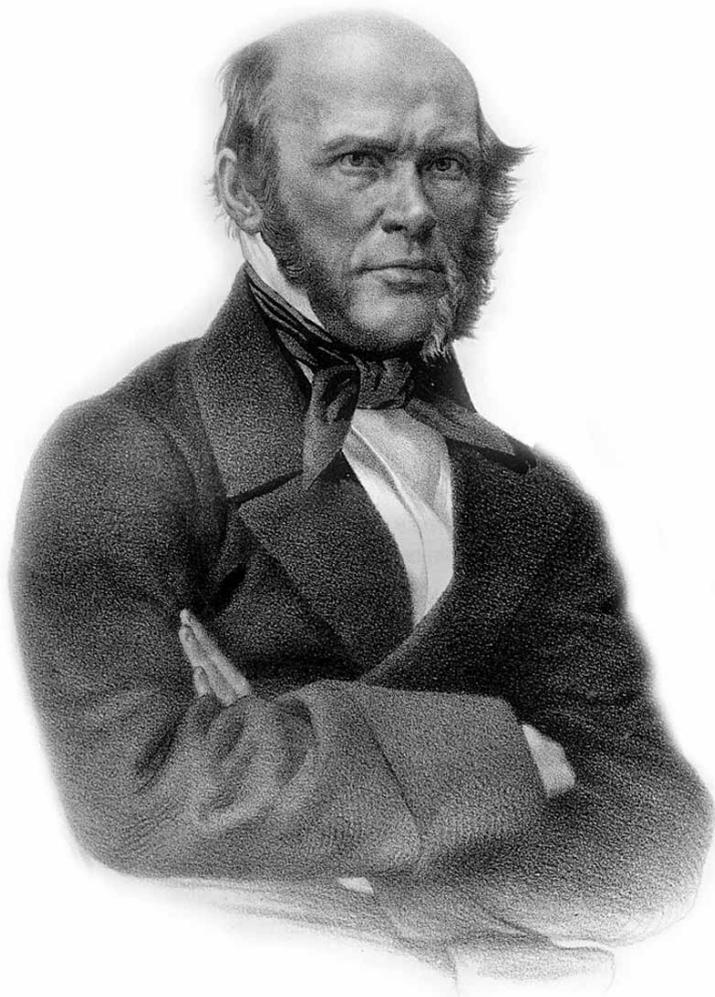
должность консультанта в одной больнице, в другой, в третьей, и он опять согласился. Такой ритм не мог не сказаться на здоровье врача. На втором году петербургской жизни Пирогов тяжело заболел и полтора месяца не мог подняться. После этого, видимо, приняв внутренне какое-то решение, он собрался жениться. К выбору невесты, как и к любому делу, подошел практиче-

Петербурга. Он проработал здесь более десяти лет и создал первую в России хирургическую клинику.

Чтобы было удобнее работать, Николай Иванович сам придумывал и дорабатывал хирургические инструменты, и вскоре его назначили директором Инструментального завода. Затем попросили принять

ски. Самой подходящей кандидатурой ему показалась Екатерина Дмитриевна Березина, девушка из родовой, но развалившейся и сильно обедневшей семьи. Венчание было скромным и быстрым. Отдаваться семейной жизни хирургу было некогда. Он снял квартиру, где и жила его супруга. За четыре года она ро-

дила двоих сыновей, а при вторых родах скончалась.

Пирогов с головой погрузился в работу: в эти дни было утверждено создание Анатомического института, то, чего он давно добивался.

Но одиночество все равно тяготило его. Он честно признавался: «У меня нет друзей». Ему, хоть и великому, но все же человеку, нужен был кто-то, кто ждал бы дома, кто помогал бы с воспитанием сыновей — Николая и Владимира. Выбор — снова весьма расчетливый, но все же удачный — пал на баронессу Александру Бистром. Эта свадьба тоже была скорой: знаменитый врач времени на ухаживания не имел.

Большинство своих операций — если не каждую — Пирогов тщательно описывал, зарисовывал разрезы и свои действия, а затем, по накоплению должного количества материалов, писал научные работы.

К несчастью, постоянные войны, которые вела Россия в то время, давали ему практически бесконечную возможность оперировать... Пирогов был участником четырех войн: Кавказской (8 июля 1847 года выехал на кавказский театр военных действий), Крымской (с 29 октября 1854 года по 3 декабря 1855 года был в Крыму, в частности, в осажденном Севастополе). В 1870 году по предложению Красного Креста ездил для обзора госпиталей на театр франко-прусской войны и в 1877 году совершил аналогичную поездку на театр русско-турецкой войны. Именно отчеты, написанные ученым после каждой кампании, стали основой для создания военно-полевой хирургии.

Ему принадлежит идея сортировки раненых с целью оказания помощи максимально возможному ко-

личеству пациентов максимально эффективно. Он писал: «Хорошо организованная сортировка раненых на перевязочных пунктах и в военновременных госпиталях — есть главное средство для оказания правильной помощи к предупреждению боеспособности и вредной по своим следствиям неурядицы».

стая перевязка или извлечение поверхностно сидящей пули. Подобная классификация используется в медицине и сегодня.

В знаменитой работе «Начала общей военно-полевой хирургии» Пирогов подвел итоги долгой борьбы с инфекциями, возникающими после ранения. Возбудители инфекций на-

Пирогов ничего не боялся в своей работе, или, по крайней мере, не показывал этого. Он перевязывал артерии, ампутировал конечности, вылуцивал опухоли, делал глазные операции, занимался и пластической хирургией. Быстрота, с которой он работал, стала легендой. Например, лепотомию (извлечение камней) он делал за две минуты. Зрители, присутствующие на операциях, засекали время секундомером. Но пока они доставали часы из карманов, врач уже выбрасывал извлеченные камни...

Пирогов выделил пять категорий раненых. Первая — безнадежные, которым нужны только священники и медсестры. Вторая — тяжелораненые, которых можно спасти, сделав экстренную операцию. Третья — люди с серьезными ранениями, которым помощь также нужна безотлагательно, но не хирургическая, а «предохранительная» (речь в первую очередь идет о лечении переломов). Четвертая — легкораненые, которым помощь нужна, чтобы стала возможной транспортировка в тыл. Наконец, пятая — легкораненые, которым требуется лишь про-

зывались в то время миазмами, и Пирогов писал: «Если бы она (миазма) была яд, то, конечно, нужно было непременно принять, что госпиталь отравлен не одним, а разными ядами, иначе тут нельзя было бы объяснить, почему в одном случае заражение является в виде пиэмии, в другом в виде дифтерического процесса и септикопиэмии. Миазма — не пассивный агрегат химически действующих частиц, она есть то органическое, что способно развиваться и возобновляться...»

Тогда врач и пришел к выводу, что инфекционных больных следу-

ет изолировать, и первым стал использовать хлорную воду в качестве обеззараживающего средства. Он же впервые ввел в хирургическую клинику настойку йода — дорогостоящее в то время лекарство. Собственно, при Пирогове вся антисептика стала широко использоваться в военно-полевой хирургии.

Он первым придумал использовать при переломах гипс в том виде, в котором мы знаем его сегодня. В те годы даже небольшой перелом грозил или ампутацией, или длительным срастанием костей — часто неправильно. Идею он «подсмотрел» в мастерской скульптора Николая Степанова: «Я в первый раз увидел... действие гипсового раствора на полотне. До-

гадался, что его можно применять в хирургии, и тотчас же наложил бинты и полоски холста, намоченные этим раствором, на сложный перелом голени. Успех был замечательный. Повязка высохла в несколько минут: косой перелом с сильным кровяным подтеком и прободением кожи... зажил без нагноения и без всяких припадков. Я убедился, что эта повязка может найти огромное применение в военно-полевой практике».

Появление в тылу женщин — медицинских сестер — тоже стало возможно благодаря энергии Пирогова. Он привлек к работе в осажденном Севастополе представительниц Крестовоздвиженской женской общины и организовал их подготовку. Всего в Крымской войне участвовали около 120 сестер. Николай Иванович разделил их на группы: перевязочных и операционных, аптечных, дежурных, транспортных (по эвакуации), хозяйек (по питанию). Он считал их работу ничуть не менее важной, чем работу врачей.

В его характере было улучшать, преобразовывать, модернизировать.

Когда по окончании Крымской кампании журнал «Морской сборник» — ведущее периодическое издание Морского ведомства — призвал своих читателей присылать статьи, посвященные преобразованию военных учебных заведений, Пирогов написал целую статью. Ее под заголовком «Вопросы жизни. Отрывки из забытых бумаг» журнал напечатал в июле 1856 года.

В статье, посвященной отнюдь не медицине, хирург описывал реформу образования, основной задачей которой видел воспитание личности, реализуемое в учебном процессе: «Все, готовящиеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми». Собственным примером и готовностью участвовать в воспитании граждан он подтверждал этот постулат.

В 1862–1866 годах Пирогов руководил молодыми русскими учеными, командированными в Германию. Тогда же успешно оперировал Джузеппе Гарибальди. По окончании этой «командировки» жил в своем имении в селе Вишня, где открыл больницу, аптеку и передал землю крестьянам в дар. Он выезжал оттуда только за границу, а также по приглашению Петербургского университета для чтения лекций. К этому времени Пирогов уже был членом нескольких иностранных академий.

Долгие годы непрерывной работы и бесконечного анализа вылились в литературное размышление под названием «Дневник старого вра-

ча». Рукопись была окончена незадолго до кончины Пирогова.

В мае 1881 года в Москве и Петербурге торжественно отмечали пятидесятилетие научной деятельности Николая Ивановича, но сам он к этому времени был неизлечимо болен.

Однако даже из собственной смерти ученый сумел извлечь пользу. Незадолго до кончины он предложил совершенно новый способ бальзамирования умерших. Тело Пирогова было забальзамировано одним из его учеников, положено в склеп и сохраняется ныне в Виннице, в черту которого вошло имение, превращенное в музей.

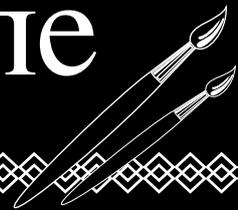
Он жил ровно так, как написал в своем дневнике: «Главное — не терять уверенности в значении дела, которому была посвящена жизнь, в пользу, доставленной вами страждущим людям...» □

Ирина Опимах

ПРИКЛЮЧЕНИЯ САМУРАЯ в Европе

Реймс, старинный французский город, очень любим туристами — памятники античности, старинные церкви, роскошный дворец, где останавливались французские короли перед коронацией, многочисленные музеи и, конечно же, величественный Реймский собор... Но на фоне всего этого великолепия нельзя забыть о скромной часовне Богоматери Мира, часовне, созданной и расписанной японским художником Цугухару Фуджитой, другом Модильяни и Пикассо, прожившим долгую и непростую жизнь, а перед смертью ставшим истовым католиком. Сегодня эту часовню так и называют — часовня Фуджиты.

Фуджита родился в Токио, 27 ноября 1886 года, в семье настоящего потомственного самурая, генерала, военного врача Цугуакиры Фуджиты. Когда мальчику было всего пять лет, умерла его мать, госпожа Маса. Уже в первых классах школы Цугухару лучше всего удавалось рисование — его успехи были столь явными, что в 1900 году его рисунок выбрали для показа в Японском павильоне на Всемирной выставке в Париже! В общем, было ясно — этот мальчик будет художником.

И отец, несмотря на все свои мечты о военном будущем сына, вынужден был отдать его учиться в Токийскую высшую школу изящных искусств. Цугухару с увлечением осваивал техники японской живописи, с большим интересом изучал западное искусство и при этом не забывал о радостях жизни — в 1906 году он познакомился с очаровательной студенткой Токийской школы искусств Томико Токитой, которая стала его первой женой. (Всего жен у нашего героя было 5!)

В Токио он достиг немало — его работы показывались на выставках, у него появились заказы и даже вполне официальный — написать портрет императора Кореи, находившегося тогда в Японии в изгнании. Но Цугухару знал — настоящая жизнь может быть только в Париже, где рождается новое искусство, где есть Лувр с потрясающей коллекцией живописи старых мастеров, у которых можно многому научиться. И он стал уговаривать отца отпустить его в Европу. Генерал Фуджита, в конце концов, согласился с желанием сына, но с условием: он должен вернуться в Токио через три года, не позже!

В августе 1913 года счастливый и полный надежд Цугухару сошел с корабля на французский берег. В Париже он поселился на Монпарнасе, в маленьком отеле «Одесса» на одноименной улице. Вскоре вместе со своим другом Кавашимой, тоже японцем, Фуджита переехал в Сите-Фальгиер, и соседями его стали Модильяни и Сутин, с которыми токийцы очень подружились. А потом и с другими монпарнасскими художниками самых разных национальностей, вошедшими в историю искусства как представители «Парижской школы».

В Париже все было очень интересно — и Лувр, где можно было увидеть и копировать картины Леонардо и Рафаэля, и театры, и кафе, где собиралась самая разная публика. Особенно японцам полюбили

«Ротонда» и «Куполь» — туда приходили посидеть с чашечкой кофе и поговорить об искусстве такие же, как они, жаждавшие славы и успеха молодые художники, поэты, музыканты.

А в какой-то момент оба японца увлеклись античностью и стали посещать академию Раймонда Дункана, брата знаменитой Айседоры Дункан. В академии предлагались бесплатные — что было очень важно для наших героев — курсы танца, искусств и ремесел, это был, как провозглашал сам Дункан, «открытый дом для любого нового поиска в театре, литературе, музыке и искусстве».

Однажды Диего Ривера решил написать двойной портрет забавных японцев, облаченных в древнегреческие костюмы. И вдруг в студию зашел чилийский художник Мануэль де Сарате, который передал Ривере приглашение зайти к Пикассо. Кисти и краски были тут же брошены, и вся компания отправилась к Пикассо. Причем японцы остались в тех же нарядах, в каких позировали, — в коротких туниках, в плетеных сандалиях и странных шапках, похожих на горшки. Придя к Пикассо, они произвели настоящий фурор. Сообразительный японец быстро понял, что экстравагантность поможет ему обрести известность. В последующие годы он легко и непринужденно пользовался этим приемом. Кимоно, набедренные повязки, ожерелья из крупных бусин, хитоны из занавесок, а еще маленькие усики, кру-

глые очки, челка, серьги в ушах, браслеты на руках и нарисованные на руке часы — все это делало его облик ярким, запоминающимся и немножко безумным, недаром парижские приятели прозвали его «Фу-фу» — «сумасшедший». А еще его звали Леонардом (в честь да Винчи, которого он боготворил).

В тот знаменательный день, попав в гости к Пикассо, он увидел у него три картины Таможенника Руссо и был потрясен свободой, которой были пропитаны работы этого художника. «У меня, не знавшего даже таких имен, как Сезанн и Ван Гог, открылись глаза. Я понял, что картина — свободное творение, которое может принимать самые разные формы, что мне нужно идти вперед, достичь внутренней свободы и сказать новое слово, выражающее мои собственные идеи. В тот день я пришел домой и просто швырнул на пол кисти и краски. Мне нужно было начинать все заново...» — вспоминал позже Фуджита.

Цугухару принимал участие во всех вечеринках и других веселых мероприятиях своих парижских друзей, но при этом в нем была строгая дисциплина — он мало пил и много работал, вырабатывая свой, особый, ни на кого не похожий стиль. И это был синтез европейской и восточной живописи. «Если я пишу иначе, чем другие, то это потому, что я японец и близорук», — шутил Цугухару. И даже краски его были особенные.

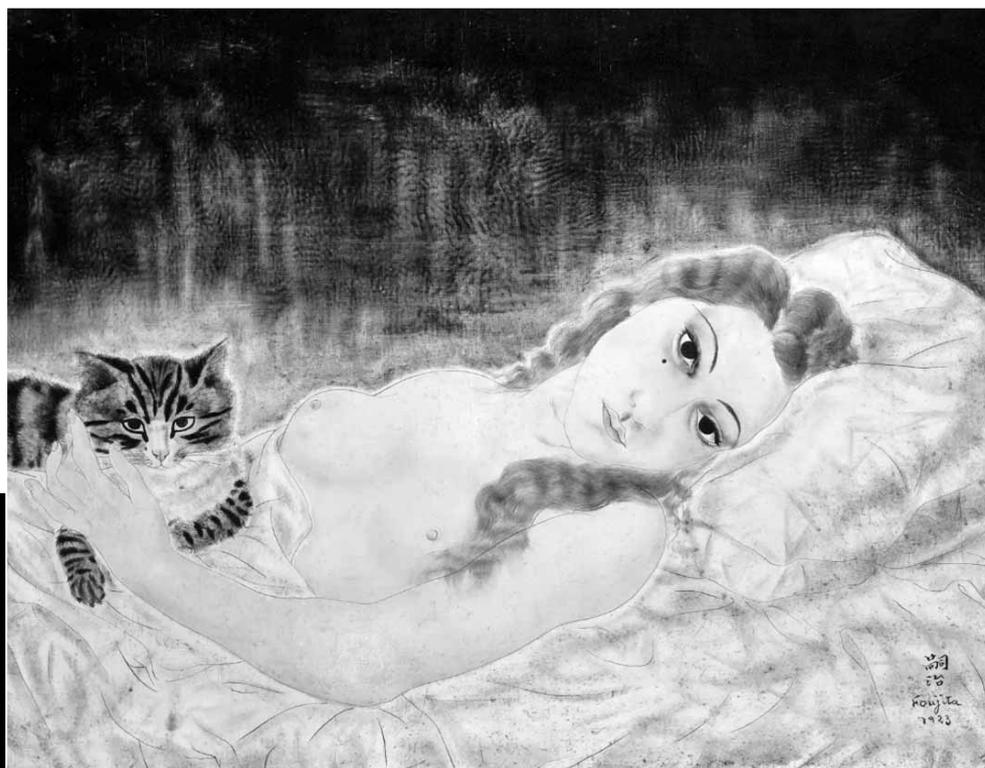
Никто точно не знал, что он с ними делал, но ходили слухи, что, к примеру, для изображения обнаженных женских тел он добавлял в льняное масло толченый мед или свинцовые белила и силикат магния, а еще настоящий перламутр (толченые устрицы), и таким образом получал жемчужные оттенки лиц и тел своих натурщиц.

Прошли три года, но Фуджита и не думал возвращаться домой. Он нарушил обещание, данное отцу, и суровый генерал Фуджита-старший лишил сына всяческой поддержки. Но что такое деньги, когда вокруг идет такая настоящая и интересная жизнь! Отказалась от него и Томико — она вернулась в Японию, ей парижское безумие совсем не нравилось. Цугухару остался один, но его одиночество длилось недолго.

Зимой 1917 года в «Ротонде» он познакомился с Фернандой Барри. Двадцатичетырехлетняя Фернанда была очень популярна в кругу парижской богемы. Ее образ — большие выразительные глаза, темные волосы, пухлые губы — запечатлели Модильяни и Сутин. Последний, почувствовав в ней способности к рисованию, убедил девушку поступить в парижскую Школу искусств.

И вот как-то зимним вечером Фуджита в одной компании увидел Фернанду и с первого взгляда влюбился в нее как мальчишка. А уже через 11 дней они стали законными

*Портрет
Юкки с котом*

супругами. И тут Фуджита не прогадал — в Фернанде, как оказалось, был скрыт мощный талант маркетолога и промоутера. Хорошо зная арт-рынок, она стала активно продвигать работы мужа. И вот уже в 1918 году в галерее Жоржа Шерона на Елисейских полях открылась персональная выставка Фуджиты. Все картины, показанные на выставке, были очень быстро распроданы. Это был настоящий успех! Шерон был в восторге! «А не мог бы ты, — умолял он Фуджиту, — писать хотя бы по две картины в день?» Однако платить скупой галерейщик собирался немного — 6-7- франков за каждую. Ничего не поделаешь — бизнес есть бизнес...

В 1922 году случился в карьере художника настоящий прорыв. В

один прекрасный день он решил написать нагую, лежащую в постели, певичку и танцовщицу, а также натурщицу Кики, подругу Фернанды, — обворожительную, смелую и обожаемую всеми завсегдатаями «Ротонды», которую так и называли — королева Монпарнаса. Это полотно стало настоящей сенсацией Салона. С первого же дня о картине заговорил весь Париж, и Фуджиту поздравил с успехом сам министр культуры Франции! В тот же вечер картина уже была продана за фантастическую сумму — 8000 франков! «Крепко сжимая пачку денег, я чувствовал себя совершенно счастливым. Мне казалось, что я украл эти деньги, ведь до того мой агент платил мне за мои картины не больше 7 франков 50 сантимов!»

Так Фуджита стал самым модным художником Парижа.

Так как Цугухару был благородным и благодарным человеком, он честно поделился со своей моделью Кики: «Не колеблясь, я прошептал Кики: «Закрой свои прекрасные глазки» — и вложил ей в ручки несколько красивых купюр».

Потом Кики не раз становилась героиней его картин. Вот как она сама рассказывала о своей дружбе с этим удивительным человеком:

«Я позировала и Фуджите. Продав картины, для которых я позировала, он давал мне две-три сотни франков. Иногда он складывал трубочкой сорок су и держал ее в руке как можно выше. Видели бы вы, как я за ней ле-

тала! Но я была просто без ума от него! Я часто заходила к нему и наблюдала за ним в работе. Он просил меня спеть Луизу, и я начинала изображать оркестр. Одна из флейт немного выбивалась, и он взрывался смехом и говорил: «Отинь смисно!» Еще один славный парень, простой и милый».

Их дружба сохранилась на долгие годы. Фуджита (как и Хемингуэй) написал трогательное и нежное предисловие к книге Кики, и именно он в марте 1953 года шел за ее гробом, провожая свою подругу в последний путь.

Фуджита, наконец, обрел настоящую славу. Теперь его картины стоили дорого. И Фернанда не так уже была ему нужна, к тому же она закру-

Слева:

*День
рождения*

*Кот
у стола*

тила роман с его двоюродным братом Куянаги. Фуджита особо не переживал, так как уже был влюблен в юную Люси Баду, которую встретил во все той же «Ротонде». Узнав, как зовут девушку, он подумал: какое обычное, тривиальное имя, и назвал ее за невероятно белый цвет кожи Юкки (на японском юкки — снег). Через какое-то время Юкки стала третьей женой любвеобильного японца. И его любимой моделью...

В середине 1920-х годов Фуджита считался уже признанным мэтром. У него были деньги, слава, признание. В 1925 году он стал кавалером ордена Почетного легиона, его картину приобрел Люксембургский музей, в его роскошном

четырёхэтажном особняке устраивались светские приемы, на которые стремился попасть весь Париж. Когда Юкки исполнился 21 год, он подарил ей роскошное желтое авто, на капоте которого была установлена копия скульптуры Родена «Голова человека со сломанным носом», а за рулем сидел прилегающий к авто персональный шофер — баск Хосе Расо.

Однажды, когда Цугухару шел в свою мастерскую, к нему прицепился котенок с забавной расцветкой. Он не прогнал его, а поселил у себя и назвал Мике — полосатый. Фуджита не только привязался к котенку, но даже придумал теорию, по которой в женщинах и кошках много общего, а потому, чтобы понять при-

*Фрески
в часовне
Богородицы
Мира
(часовне
Фуджиты)*

роду женщины, ее женскую суть, нужно изучать котам. С тех пор кошки, как и обнаженные и не совсем обнаженные женщины, стали самыми частыми сюжетами его картин. Он любил дарить друзьям вместо цветов и дорогих предметов свои портреты, и очень часто был изображен на них с котом. «Как ты похож на своего кота! — шутили друзья, найдя забавное сходство Фуджиты с его питомцем.

Казалось бы, все шло отлично, но тут поэт Роббер Деснос страстно влюбился в Юкки, и она ответила ему взаимностью. Поначалу это был любовный треугольник, но в какой-то момент самураю Фуджите такое положение вещей надоело. Как-то он вышел из дома купить сигареты — и больше не вернулся...

Фуджита решил покинуть Париж. Он придумал для себя большое пу-

тешестве на несколько лет — США, Центральная и Южная Америка, Китай, Индокитай, Япония. Творчество его было на подъеме — выставки имели огромный успех, картины хорошо продавались, и о нем заговорили во всем мире, на всех континентах.

А потом в его жизни снова появилась женщина — верность была не самым характерным качеством художника. Предметом его страсти на этот раз стала юная токийская официантка Кимие Хориучи. Он был старше ее на 25 лет, но это не помешало ему воспылать к ней любовью. А она не смогла устоять перед его мощным обаянием. Так Кимие стала очередной, на сей раз — последней спутницей художника.

В 1939 году началась Вторая мировая война. Фуджита, вспомнив о своих самурайских корнях, считал своим долгом служить императору и родине. В такое время должна родиться новая батальная живопись, говорил он в своей статье «Теория современной настенной живописи». Теперь он совсем не был похож на прежнего обитателя Монпарнаса. Теперь он — военный корреспондент, художник, восславляющий кистью подвиги японских солдат и активно участвующий в пропагандистских кампаниях. После войны деятельность вызвала во многих его соотечественниках острое неприятие и осуждение, поэтому пришлось покинуть Японию и вернуться во Францию.

Автопортрет

В 1961 году Фуджита с Кимие поселились в деревне Виль-ле Бакль, в 30 километрах от Парижа. Он писал ню и кошек, его картины хорошо продавались, и супруги ни в чем не нуждались.

В 1958 году в Париже затеяли грандиозный проект — издать «Апокалипсис», с иллюстрациями и комментариями. В команду писателей и художников были приглашены Дали и Фуджита. Чтобы проникнуться соответствующим духом, Цугухару

стал читать Библию, ходить в церковь. 18 июня 1959 года он со своим другом Жоржем Прадом пришел в Реймский собор. И что-то в нем в тот день произошло: он почувствовал присутствие в своей душе Бога. Озарение — так называют это состояние верующие. Кончилось все тем, что ранее абсолютно неверующий ни в каких богов циник Фуджита 14 октября 1959 года вместе со своей японской женой крестился и стал католиком. Он принял христиан-

ское имя Леонард — Франсуа — Рене (в честь великого Леонардо, Франциска Ассизского и крестного Рене), а его Кимие стала Марией. А в 1964 году художник решил построить часовню в Реймсе, недалеко от собора, где испытал столь сильное религиозное переживание, — в память о жертвах войны, о Хиросиме и Нагасаки, о своем приходе к Богу. Возможно, в знак искупления своей службы на японскую военщину.

Крестный отец Фуджиты Рене Лалу выделил землю под часовню, и началась работа. Фуджита все делал сам — руководил строительством, расписывал стены. «Люди часто перестают быть людьми, но тогда к ним приходит на помощь Бог. Приходит всегда», — утверждал он. Фуджита очень торопился — словно чувствовал, что жизни ему осталось не так уж много. Это была грандиозная работа, учитывая, что художник был далеко не молод. Он расписал 110 квадратных метров, и это прекрасные картины — сцены из жизни Христа, Пресвятой Девы и видения Апокалипсиса. Есть тут и не очень канонические сюжеты — к примеру, в честь Реймса, столицы виноделия, Фуджита написал фреску, на которой Мадонна с младенцем сидит на винной бочке, а в руках у нее кисть винограда, которую она протягивает Христу. Есть страшные фрески, навеянные трагедией Хиросимы и Нагасаки, на которых появляются ужасные образы в стиле Босха и Брейгеля. 1 октября 1966 года часовню

освятили. «Я построил эту часовню, дабы искупить 80 лет греха», — говорил художник. И он это сделал.

Цугухару Фуджита умер 29 января 1968 года, в цюрихской больнице, где лечился от рака, который медленно, но верно убивал его два года. Его последней картиной стало двойное изображение Христа — в анфас и профиль, а последними словами — просьба, обращенная к Господу: «Боже, даруй мне смерть». Отпевали его в церкви на Монпарнасе. Сегодня его прах, как он и просил, покоится в его часовне. Рядом с могилой художника — могила Кимие, умершей в 2009 году и завещавшей все права на наследие мужа благотворительному католическому фонду, который носит его имя. Цель деятельности фонда — помощь творческой молодежи, а также сохранение и пропаганда наследия Цугухару Фуджиты. Японца, ставшего настоящим гражданином мира, доказательство чему — небольшая часовня Богоматери Мира, часовня Фуджиты.

P.S. В 2018 году картина Цугухару Фуджиты «День рождения», созданная по мотивам басен Лафонтена, была продана на аукционе Bonhams за 7,1 млн фунтов стерлингов.

В 2011 году в Москве в Музее изобразительных искусств имени Пушкина состоялась большая выставка художников «Парижской школы». Обложку выпущенного к выставке каталога украшала картина Фуджиты «Укротительница львов». □

Надежда Середина

СФРАГИДА

— Дорогие мои, сейчас мы поиграем! Я буду читать строчки из стиха, а вы будете угадывать, кто это написал, — надевая очки, сказала Антонина Кутеева. — Но перед тем как начнем играть, послушаем новенькую.

Общество самостийных поэтов и начинающих прозаиков существовало с 1986 года. Кутеева очень этим гордилась и говорила чиновникам от культуры: «Я научила их писать стихи!» Сама же она сочинила одно, но, будучи высмеяна семиклассниками, урок этот запомнила и больше стихов никогда не писала.

Два десятка человек за длинным столом сосредоточились, кроме одного. Поэт-скульптор возвышался как бронзовый бюст с левого конца длинного стола и сосредотачиваться не желал.

— Здесь — фото моих скульптур, — возбужденно и радостно показывал он свою новенькую книгу с летающими бронзовыми конями на обложке. — Я читаю свои стихи коню.

— И слушает? Понимает?

— Еще как!

— О! А где ее можно купить? — заинтересованно спросила Ольга, беря книгу в руки.

— Тихо! Замолчите! — стукнула кулаком по столу Антонина. — Читай, Алиса! У нас такое правило — новенькие читают первыми!

Тринадцатилетняя девочка стала нервно искать в телефоне свое стихотворение.

— Чего начальница так кричит? — удивился поэт-врач. А про себя подумал: «Я вообразил, что тут духовное общение, хороший тон. Мы не едим устрицы прямо из бочонков, как лондонцы. Но чья эпоха канонизировала фарисейство?» Он никак не мог понять, в какую же игру они играют.

— О! Тут и не такое бывает! — усмехнулась сидевшая рядом пожилая дама. — Здесь человек умер сорок дней назад.

— Действительно умер, или это иносказательно, и он просто не стал ходить сюда?

— Тихо! Молчать всем! — не выдержав, снова выкрикнула Антонина.

Все головы склонились над своими записными книжками и тетрадками. Воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь голосом учительницы физики, которая шептала своей новой соседке:

— Это потрясшее всех лопасненцев событие произошло впервые за сорок лет. Пришел, прочитал стих, сел и умер. Сразу! Привалившись плечом к бронзовому поэту-скульптору. Побежали за аптечкой, но, увы, было поздно. Приехала полиция, составили акт о смерти.

— Я сказала: «Тихо!» Замолчите все! Читайте, Алиса! Нашла?

— Я молчу за двоих, — произнес поэт-скульптор и сложил руки на груди, сжав сильнее кисти под мышкой, словно сам себя взял в клещи.

Пожилая дама незаметно перекрестилась.

А девочка Алиса, худенькая и застенчивая, начала быстро читать.

— Алиса, громче! — резко перебила ее Кутеева. — Тебя в школе не учили громко читать? Давай сначала!

У семиклассницы задергалось веко, она даже стала немного заикаться, от страха ее подташнивало, но девочка мужественно начала снова читать, пересиливая робость.

Закончила, села и блестящими глазами уставилась в окно, мысленно успокаивая себя: «Ничего не поделаешь — рожденный ползать, не упадет. Вот как она кричит на меня, наверняка не примет в поэты. Хорошо, что она не моя мама».

А Кутеева поднялась и с «высоты своего полета» продолжала бросать слова-камни:

— Ничего не говорите! Молчать всем! Ничего кроме добра я вам не делаю. За свою жизнь насмотрелась на членов союзов писателей. С них толку нет. Надо дружить с сильными.

За окном библиотеки — первые признаки весны. Этот городской небольшой округ, где проживали гении и простые люди, был когда-то небольшим селом на тракте. И до революции, и за время советской власти это

поселение на Лопасне подчиняли то одному городку, то другому. И только в 1954-м он стал городом-спутником Москвы.

Здесь часто бывал Антон Павлович Чехов, когда отправлялся по железной дороге в Москву или сам получал письма на почте. Позже здесь открыли музей. И сейчас перед ним стоит бронзовый Чехов.

Тем временем игра за длинным столом продолжалась.

Строчки друг друга лопасненские поэты узнавали легко, а вот строчки известных поэтов — с трудом и с большим удивлением.

Алиса набрала эти строчки в Интернете: явились Алишер Навои, Ахматова, Татьяничева, Евгений Головин с его «Солдатом молоденьким». Надо же, какое многообразие...

— Наши отчеты о работе библиотека передает городскому голове — вы меня понимаете. За это он как-то сделал мне ценный подарок, — нарушила молчание Кутеева..

— Какой? — не выдержав, спросила Ольга.

— Сейчас не об этом, продолжайте работать...

Действительно полгода назад от администрации были подарки, которыми похвалилась Антонина. Голова в городе молодой. Юридическое образование позволяет ему видеть с юридической стороны все дела. А как подойти к культуре с юридической стороны? Он сменил в ней всю администрацию, но осталась Акулова. И средств выделяется недостаточно на культуру, чтобы и она оставалась удовлетворенной.

Антонина вспомнила свой диалог с ней:

— Здесь у нас есть свое общество поэтов. Пусть напишут о вас, о голове, — намекнула она старой приятельнице Акуловой.

— Я уже насобирала много людей. На выборах пригодятся.

— Хорошо, что вас оставили, но жаль, что понизили.

— Не знаю, хорошо ли плохо ли, но моя задача — из шести поэтов сделать шестьдесят.

— А что мне с ними делать? Солить? Соли на всех не хватит. Я научила их писать стихи.

— Вы нам будете нужны. Я скажу одному орлу-меценату, чтобы подарки были ценные. Пользуйтесь актом великодушия. Хотите сенокосилку?

— Зачем мне сенокосилка? У меня коз нет.

— А теплое одеяло, шаль, самовар?

— Ни к чему мне все это, — отмахнулась Кутеева и вдруг, вздохнув, добавила: — Они все такие необразованные. Управлять ими надо, играть.

— Поиграем на выборах, — усмехнулась Акулова.

Вспомнив этот разговор, Антонина подумала: «Зря я тогда пошутила насчет соли, вот и пересолила, Жду-жду. Ни сенокосилки, ни самовара. Надо было хоть на одеяло соглашаться», — и продолжила играть со своими подопечными — читала лучшие строчки из стихов, чтобы общество их угадывало.

— Это же плагиат! — наивно воскликнула девочка Алиса, включившись в игру взрослых.

— Все слова одинаковые! — сказали справа.

— И буквы, — засмеялись слева.

— А букву «е» надо печатать с точками или без точек? — спросила бабушка-абитуриентка. Все знали, что она сдала экзамены в Литературный институт, но учиться не стала.

— Как хотите, так и пишете.

— Букву «е» узаконили в 1942 году, Сталин, — тихо проговорила вечная абитуриентка.

— «Не цвести царице сада в пустыре меж сорняка...» — прошептал поэт-скульптор.

— Это же плагиат! — не унималась взволнованная Алиса.

— Песенку переделала: не пушка, а пушечка; не граната, а гранаточка. Не солдат, а солдатик. Славолюбие, словолюбие. Да это песня. Вот: «Солдат молоденький...» — возмущалась Фаина-сибирячка.

— Что вы там шепчете, говорите всем! — выкрикнула вдруг Антонина и тут же сменила тон. — Мои дорогие! Пишите! Пусть вы берете из Интернета одну строчку, зато три — ваши!

— Если зерно упадет в терние, то вырастут сорняки и заглушат его, — сказала вечная абитуриентка. — Терние — это мы.

— Дорогие, пишете, — мягким, заискивающим тоном повторила Антонина. — Мы же книги не издаем, никто нас не обвинит в плагиате.

— А конкурсы?

— Нам укажут, если заметят. Но ведь пока не замечают. Не указывают.

— Они в переписку не вступают.

— В газете уже есть про...

— Сидела бы и молчала! Мы, может быть, вышивать крестиком будем, это наше дело.

— Тихо все! — подняла руку Кутеева. — Угломонитесь наконец!

А девочка Алиса, глядя в окно, считала ворон, воробьев и синиц — кого больше? Вот синица села на ветку березы, качается. И взлетела. Алиса проводила ее взглядом, поднялась и молча вышла из кабинета, словно, как и птичка, спорхнула с ветки...

...Через полчаса вышли из библиотеки возбужденные поэты и задумчивые прозаики.

Вечная абитуриентка взяла под руку Фаину и с гордостью сказала ей:

— Я знала триста стихотворений наизусть, когда работала в школе. Гомера могу читать целый час.

— Почитайте, — попросила ее спутница.

И она начала читать голосом красивой древности. Видно, и правда, говорят, что бывших учителей не бывает. А, закончив, продолжила разговор:

— У нас 27 человек, и только четверо пишут сами, остальные списывают. Она учит не писать, а списывать.

— Как в пятом классе.

— Она не работала в школе. Не прошла переподготовку, не подтвердила свой диплом. Пересела в библиотеку. И сидела там, книжечки выдавала. А я 48 лет в школе отработала. И переаттестацию проходила.

— А куда делась девочка Алиса? — вдруг спросила Фаина.

— Ее начало тошнить их стихами.

— Лучше крепостное право уничтожить сверху, чем оно начнет само уничтожаться, — пропел забронзовевший поэт-скульптор, обгоняя их.

...Ольга присела на лавочку и стала наблюдать за чайками и утками, хватавшими кусочки хлеба. Мимо, опираясь на трость, прошел плотный пожилой мужчина, но, увидев Ольгу, остановился.

— Вы поэт? — пошутила она, глядя ему в глаза. Минуту он поиграл ими, потом ответил:

— Моя мама была учительницей. Я затаскан ею по всем литературным вечерам, от души сыт. Сейчас не читаю ничего.

— Уууу, — протянула Ольга.

— Что — «Уууу»? — улыбнулся мужчина и неожиданно спросил: — А вы Прокина Алексея знали?

— Нет, а кто это?

— В 1924 году тут, на Лопасне, родился. Слово свое всегда держал. Из породы купеческой, как отец Чехова. Мой учитель. Был сбит автомобилем в лихие девяностые. Видите там памятник?

— Вижу.

— Это от благодарных учеников. А еще он был награжден медалью «За оборону Москвы».

— Он был литератором?

— Нет, учителем истории. Но литературу знал лучше иных литераторов, потому что сам писал. Краевед. Сбитнев — его ученик.

— Простите, не знаю. Я новенькая, недавно здесь живу.

— Юрий Сбитнев учился в Литинституте. Член СПР с 1973 года. С 1980 года жил в Талеже. 89 лет прожил. Повесть «Эхо» о тунгусском чуде-метеорите не читали? А о князе Черниговском «Великий князь» слышали? Нет? О чем тогда с вами разговаривать?! И «Слово о полку Игореве» не читали? А вот Сбитнев разгадал имя писательницы-автора. Сфрагида. Вы и этих слов не знаете? Наше средневековье. Вот и получается, что литература хорошо, а история лучше.

— Каждому свое, — улыбнулась Ольга.

Ей не хотелось, чтобы этот интересный человек уходил. Она протянула ему свою визитку, но он отказался взять.

Ольга не смутилась. Посмотрела ему в глаза и спросила:

— А соединить душу времени Золотого века литературы и факты истории нельзя?

Мужчина не ответил. Молча повернулся и направился к мостику, увешенному свадебными замками. Шел он на другую сторону реки.

А там, на другом берегу, словно васнецовская «Аленушка», сидела Алиса и думала: «Не все слова одинаковые. Слова как живые полевые цветы: один цветок не похож на другой»...

Прошлое в настоящем, и мы в прошлом. Новое средневековье? Река вспять? Гребут-гребут лопасненцы древними лопастями против потока, а весеннее течение их сносит и уносит назад, в прошлое. То ли течение слишком быстрое, то ли силы иссякли. В средние века поэты включали свое имя в стих, отмечая авторство — сфрагида. Красивое слово, не правда ли? □

Светлана Марлинская

БОГ-ГРОМОВЕРЖЕЦ

В пантеоне древнеславянских богов Перун — бог-громовержец — занимал высшее место и считался покровителем князя и его дружины. Согласно теории основного мифа, он — одно из центральных божеств славянской мифологии, ведущий воинство небесное по ратной стезе, обе-

регающий явный мир от навного и на границе сей порядок устанавливающий. Перун — это сила, что проявляется в каждом из нас такими качествами, как честь, верность, достоинство, храбрость, стойкость, целеустремленность и самоотверженность.

*Славься Перун — бог огнекудрый!
Ты посылаешь стрелы во врагов
наших,
А верных тебе ведешь по стезе
Прави.
Ты — воинам храбрым честь и суд.
Праведен ты, златорун и милосерд!*

Он контролирует соблюдение миропорядка во Вселенной, ведет свое небесное воинство против сил темной Нави и является покровителем сословия воинов в мире явном. А еще он — хранитель порядка и блюститель справедливости.

Перун — бог грозный, и в то же время милостивый, приносящий благодать в виде дождей, оплодотворяющих землю, поэтому он также считается богом плодородия, ибо благодатным дождем насыщает по весне Мать Сыру Землю живительной силой.

Небесной обителью Перуна, согласно сказам «Песен Птицы Гамаюн», был дворец алмазный на высочайшей горе в светлом Ирии, изукрашенный красным золотом и камнями драгоценными — вся краса поднебесная в том дворце была явлена.

Впрочем, дворец и драгоценные камни появились в уже более поздних сказаниях. Древние славяне, поклонявшиеся Перуну, не представляли себе никаких жилищ бога вообще. Он обретался на небе, по нему ездил на сияющей колеснице, с него посылались то огненные стрелы, то благодатный дождь.

Согласно мифологическим сказаниям, Перун был рожден в светлом

Ирии богиней Ладой-матушкой. Закаленный огнем, в Сварожьей Кузне пылающем, получил он от отца Сварога палицу громовую, да коня огнегривого, помощника в ратных подвигах.

Сверкнув яркой молнией, помчался Перун на коне своем верном по дорогам междумирья, утверждая по пути небесный закон.

И хотя Сварог, творец Вселенной, в Кузне небесной сковал трех огненных богов: Даждьбога солнечного, громовержца Перуна и огнепламенного Семарга, только Перун, творец молний, являлся владыкой над всеми, именно ему приносили в жертву людей и быков и совершали другие священные обряды.

С христианизацией Руси образ Перуна-громовержца был замещен культом пророка Илии, который в воображении народа ассоциировался со своим предшественником, в частности, ему приписывалась власть над грозой, громом, молнией, дождем, ветром, как и Перуну ранее.

Славяне верили в то, что Перун следит за порядком на границе Яви и Нави и вращает Небесное Коло, или звездное Колесо Сварога. Явь — это мир проявленный, в коем явлена жизнь и происходит движение, а Навь — непроявленный мир, который стремится к статичности, пассивности в отличие от Яви. Явь и Навь существуют в равновесии. На границе этих двух миров Перун зорко следит, чтобы не была нарушена гармония во Вселенной.

Перуну приносили клятву верности, которая считалась священной.

«Кто от страны Русской замыслит нарушить эту клятву, то пусть те из них, которые приняли крещение, получат возмездие от Бога Вседержителя, осуждение на гибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, да не имеют помощи и от Бога, и от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут рабами в этой и в загробной жизни.

Если же кто-нибудь из князей или из людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой, — да будет достоин умереть от своего оружия, и да будет проклят от Бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву».

Упоминание Перуна в этих клятвах дало почву для многочисленных интерпретаций: некоторые исследователи сопоставляют его с оружием и войной, а некоторые связывают с правящей верхушкой (или варягами-русью).

«И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, и Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами...»

Перун в данном списке упоминается на первом

месте, поэтому считается, что он стал во главе общерусского языческого пантеона, установленного Владимиром. Некоторые исследователи полагают, что первоначально в летописи упоминался один лишь Перун, а имена остальных божеств являются позднейшей вставкой. Целью этого была установка общегосударственного культа верховного божества, которое покровительствовало князю и дружине — в молодом формирующемся Древнерусском государстве князь и дружина насущно нуждались в укреплении своих позиций.

Идол Перуна был установлен также в Новгороде дядей Владимира, Добрыней:

Владимир посадил Добрыню, своего дядю, в Новгороде. И, придя в Новгород, Добрыня поставил кумира Перуна над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы как богу.

В связи с решением князя крестить Русь, и в Киеве, и в Новгороде идола Перуна были свержены и «изгнаны». А сам он в произведениях древнерусских книжников превратился в демона, поверженного в момент крещения Руси, поскольку пафос церковных поучений был направлен против языческих пережитков.

Данные о Перуне обнаруживаются и в восточнославянском фольклоре. В частности, в белорусских сказках имеется сюжет о преследовании черта громовержцем. Перун (или его христианский «заместитель») пытается убить черта молнией, а тот по очередности прячется в человеке, животных, дереве, камне, и, наконец, уходит в воду. («Там тебе и место» — говорит Перун).

Перун, как считается, ассоциировался с возвышенностями — к примеру, его идолы, по данным летописей, стояли на холмах. А его священным деревом был дуб.

О культе дубов свидетельствуют и данные археологии.

«Дважды наука обогатилась находками подлинных священных дубов языческого времени. Первая находка была сделана в 1909 г. В 8 км от устья Десны близ Никольского монастыря из воды был извлечен ствол дуба около 20 м длины. Дуб погиб сравнительно молодым — судя по годичным кольцам, ему было около 150 лет. В свое время в толщу ствола были врезаны и успели врасти в древесину четыре кабаньих челюсти, расположенные квадратом. Челюсти принадлежали молодым кабанам. Вторая аналогичная находка дубового ствола с кабаньими клыками была сделана в 1975 г., тоже ниже устья Десны. На высоте 6 м от корней в ствол дуба были вживлены 9 кабаньих челюстей, образующих фигуру квадрата со стороной в 34 см. Нижняя часть ствола носит следы огня. Дата — примерно середина VIII в. н. э.»

Щит Перуна

Славяне считали, что древние каменные орудия — топоры, наконечники стрел и копий, которые время от времени находили при обработке пашни или при строительстве, — это «громовые стрелы» Перуна, уходящие в землю при ударе молнии и со временем выходящие на поверхность. Этим артефактам приписывались магические и целебные свойства. Данные представления о «громовых стрелах» сохранялись в крестьянской среде вплоть до недавнего времени.

Важным атрибутом Перуна считался топор. С этим фактом связываются многочисленные амулеты — «топорики», находимые археологами на древнерусских землях и связываемые с дружинной средой. Считается, что амулеты-«топорики» выдавались отрокам во время постригов, и сначала носились ими как обереги, а по мере приема в дружину — как престижный символ принадлежности к ней.

Помимо воспевания доблестных деяний бога Перуна в священном древнем сказании «Песни птицы Гамаюн», свой сказ о нем ведет также древнейший первоисточник знаний о былом и священное писание наших предков «Велесова книга». Здесь Перун предстает как бог-покровитель воинов и землепашцев, он прославляем как бог, разгоняющий тьму и светом божественным озаряющий очи, блистая своим мечом, разящим врага. Сказано, что к Перуну обращались за поддержкой в лютую пору, когда иноземцы покушались захватить земли наши, ибо он — бог, громом ярим небесным призывающий на бой праведный против захватчиков. Он также прославляем как бог, сила которого побуждает землю плодоносить, проливая дожди. Именуется он и подателем благ, утешителем и защитником, Отцом и Вождем.

Спустя тысячелетия, прошедшие с момента исхода с северной прародины, по мере расселения народов и этносов происходила неизбежная трансформация изначальной единой веры и наделение ее особыми, свойствами каждому народу особенностями и уникальными чертами, вызванными и новым местом обитания, и новыми условиями жизни.

Тем не менее, в мифологических сказаниях разных народов можно найти очевидные сходства в сюжетах, повествующих о противостоянии тьмы и света — олицетворением хаоса и космического миропорядка. Прослеживается тождественность общего индоевропейского мифоло-

гического сюжета о борьбе громовержца со змеем или существом змеиной породы — олицетворением хаоса, разрушающего порядок и гармонию в мироздании.

Считается, что в Чернобогово время — в пору зимнюю, Перунов лик сокрыт от людей. Поэтому являет он свою силу могучую в мир явный во время светлое, когда раскрываются врата Сварги. Время это указывает нам солнце, когда поворачивает на своем пути на лето, сей момент времени берет свое начало со дня зимнего солнцестояния. Священными днями Перуновыми в году являются: Громница, или Перунье зимнее, празднуется 2 февраля; Перунов день отмечается 20 июля, день воинов и земледельцев; а также день, ознаменованный первым громом, который приходится, как правило, на апрель месяца.

Главным праздником бога-громовержца является Перунов день, когда проводятся воинские состязания, как, например, кулачный бой «стенка на стенку» и другие народные забавы, в которых храбрецы меряются силой. Это празднество открывалось возжиганием живого огня. Считается, что на Громницу начинается противоборство весны с зимой, поэтому в этот день также почитали бога Перуна. А с первым громом происходит раскрытие врат Сварги небесной, когда светлые боги вновь приходят в мир Яви. Как богу огня небесного Перуну (и Яриле) также посвящен день середины лета красного, приходящийся на 24 июля. □

Геннадий Гусаченко

Белые розы

За просторными окнами кафе, скупно освещенными вечерним солнцем, по главной улице Владивостока Светланской шумно текла нескончаемая городская жизнь. Бесперывные вереницы автомобилей, автобусов, быстрые потоки пешеходов двигались во встречных направлениях, побуждаемые к тому никому не ведомыми причинами и обстоятельствами.

— Все куда-то едут, бегут, спешат по своим делам... Квартиры у них... Семьи... Их там любят и ждут... — мечтательно, глядя на свет через бокал с красным вином, произнес Максим Логачев, штурман траулера «Сириус».

— Кто виноват, что мы с тобой холостяки? — в тон приятелю ответил механик этого рыболовного судна Роман Вострецов. — Завязывать надо с морем, дружище... А так мы до скончания века бобылями останемся...

Сам знаешь, как бывает: познакомишься перед уходом на промысел... Обещает она ждать, встретить на причале после путины... А вернешься из плавания через полгода, а то и позже, никто не машет платочком с пирса...

— Вот я и думаю, Рома... Последняя путина, и баста! Бросаю якорь... Куплю домишко где-нибудь на берегу бухты Тихая... Рыбачить буду не тралом сейнера, а удочкой с надувной лодки... Красота! Устроюсь в портофлот на какой-нибудь буксир... Или на морской трамвай... Каждый день дома... Обнимаю свою ненаглядную сколь душе угодно...

— Такую еще найти нужно... А искать надо любовь, а не жену... Ведь, бабы, они как? Одной рукой хватко за деньги твои, а другой цепко тебя за шею держать хотят... А так не бывает, чтобы сразу и то, и это... Если есть деньги, тебя дома нет, в плавании... Если ты дома, денег нет... Отсюда развалы, раздоры, разводы... — Она не такая...

И хотя штурман не назвал имени той, которая «не такая», механик знал, о ком тот выразился столь категорично. Он промолчал, потому что в душе был согласен с другом, надеялся, что, да... Светлана не такая, как все: не жадная до денег, и мужа будет любить бескорыстно.

Оба сейчас думали о синеглазой белокурой прелестнице из железнодорожной кассы на Океанской. Оба моряка безнадежно утонули в ее бездонных и чистых глазах-озерах, таящих в безмерной глубине скрытые желания. Оба втрескались в очаровательную кассиршу, что называется, по уши. И оба пару часов назад получили от нее отказ. Не выдавая один другому своих чувств к Светлане, втихомолку вздыхали о ней, но по нескольким вскользь брошенным восторженным словам, по коротким фразам, как бы невзначай произнесенным в адрес «заветной звезды», каждый из них догадывался о причине тоски и грусти, снедавшей товарища.

— Зря ты затеял этот разговор с ней, — сказал Рома.

— А сколько еще она будет водить нас за нос? — громко, обратив на себя внимание неподалеку сидящих парня и девушки, произнес Максим.

— А в итоге она отказала нам обоим... — вздохнул Роман.

— Вот свободное место за этим столиком, — небрежно проговорила официантка, подсаживая к ним старого, белого, как лунь, капитана дальнего плавания.

— Молодые люди чем-то взволнованы? — после обмена любезностями добродушно спросил капитан, покручивая ус. Захмелевший Лобачев без стеснения рассказал постороннему человеку о неудачной поездке на Океанскую.

— Она отказала вам обоим... И она права... — наливая в рюмку коньяк, наставительным тоном произнес мудрый капитан. — В девушке говорит

инстинкт будущей матери... Ей нужен отец ее будущих детей... Заботливый муж, надежный и сильный, здоровый духом и телом... И такой человек должен сам проявить себя перед женщиной... Как в природе... Неспроста сражаются между собой за право произвести потомство изюбри, тетерева и прочие животные и птицы... Естественный отбор... Надо биться за свою возлюбленную...

— Спасибо за совет, товарищ капитан... Нам такой ни к чему... Мы друзья, драться из-за женщины не станем... Всего доброго! Пошли, Рома... Не опоздать бы нам на катер... Они познакомились с ней в Доме культуры моряков. Максим первый пригласил девушку на танец, а потом еще долго танцевал с ней. Они красиво кружились в вихре вальса, а Роман, неуклюжий, большой, широкоплечий, бывший чемпион мореходного училища по гиревому спорту, с завистью наблюдал за ними. А потом объявили «Белый танец», и она пригласила его. Роман чуть не умер от стыда, когда она вытащила его на середину круга, и он, неумело переставляя ставшие вдруг непослушными ноги, наступил ей на белую туфельку. Прошлым летом «Сириус» стоял в доке «Дальзавода». Максим, Роман и Светлана ходили вместе в театр, в кино, в цирк, в дельфинарий, на пляж, катались на яхте в Амурском заливе. Светлана весело смеялась, когда они поднимали ее над собой и швыряли в воду вниз головой. Максим шутил, рассказывал всякие занимательные истории, сыпал остроумными юморесками, читал стихи, которые очень нравились их подруге. Застенчивый, скромный увалень Роман, напротив, во время их встреч на Океанской, в городском саду или на площади у памятника «Борцам за власть Советов на Дальнем Востоке» все больше молчал, осторожно, словно крылышко бабочки, поддерживая со своей стороны локоток Светланы. Не торопясь, они гуляли по набережной, любовались огнями вечернего Владивостока, отраженными в глади Золотого Рога, ели мороженое в кафе «Льдинка». Встречные молодые люди оборачивались им вслед с явной завистью к двум морякам, «подцепившим» такую красотку. Однако ни Максим, ни Роман не могли понять, к кому из них больше благоволит эта самая красотка. Временами Максиму казалось, что ей больше нравится Роман. И под руку она сама его берет, и первому руку при встрече подает, и поглядывает на него чаще. Роман же не сомневался, что разговорчивый, веселый, интеллигентный Максим ей больше к душе. Осенью судно вышло из ремонта, и накануне ухода сейнера в Олюторский залив на лов сельди, друзья проводили Светлану до кирпичного дома, обнесенного забором из синего металлопрофиля. Девушка пожелала друзьям счастливого плавания и добавила на прощанье:

— Возвращайтесь скорее... Я буду ждать вас... Не забудьте адрес: Садовая, десять... Пишите... Звоните...

— Обязательно придем, — пообещал Максим. — И надеюсь, что тогда ты сообщишь нам свое решение...

— Какое решение? — вспыхнула она от вопроса, ответ на который давно искала в своем сердце.

— Да, ладно тебе, Макс, не торопи события... — одернул друга Роман. — Поживем, увидим...

Дома, в саду, срезая букеты роз и гладиолусов для продажи на цветочном базаре, Светлана часто спрашивала себя, на ком из этих молодых, сильных, здоровых душой и телом парней остановить свой выбор для счастливой семейной жизни. Она ловила себя на мысли, что Максим несколько высокого мнения о себе, ставит ее, порой, в неловкое положение своими изысканными манерами, начитанностью, положением штурмана — «белой кости» на судне. В разговоре с молчаливым Романом она чувствовала себя проще и легче. Он не кичился образованием, спортивными достижениями, добродушно улыбался, украдкой поглядывая на нее, и при всей кажущейся медлительности успевал подхватить под руку, придерживать перед рытвиной на дороге, заботливо осмотреть ее спасательный пояс во время прогулок на яхте. С ним она чувствовала себя защищенной. «Будешь за ним, как за каменной стеной», вспомнилась ей известная среди женщин поговорка. Однако как любая женщина, желавшая тепла и уюта, любви и ласки, она, наслышанная о неудачной семейной жизни моряков, понимала, что море будет надолго разделять их, а в долгих разлуках приглушается любовь, становясь пресловутой «привычкой». Светлана ждала возвращения Логачева и Вострецова с трепетной надеждой на то, что любовный треугольник разрешится сам собой, кто-то из двоих влюбленных в нее моряков проявит себя в своих чувствах к ней пылкой страстью, и самого настойчивого из них она примет всем сердцем и назовет своим избранником. И это будет правильный выбор, потому что только сильный, смелый и отважный достоин ее любви. «Вот придет день, когда вернутся они из путины... Не вдвоем, как всегда, а кто-нибудь один из них придет ко мне и скажет: «Я люблю тебя...» — думала Светлана, ставя срезанные розы в ведро с водой. И сначала представляла идущего к ней веселого Максима, а потом видела в мечтах нескладного богатыря Романа. И день свидания настал.

В тщательно отутюженных брюках, в кителях с золотыми шевронами на рукавах, в белоснежных сорочках с черными галстуками, украшенными заколками — золотыми якорьками, в фуражках-«мицах» с муаровыми лентами на околышах и с «крабами» на них, сменившись с вахты, два друга степенно сошли по трапу с борта сейнера в рейдовый катер, забитый моряками, с нетерпением ожидавшими встречи с берегом, с родными и близкими

им людьми. Вздымая винтом гладкую воду в бухте Золотой Рог, блестящую радужными пятнами мазута, катер устремился на 36-й причал, и вскоре Логачев и Вострецов уже шли мимо городского парка. Гремела музыка, дымилась шашлычные жаровни, пахло блинами «с пылу с жару», слышались веселые крики и песни под гармошку. Напротив кинотеатра «Уссури» они неожиданно остановились и вопросительно уставились друг на друга, как бы спрашивая взглядом: «Идем... А куда? На работе она или дома?»

— По моим подсчетам ее дежурных смен, она должна сегодня работать, — неуверенно высказал штурман свою мысль, не дававшую ему покоя еще в каюте сейнера, где он старательно наводил «стрелки» на форменных брюках. Посматривая на свое отражение в витрине и привычно поправляя и без того безупречно повязанный галстук, Максим, что-то прикидывая в уме, более уверенным тоном произнес: — Она продавала билеты пассажирам электрички в тот день, когда мы приехали к ней на станцию Океанская... Ждали, пока закончит работу... Просидели до позднего вечера в пивбаре... Потом провожали ее до кирпичного дома, огороженного синим забором...

— И ты предложил ей сообщить свое решение... А она отказалась... Что-то скажет она сегодня... Ведь полгода прошло... — задумчиво проговорил Роман и махнул рукой: — Ладно, идем... Как будет, так и будет...

Тротуары Светланской расцвели пышными букетами тюльпанов, нарциссов, хризантем и роз. Приятели прохаживались вдоль рядов, уставленных ведрами с цветами, заглядывали в открытые багажники автомобилей, заваленные голландскими крупными тюльпанами, не зная, на чем задерживать взгляд.

— Ей понравятся белые хризантемы... Такие не растут у нее в саду, — наконец сделал выбор Логачев, набирая охапку роскошных благородных цветов.

— А я думаю, она больше любит розы, — бережно выбирая из цветочной кучи одну белую розу, мечтательно произнес Вострецов. — Чего же ты взял только одну? — удивленно спросил Максим, обхватывая обеими руками огромный букет хризантем.

— Помнишь, японец в Осака рассказывал легенду о садовнике? Самурай вырубил весь сад и оставил в нем один цветок невзрачной повилки, чтобы император мог полюбоваться им.

— Так то японцы... Они там все с прибабахом...

Друзья расплатились с торговцами, сели в электричку, и она быстро домчала их до заветной станции Океанская. Оглядев себя с головы до ног, два неразлучных друга направились по перрону к зданию вокзала, с робостью школьников заглянули в окошко кассы. Пожилая женщина в фир-

менной блузе с нашивками «РЖД» приветливо, не скрывая восхищения их внешним видом, а особенно, пышным белым букетом в руках штурмана, спросила:

— Вам куда, мальчики?

— Да, нет... Мы уже приехали, — растерянно проговорил Максим, стыдливо отворачиваясь от кассы.

— Мальчик Логачев ошибся в координатах и посадил судно на мель, — сделав ударение на слове «мальчик», беззлобно и со смешком подначил друга Роман.

— Вырвать тебе язык за такие слова! Надеюсь до пенсии не посадить судно на мель, на камни, на прочие подводные пакости, — огорченный отсутствием в кассе Светланы, резко ответил Максим.

— Ну, вот... А говорил: последняя путина, в море больше не пойдешь... Домик у моря купишь... Ладно, дружище... Не кипятись... Наведаемся по старой памяти на Садовую, десять... Кирпичный дом, увитый плющом, синий забор, собака за ним...

— Неудобно, Рома... Без приглашения...

— Неудобно, Максим, на потолке спать — одеяло падает... И потом... Она ведь говорила, что будет ждать нас...

— Ну, ладно, пошли... Сторожевой пес загремел цепью, хрипло залаял, вызывая хозяев. Через минуту щеколда в калитке щелкнула, и в проеме возникла она... В халате, расшитом розовыми пионами, в тапочках-зайчиках... Сияющая счастливой улыбкой.

— А я вас ждала... Как долго ловили вы эту чертову селедку! — протягивая к ним руки, сказала Светлана. — Хоть бы позвонили, предупредили о приезде.

— Хотели сделать сюрприз... Это тебе! — вручая девушке букет хризантем, галантно поклонился Логачев.

— Спасибо! — скромно поблагодарила Светлана. Ее милое личико порозовело от столь приятного сюрприза, в то время, как синие глаза выжидательно стрельнули на рослого молчуна Вострецова: что это такое прячет тихоня за спиной?

Роман, неловко переминаясь, высвободил руку из-за спины и несмело протянул ей розу.

— Боже! Какая прелесть! Рома, вы просто чудо! Я обожаю розы! Как она пахнет! — поднося цветок к губам, восторгалась Светлана, чем привела Романа в полное смущение.

«Это она так... Чтобы не обидеть меня... Надо было купить большой букет...» — подумал он про себя.

— Если бы вы знали, ребята, как я вам рада! Простите... В дом не приглашаю, отцу сделали операцию, он в больнице... Я сейчас еду к нему с ма-

мой. Мне еще надо переодеться... Приходите завтра... Я в отпуске... Мы пойдем куда-нибудь, как в прошлом году... В театр, в цирк или в кафе «Пингвин»... Там такое мороженое!

— Завтра не сможем... Завтра снимаемся с якоря и снова уходим в море...

— Как?! Вы же только что вернулись! И что? Опять на полгода?

— Кто знает? Может, даже больше... Как рыба пойдет... — виновато улыбаясь, пожал плечами Максим. — А мы... Это... Мобильная связь там не работает... Так мы... Того... Хотим знать... Кому больше ты хочешь написать письмо? Мне или Роме? Ну, это самое... Кого больше будешь ждать с моря? Меня или Рому?

Роман густо покраснел, отвернулся и протестующе махнул рукой:

— Не надо, Макс... Чего спрашивать? Пусть сама скажет...

— Так я и говорю... Пусть скажет, кто ей больше по нраву...

Светлана вспыхнула и чуть ли не с гневом выкрикнула:

— А ну вас! Я с вами по-хорошему, а вы... Кто так прямо? Я что, возле калитки должна вам в любви объясняться?! Ничего не знаю... Прощайте! Вот, мама уже идет за мной...

Выпалив эти слова со слезами на глазах, Светлана, придерживая рукой охапку цветов, сначала Максима чмокнула в гладкую, пахнущую тонким парфюмом щеку, потом Романа, и, резко повернувшись, с гордым видом направилась к дому, хотя в душе теплилась надежда: вдруг кто-то из них, более смелый и решительный, окликнет ее и крикнет: «Света! Счастье мое! Я люблю тебя!» Нет... Никто не окликнул, никто не остановил ее. Сухо щелкнула задвижка калитки, отгородившей их от нее на всю оставшуюся жизнь.

После отказа Светланы сделать окончательный выбор, два друга по-нурно побрели к вокзалу. Неудачный визит к Светлане еще теснее сблизил их. Теперь она представлялась им желанным, но таким далеким, затерянным в тумане огнем маяка, мигающего со скалистого мыса.

— Знаешь, Макс... По-моему, ей все равно... Ты или я... — сказал молчавший всю дорогу Роман.— Может, так оно и есть... Кому охота связывать свою жизнь с морскими бродягами...

Августовским теплым вечером кнопку звонка на синем заборе у кирпичного дома на станции Океанская нажал симпатичный молодой человек в джинсах, в белой тайской футболке, в белых кроссовках и с букетом белых роз. Калитка распахнулась, и он увидел... ее. Светлана возилась в грядках, услышала звонок и, не помня себя от радости, побежала к калитке и, увидев Максима, растерянно спросила, отряхивая руки от земли:

— Максим?! Почему один? Вы же всегда приходили вдвоем... А где твой друг Рома? Он вернулся с моря?

— Вот, это от Романа, — протянул ей букет цветов Максим. — Он просил подарить тебе белые розы...

— А почему он не пришел?

— Он не придет, — с трудом проговорил Максим. — Нет больше Ромы... На судне был пожар... Роман бросился в машинное отделение, чтобы спасти моториста... Там уже бушевало пламя... Товарища спас, а сам получил ожоги легких... Умирая, он просил сказать, что очень любил тебя...

— Это неправда... Он не мог умереть... Я люблю его! — закричала Светлана.

— Это правда, Света... Его отвезли в Петропавловск-Камчатский, и он умер там в больнице ...

Бросив страдальческий взгляд на Логачева, принесшего страшную весть, Светлана с плачем, не затворяя за собой калитку, убежала, уткнув лицо в белые бутоны нежно-восковых роз.

— Ты сделала правильный выбор, — тихо сказал ей вслед Логачев. — Роман Вострецов — герой, достойный тебя... Да... В тот раз, когда прощались, ты в самом деле целовала его чуть дольше, чем меня...

...Через семь лет по улице Садовая проходил капитан дальнего плавания. Он остановился напротив кирпичного дома, обнесенного синим забором, из калитки которого, весело смеясь, вышла женщина в белой шляпе, в легком белом костюме, в белых босоножках. Она вела за руку девочку лет пяти. Позади них шел толстый, низкорослый, лысый мужчина в широких, ниже колен, шортах, в шлепанцах на босу ногу, с большим животом, обтянутым тенниской. Короткая щетина рыжей бороды обрамляла его одутловатое лицо. Он нес плетеную корзину с пляжными вещами, с бутылками пива и закусками. Семейная пара, живо обсуждая солнечную погоду, подошла к поджидавшему их «Лексусу». Водитель услужливо распахнул перед своими пассажирами дверцу, торопливо сел за руль, и они укатили.

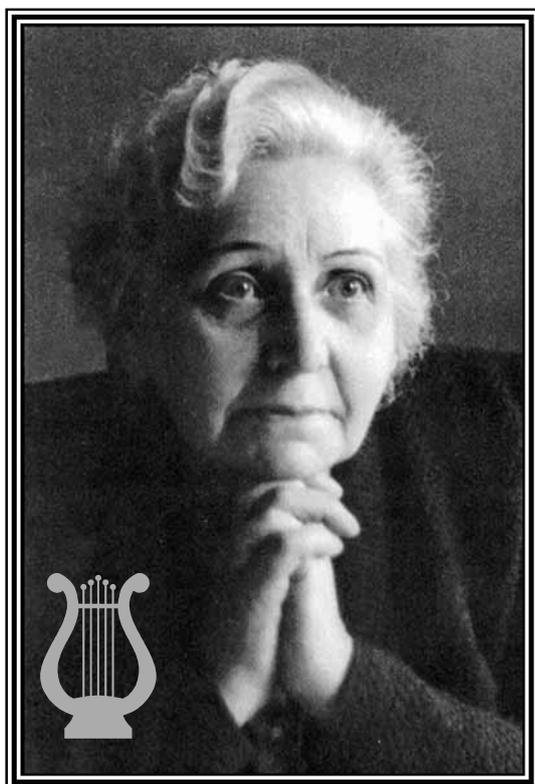
Было жарко и душно. Капитан снял фуражку, утер вспотевший лоб носовым платком, снова надел фуражку и спокойно зашагал к санаторию «Океанский», где отдыхал после многомесячного плавания.

— Наверно, ты сделала правильный выбор... Нашла свое счастье... — задумчиво проговорил он, окидывая прощальным взглядом кирпичный дом за синим забором, увитым плющом. В открытой калитке, которую забыли закрыть торопливо уезжающие хозяева, виднелись цветущие белые розы... □

Ирина Леонтьева

ДВЕ ЖИЗНИ

Конкордии Антаровой

Весной 1886 года в Варшаве, в семье чиновника Министерства народного просвещения родилась маленькая принцесса. Назвали ее Конкордия, что в римской мифологии означало «согласие граждан государства». Это имя как нельзя лучше подошло девочке — ведь в дальнейшем вся ее жизнь была связана с поиском согласия и понимания среди разных людей, миров, времен и пространств.

Когда Коре исполнилось 11 лет, умер ее отец. Мать получала небольшую пенсию и давала уроки иностранных языков — это и были все средства, на которые они жили. Мать Коре была двоюродной сестрой известного народовольца Аркадия Тыркова. Аркадий, в свою очередь, был старшим братом Ариадны Тырковой-Вильямс — журналистки, писательницы, феминистки, члена ЦК партии кадетов — в которую безответно был влюблен

писатель-фантаст Герберт Уэллс. Удивительная история произошла с великим фантастом. Зимой 1914 года мир едва не лишился автора «Человека-невидимки» и «Войны миров». Случилось это недалеко от новгородской деревни Вергежа. Сани, на которых он ехал к Ариадне, провалились в полынью. Уэллса спасли и отогрели, но цели своей он так и не достиг — Ариадна отказала ему.

Аркадий Тырков — тоже человек яркий и неординарный — был со-

слан в Сибирь по делу Софьи Перовской. Об этой удивительной женщине девочка слышала много историй, ведь Софья Перовская приходилась ей двоюродной бабушкой. Такие фантастические родственные сплетения не могли не повлиять на личность Конкордии. Она совершенно чудесным образом влияла на людей, наполняла их энергией и жаждой жизни. Позже, в дневниках и воспоминаниях ее друзей, товарищей и учеников появятся такие записи: «Да, мы счастливы, мы общались с ней, слышали ее голос, видели ее сверкающие, полные юмора глаза, которые понимали всю суть находившегося перед ней человека. Может быть, не всегда приятно, когда тебя видят насквозь, но доброта, светившаяся в этих глазах, смягчала эти мелкие чувства. И хотя тебя не всегда гладили по головке, ты выходил от Кору Евгеньевны с таким чувством, будто за спиной крылья».

В 14 лет Конкордия потеряла и маму... Но сильная и целеустремленная девочка не пала духом. Она окончила гимназию и, как и мать, самостоятельно зарабатывала частными уроками.

Кора была очень религиозна и чувствовала божественное присутствие, где бы ни находилась. Это чувство привело ее в монастырь послушницей. Там-то и произошло первое чудо — проявился божественный дар Конкордии. Она пела в церковном хоре, и ее голос выделялся красотой и чистотой на фоне

хорового пения. Да, Кора с детства мечтала о сцене и о карьере певицы. Решиться на такой серьезный шаг, живя в монастыре, было сложно. Но встреча с Иоанном Кронштадтским определила судьбу Кору — ей «суждено трудиться в миру». Нет прямых источников, где описывалась бы встреча Конкордии с Иоанном Кронштадтским, но известно, что в 1893 году в Варшаве открывались Дома трудолюбия, по образцу кронштадтского. Это была целая программа, поддержанная великой княгиней Александрой Иосифовной. За 20 лет по всей России было создано около ста Домов трудолюбия. В первые годы существования они были своеобразной биржей труда и помогали бездомным, сиротам и безработным найти хоть какой-то заработок и питание.

В 1895 году Иоанн Кронштадтский был назначен членом Комитета по устройству Домов трудолюбия в городах России. Возможно, Конкордия Антарова и Иоанн Кронштадтский встретились, когда тот был в Варшаве по организационным делам комитета. Либо это случилось в 1901 году, когда священник был в Варшаве проездом, направляясь в Берлин помолиться о тяжелобольном русском графе П.А. Шувалове. Как бы там ни было, встреча их состоялась, и Кора решила ехать в Санкт-Петербург учиться. Подруги помогли девушке с деньгами, и она поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов, который окончила в 1904 году.

БОЛЬШАЯ СЦЕНА

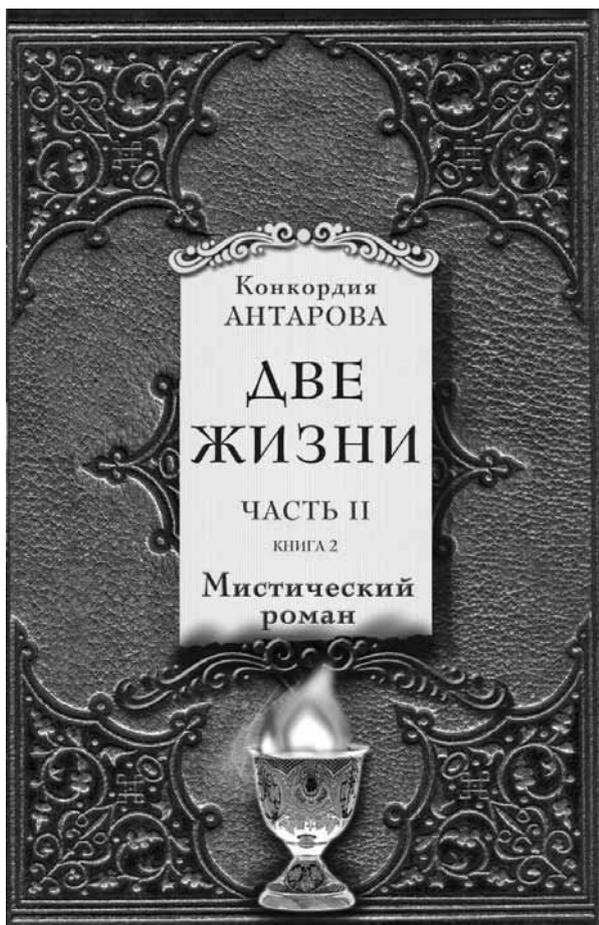
Сколько испытаний прошла юная Конкордия! Все студенческие годы она зарабатывала на жизнь уроками, ночными дежурствами в редакциях, уходом за больными. Ей предлагали остаться на кафедре философии, но Кора мечтала о сцене. Родители никогда не водили девочку в театр, но пение и музыка тянули ее, и она приняла решение посвятить свою жизнь искусству.

Уроки пения Кора брала у профессора Петербургской консерватории И.П. Прянишникова. Стоили они немало, и ей приходилось много работать. От голода и переутомления девушка буквально валялась с ног и даже попадала в больницу. Бронхиальная астма, приобретенная в то время, так и останется с ней на всю жизнь. Но мечта была сильнее всех испытаний и преград, и в 1907 году Кора отправилась на пробу в Мариинский театр. Так, яркой весной 1907 года она единственная из 160 соискателей прошла конкурс.

В 1908 году Кору Антарову пригласили в Большой театр, и почти 30 лет она выступала на сцене главного театра страны. Голос у Конкордии был уникален, она исполняла все партии для контральто, могла петь и женские, и мужские — Ратмир в «Руслане и Людмиле», Лель в «Снегурочке», Ваня в «Жизни за царя». В ее репертуаре были оперы «Русалка», «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Царская невеста», «Садко», «Иоланта», «Князь Игорь», «Демон», «Вертер», «Золотой Петушок».

Конкордия блистала на сцене, ею восхищались тысячи поклонников, у нее было множество знаменитых великих друзей. Всегда добро-

желательная и открытая Кора стала «точкой притяжения» для людей. Ее энергия была настолько сильной, что окружала близких незримым кольцом доброты и мира.

Но болезнь — бронхиальная астма — уже не давала выступать в полную силу. Еще некоторое время Антарова выступала с концертами, но это становилось для нее все труднее и труднее.

Перестав выступать на сцене, Конкордия Евгеньевна занялась выпуском книги «Беседы К.С. Станиславского», так как во время занятий Мастера с молодыми певицами Большого театра вела записи. Сестра Станиславского З.С. Соколова писала:

«Константин Сергеевич очень печалился, что не успеет написать книгу об этике, особенно — актера. В ваших записях, особенно в первых двенадцати беседах, он много говорит об этике, да и в остальных беседах немало разбросано мыслей этического характера. Не раз брат говорил мне: «Может быть, книга об этике — самая нужная, но... не успею написать».

Конкордия записывала беседы Станиславского практически стенографическим способом. К счастью для всех артистов, эти записи вошли в книгу, и желание великого артиста было исполнено.

Вот что написала З.С. Соколова в письме Конкордии: «Удивляюсь, как Вы могли так дословно записать беседы и занятия брата. Изумительно! При чтении их и после у меня было такое состояние, словно действительно, вот сегодня, я слышала его и присутствовала на его занятиях. Мне даже припомнилось, где, когда, после какой репетиции говорил он записанное Вами...»

После войны, в 1946 году Кора Евгеньевна организовала при Всероссийском театральном обществе кабинет К.С. Станиславского. На заседаниях кабинета началась активная работа по пропаганде его идей. Многие известные артисты, ученики великого режиссера, — О.Л. Книппер-Чехова, В.О. Топорков, С.Г. Бирман и другие — поддерживали эту работу. На собраниях изучалось наследие реформатора театра, арти-

сты выступали с докладами, собирали ценнейшие материалы наследия К.С. Станиславского. Конкордия Антарова собрала вокруг себя коллектив талантливых, ярких личностей и стала их лидером и вдохновителем.

ТАЙНЫЙ МИР КОНКОРДИИ

Но у нее была одна великая Тайна. Эта часть ее жизни оставалась как раз «за кулисами». Философия, эзотерика, теософия... Та сокровенная жизнь, в которой она видела особый смысл, чувствовала другие измерения. Искусствовед-индолог, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат премии имени Джавахарлала Неру Семен Тюляев, который считал себя учеником Антаровой, писал, что Кора была знакома с некоторыми членами Теософического общества, созданного известным религиозным философом Еленой Блаватской, а также имела своего Учителя и связи с Шамбалой — местом нахождения великих Учителей, которые несут мысль духовной эволюции людям. Шамбала же, по словам Блаватской, является великой белой ложей гималайских адептов и имеет физическое местоположение на Земле — в некоторых источниках это пустыня Гоби, в других — Гималаи. Но попасть туда обычному человеку не суждено — доступ туда может получить только достойный, искренне стремящийся оказаться там человек.

Автор «Тайной доктрины» Елена Блаватская полагала, что все рели-

гии мира, все философские системы имеют общий «родительский ствол», который содержит в себе «великую Истину». Антарова разделяла эти мысли, поэтому не удивительно, что в круг ее общения входили люди, целью которых было совершенствование себя и своего сознания. Это, к примеру, Ольга Цубербиллер — выдающийся ученый-математик, педагог, воспитавший не одно поколение ученых, или величайший русский артист Василий Качалов.

ДВЕ ЖИЗНИ. НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА

Самая большая тайна, самое большое чудо в творчестве Антаровой — уникальный роман «Две жизни». Навсегда останется загадкой, как роман появился на свет. Очевидцы утверждают, что писала она его очень быстро, несмотря ни на войну, ни на условия жизни. Как будто ей кто-то просто диктовал текст, а она записывала. Сама Конкордия говорила, что текст романа ей диктует Учитель посредством «яснослышания». Но есть еще одна версия авторства романа — некоторые исследователи считают, что роман Антаровой диктовал Лев Николаевич Толстой. Ведь главный герой романа — молодой человек Левушка (прообраз Льва Толстого), с наивной и чистой душой и добрыми помыслами, который встречает на своем пути великих Учителей Шамбалы, открывающих для него истинный смысл земного бытия. Но был ли Толстой

ее земным Учителем? Нет. Ее земным Учителем был Константин Станиславский. И существует третья версия, что именно он диктовал ей роман из Тонкого мира. Не вызывает сомнений, что учитель Станиславский и ученица Антарова были духовно очень близки.

«Две жизни» — роман-открытие. Открытие, прежде всего, себя. Роман, где ценное и важное показано именно таким, без прикрас и прикритий. И даже если весь мир вокруг перевернулся, в «Двух жизнях» все встает на свои места. Каков же главный посыл романа? Делай добро. И все! Это так просто и невероятно сложно. Чтобы выполнить эту миссию, герои романа проходят труднейшие испытания, преодолевают препятствия, спасаются от врагов сами и спасают других. Им не нужны мистерии или специальные условия — только ежедневный труд и преданность сердца. «Трудно ученику, живущему в суеде большого города, в уплотненной квартире, среди бурных и мелочных вибраций, создавать ту атмосферу, где царила бы хоть минимальная гармония, и мог бы в ней звучать Голос Безмолвия» — эти слова Конкордии актуальны как никогда.

«Две жизни» давно разобрали на цитаты. И порой, читая эти строки, мы не предполагаем, кто их автор: «Вся жизнь — ряд черных и розовых жемчужин. И плох тот человек, который не умеет носить в спокойствии, мужестве и верности своего ожерелья жизни. Нет людей, чье

ожерелье жизни было бы соткано из одних только розовых жемчужин».

Конкордия Антарова умерла 6 февраля 1959 года в Москве. Похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве. Умирала она тяжело, однако перед своей кончиной она отправила своему другу Сергею Тюляеву письмо: «Никогда чтобы не было никакого страха: Бесстрашие — верность Учителю. Всегда сохранять полное самообладание. Колебания духа и резкие переходы неуравновешенности ученику особенно вредны. Не требуйте много от людей, но верность, честь и мужество надо соблюдать до конца. При встрече даже с низким человеком всегда пробуй найти в нем зерно лучшего и окруженного кольцом огненной светлой мысли. Помни, что, когда подаешь ему руку, между вашими ладонями лежит рука Учителя. Так поможешь подняться ему выше (любя — побеждай)».

Рукопись романа «Две жизни» многие годы хранилась в Москве у Елены Федоровны Тер-Арутюновой. Она тоже считала Конкордию Антарову своей наставницей. В советские времена такой роман опубликовать было невозможно, поэтому Елена Федоровна бережно хранила его, показывала только избранным людям и лелеяла надежду, что роман когда-нибудь выйдет в свет. Но книга потихоньку распространялась самиздатом, а после развала СССР была передана в Латвийское общество Рерихов. Впервые роман был издан в 1993 году. □

Олег Дорогань

ДВЕ БЕРЕГИНИ

Татьяне Целуйко и Марине Фалеевой

Девчата сшибли дроны
в Крыму из «калашей».
Пусть в море Черном тонут, —
прогнать вражин взашей!
Две девушки в дозоре,
морячки две — могли
свой Севастополь с морем
сберечь — и сберегли!
Две наши берегини,
по сути и на вид,
поистине богини.
Пусть трели мчат в зенит!
Особая отвага
у русских женщин есть,
золотниками в драгах —
их воинская честь.
Красавицы в мундирах,
не показушный лоск.
Их солнцем лик над миром —
как символ русских войск.
Пока в Руси-Расее —
как Божий благовест
есть эти девы-феи,
на жизнь, не насмерть крест!..
Вы будьте так же пристально
в дозоре начеку, —
я верую, предписано
вам счастье на веку!

НА СТРАШНЫЙ СУД

На Страшный суд шли не воришки,
а шли убийцы — поделом.
С Аллеи Ангелов парнишка
сидел в судеюстве за столом.
И увидал его тот самый,
что очередью его смел,
и как ребенок вскрикнул: «Мама!» —
и в дальний угол отошел.
Парнишка взглядом его, молча,
как вспышкой молнии, пронзил.
Убийца сник, гримасу скорчив,
и опустился ниц без сил.

— За что такое наказание? —
Убийца плакал и стenal.
Свершилась кара крайней гранью,
где совесть жжет во весь накал.
Убийце напрочь выжгло душу —
достался в досталь свой удел.
И, превращен в гнилую грушу,
он в преисподнюю слетел!..

МИР БЕЗ РОССИИ

На земле проросло наше семя.
Неспроста утверждать я берусь:
в это самое время есть племя —
всех светлее — по имени Русь.
Часть седьмую под русское поле
Бог отвел нам всемирной земли.
И хотя не без гнета неволи,
но ведь свергнуть его мы смогли.

А что стоит весь мир без России?
Обнищает не столько без руд
и без газа — а станут босые
души в нем, если глянуть под спуд.
Без России в умах нездоровых
окончательно Бог отомрет,
и Антихрист из выкрестов новых
его место позорно займет.
Будет в жажде своей беспредельной
Желтый дьявол сгребать чистоган.
Все забудут, что в путь свой последний
не набьешь — не возьмешь чемодан.
Мир возглавит двуполая особь,
жезл господства сжимая в горсти.
Рядом править с ним станут отбросы,
человечности быть не в чести.
И от их несуразной цензуры
запрещенною станет слеза...
Будут люди понуры и хмуры,
как ледышки, пустыми глаза.

Не пристало клубиться во зле нам
даже между недружеских стран.
Наше место — в середке вселенной,
золотое сечение — в наш стан.
Без России не только потухнет
мир под кознями алчной игры —
без России со временем рухнет —
не иначе как в тартарары.
Без России на нет справедливость
изойдет — произвол впереди.
А раз в пропасть она провалилась,
то от Штатов с Европой не жди.
Чувства все отомрут, на поверку,
утешенья душе не суля.
Без России и звезды померкнут
над тоскливой планетой Земля!..

ЛЮДИ ЭРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Пусть найти не без усердия
их не так легко сейчас, —
люди Эры милосердия
есть сегодня среди нас.
Есть они средь медсестренок, —
в грозные эти дни
из окопов, из воронок
тащат раненых они.
Среди воинов в запасе,
среди тех, кто весь в дыму,
в Запорожье, на Донбассе,
быть могли бы и в Крыму.
Погляди: пострел-орленок
ополченцем уже стал!
Золотник — хоть не в погонах,
скажут: мал он — да удал.
Смотрят в завтра без опаски,
люди праведных начал,
люди правильной закваски, —
правды в душах их накал,
доброты в глазах свеченье.
и под вражеским огнем
нет у них ожесточенья,
хоть разрушен отчий дом...

Не становишься, брат, злее,
пожалеть врага готов.
Отчего же ты своею
добротою злишь врагов?..

Ты пытать не станешь пленных,
измываться над людьми —
нет ни в мыслях и ни в венах, —
и таким не стать зверьми.
Потому что милосердье
прочно в генах и крови,
и ведет оно к победе —
как соратница Любви.

Любовь Кобелянская приехала покорять Москву из маленького уральского городка Каменск-Уральск в совсем юном возрасте — в 15 лет. И ей это удалось. Поступив и окончив училище и академию имени Гнесиных, девушка параллельно участвовала в международных и российских конкурсах, а также стала работать концертмейстером в родных стенах Гнесинки и педагогом по специальности. О сложностях профессии и любви к творчеству мы и поговорили с ней.

Любовь Кобелянская

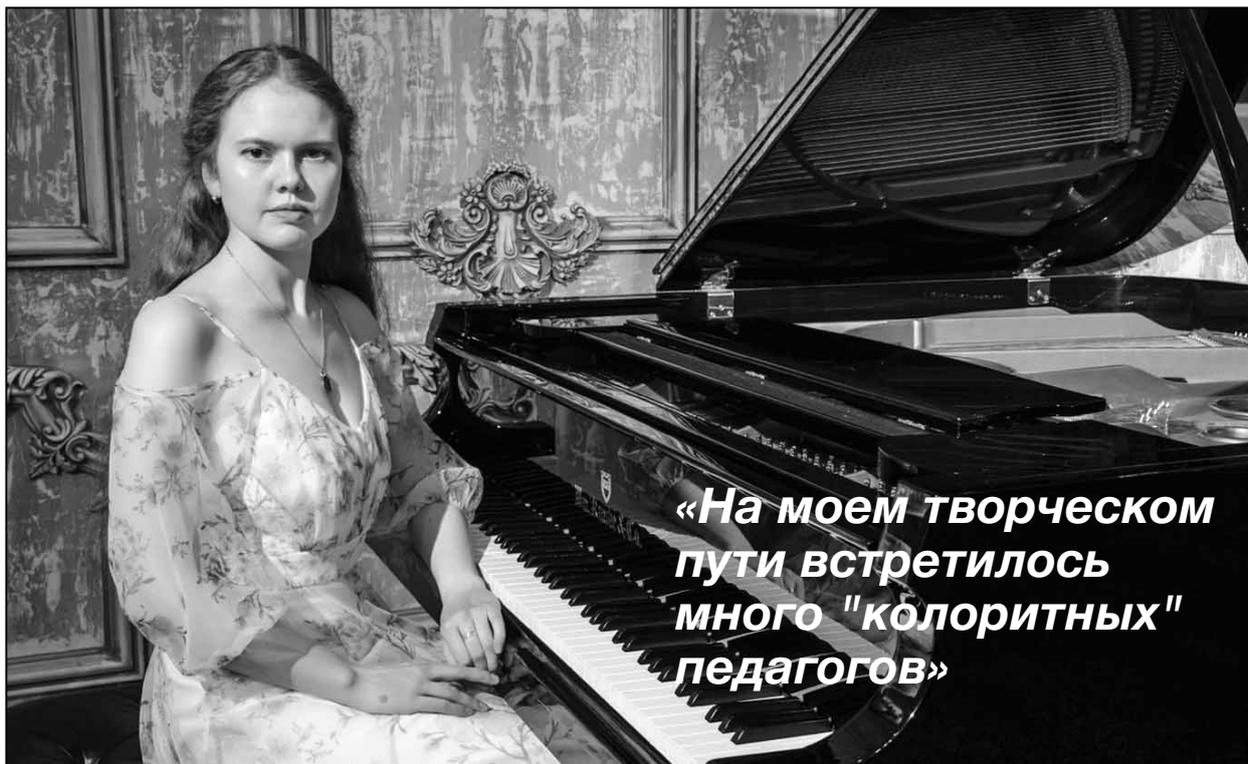

Фото из личного архива

— Люба, ты помнишь, как впервые села за инструмент?

— В музыкальную школу пошла в 7 лет, но первые песенки подбирала на инструменте немного раньше. В школе уроки помню довольно отчетливо, хотя ничего особенного не происходило: упражнение «птичка», аппликатура в до-мажорной гамме, ну и ноты первой октавы, а затем и первые песенки по Миличу (Борис

Милич — советский педагог, профессор, автор всесоюзной программы по педагогической практике фортепианных факультетов, многие годы развивал методическую работу в области фортепианной педагогики — прим.ред.).

— Как пришла идея уехать из маленького уральского городка и поступать именно в Москве?

— Сначала планировала поступать в свердловское музыкальное училище, но юношеские амбиции «решили», минуя Екатеринбург, ехать сразу в Москву.

— Расскажи, пожалуйста, как ты поступала в Гнесинку. Тяжело ли дались испытания?

— Вступительные экзамены не были для меня чем-то мучительным. Когда поступала в училище, еще не осознавала всю важность экзаменов, наверное, в силу возраста, проще к этому относилась. Просто играла программу так, как умела, а с сольфеджио никогда проблем не было. К поступлению в академию музыки им. Гнесиных уже более серьезно отнеслась, целенаправленно готовилась почти год и в июле уже была готова, поэтому все прошло гладко.

— Чем особенно запомнилось обучение в училище?

— Осталось очень много впечатлений: как готовились ко всяким концертам, капустникам, от специальных предметов сохранились яркие воспоминания, много «колоритных» и творческих педагогов встретилось на моем пути.

— Они были очень строгими, и совпало ли ожидание учебы с действительностью?

— Педагоги все разные, у каждого свой подход, многие из них очень требовательные. Это вполне ожидаемо, иначе не было бы такого вы-

сокого уровня образования, не была бы "Гнесинка" известна во всей стране и за ее пределами.

— Ты и сама уже давно работаешь как педагог. В чем заключается основная трудность в работе с детьми?

— Сложнее всего удерживать внимание, особенно маленьких детей. Их постоянно нужно увлекать, что-то придумывать, к тому же в игровой форме, а это нелегко.

— Как сама считаешь, ты педагог строгий или добрый?

— Скорее строгий, но в меру. Надо понимать, кто передо мной находится, психологию ребенка. От одного можно больше требовать, добавлять, как говорится, «кнута», с другим же — мягко и ласково. У всех разные цели в обучении музыке: кто-то занимается «для себя» или «для общего развития», а есть и десятилетние дети, которые нацелены с младых ногтей на профессиональное будущее.

— Было бы странно говорить с пианистом и не спросить о любимых композиторах...

— Так сложилось, что чаще всего сама я играю Шопена и Скрябина, они мне легли «по шерсти». Также мне близка музыка Брамса и симфоническое творчество Малера. Другие композиторы мне, конечно, тоже нравятся, кого-то больше люблю слушать, кого-то сама испол-

ню, Бах вне всякой конкуренции, разумеется. А вообще люблю знакомиться с разной новой для меня музыкой.

— Помимо педагогической деятельности, ты еще работаешь концертмейстером. В чем заключаются основные сложности этой профессии?

— Концертмейстерская деятельность на данный момент является моей основной работой. Мне определенно она дается легче, чем педагогическая. Здесь у меня больше практики и хороший навык чтения с листа.

— Чем и как ты вдохновляешься?

— Вдохновение черпаю от больших пианистов и других музыкантов.

А еще люблю рисовать, правда, любительски. Кроме того, мне нравится иллюстрировать некоторые произведения. Природа, конечно же — тоже заряд творческого вдохновения.

— Как ты видишь, в чем заключается основная проблематика развития фортепианного искусства в России и за рубежом?

— Не могу сказать, что фортепианное искусство на сегодняшний день как-то развивается. В лучшем случае, это пропаганда популярной классической музыки (правда, не всегда в достойном исполнении). Хотелось бы больше знакомить публику с малоизвестными произведениями и композиторами. Некоторые не исполняются в силу их опре-

деленной сложности (особенно музыка XX–XXI веков), другая музыка не вписывается в традиционные программы и концерты. Есть некоторая ограниченность репертуара.

— Какое произведение в твоей программе оказалось самым сложным для тебя?

— На мой взгляд, самыми технически сложными в моей программе были 2-й концерт Прокофьева, Вальс Равеля. Но лично мне сложнее всего исполнять прозрачную музыку венских классиков, хотя они и не отличаются особой виртуозностью.

— Что в твоих творческих планах на ближайшее время?

— Про планы говорить пока сложно. В Москве и в некоторых других городах России играю концерты, участвую в разных мероприятиях. Пока этого для творческого развития хватает. Посмотрим, что будет дальше.

— Что является, на твой взгляд, главным в пианистическом искусстве?

— Если говорить именно об исполнительском творчестве в классическом смысле, то, на мой взгляд, первоочередная задача — донести до слушателя идею композитора, что он хотел сказать теми или иными средствами выразительности.

Самовыражение происходит в различных импровизациях, но это уже немного другое направление. Также не могу не согласиться с высказыванием В. Горовица:

«Игра на пианино состоит из здравого смысла, сердца и технических ресурсов. Все три должны быть одинаково развиты. Без здравого смысла ты потерпишь фиаско, без техники — любитель, без сердца — машина. У профессии есть свои опасности». □

Беседовал **Дмитрий Соколов**

Екатерина Маркова

УНИКАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ ЖИТЬ

(история одних съемок)

*Станислав
Иосифович
Ростоцкий*

Выбрал пятерых «зеленых» актрис-неумех (некоторые еще и институт не окончили) на главные роли, присовокупил еще одного, сыгравшего лишь крокодила в ТЮЗе, выбил из Госкино всем звездные ставки — ибо знал, каково им придется на съемках, и пустился со всем этим хлипким багажом в путь под названием «Экранизация повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие». Потом не раз за голову хватался и после приступа отчаянья и бешенства обессилено стонал: «Господи, за что мне это?! Ладно, если бы одна, а тут сразу пять, и каждая, видите ли, с характером, со своими тараканами... И этот, старшина Васков, в армии побывал, а гранату кидает, как еловую шишку. Разгоню всех, к чертовой бабушке!»

На вопрос, как это получается у него так... вкусно и с захлебом жить, неохотно рассказывал, как пошел на фронт мальчишкой, был ранен, умирал в болоте, захлебываясь в крови, как вытащила его на себе молоденькая медсестра, как ноги лишился и родился заново, чтобы жить без нытья и чтоб все в кайф было. И правда — даже его короткие вспышки гнева были всегда по делу и всегда вслед тому, что он больше всего в жизни ненавидел. А ненавидел он дилетантство в профессии, хамство и вранье.

По десять часов съемок не вылезал вместе с нами из болота, которое на экране кажется не таким ужасным и коварным, как под ногами. На экране вся эта болотная дрыгва водичкой закрыта, а топь, которая каждую секунду с дикой силой вниз тянет, не видно. Вся съемочная группа, понимая, как

мучительно ему с протезом до бедра преодолевать этот болотный кошмар, под разными предложениями вытягивала его на берег, а он, в клеевой джинсовой куртке, благоухающий дорогим парфюмом, свежесбривший (точно проспал десять, а не четыре часа), в бейсболке, лихо сдвинутой на глаза,

смеялся и отбрыкивался. «Им ведь там тоже не сахар бултыхаться, да еще с вещмешками за спиной. Эх жаль, что зритель никогда не узнает, сколько весит такой мешочек, в котором по два кирпича заложено».

Когда приехавший на съемки Борис Львович Васильев ужаснулся нашей ноше и попросил Ростоцкого облегчить нашу участь, Станислав Иосифович снисходительно заметил: «Газетами предлагаешь вещмешки набить? А мне нужно, чтобы все по правде было — от груза рюкзака и походка иная, и актерское самочувствие. Видел, как они скидывали вещмешки, когда Васков привал объявил?»

С усилием скидывали и чувством облегчения — передохнуть от эдакого груза! Так и впредь будет».

Да, ему нужна была правда. Та правда о войне, которая складывается из постоянного напряжения и страха, из бессонных ночей, из непосильных передвижений по лесам, горам и болотам, из сбитых в кровь грубыми сапогами ног, из разбитых коленок, из жажды, голода и холода, из потерь ставших родными и близкими людей...

Он был замечательный педагог. Когда снимали убийство Сони Гурвич, и мы должны были обнаружить ее уже мертвую, засунутую фашистами между камней, Ростоцкий отослал нас обедать, и пока Ирину Долганову гримировали, превращая ее лицо в безжизненную белую маску с черными кругами вокруг глаз, мы ничего этого не видели. Потом нас позвали на площадку, Ростоцкий объяснил, что мы должны обогнуть бегом во-он

тот пригорок и там, на камнях обнаружить Соню. Когда мы вылетели на опушку леса, где на огромном камне лежала наша «мертвая» Ирка, эффект превзошел все ожидания. Помню, как вслед за страшным криком, который я заткнула грязной ладошкой, слезы градом хлынули, и стало так больно дышать, что я тихонько заскулила, как побитый щенок. Сзади слышала хриплый стон Ольги Остроумовой и даже не поняла, когда Ростоцкий тихо скомандовал: «Стоп!» Подняла глаза и увидела, как он вытирает рукавом мокрое от слез лицо.

Потом не раз мы видели его плачущие глаза. Он переживал все... до дна. Потому что был настоящим. Настоящим, когда орал на нас, что мы «тупые бездари», когда обнимал и расцеловывал нас, обессиленных и падающих с ног от недосыпа, когда метался по съемочной площадке, будучи един во всех лицах: и оператор, и костюмер, и рабочий, и гример, и художник, и осветитель, и пиротехник, и звукооператор, когда в редкие выходные танцевал с нами танго в длинном гостиничном коридоре, когда вдруг лицо его становилось тихим и отстраненным, и он хотел побыть один...

Репетировали эпизод убийства фашистами моей героини Галки Четвертак. Пока Станислав Иосифович рассказывал мне, откуда я должна выскочить наперерез немцам с отчаянным криком: «Мама!», в каком направлении бежать, пиротехники прилаживали мне на спину под гимнастерку листок фанеры с мешочками красной краски, имитирующей кровь.

От мешочков шли тоненькие провода, и, услышав выстрел, я должна была нажать на батарейку, чтобы в гимнастерке прорвались дырки как от пуль, и содержимое мешочков заливало бы спину.

Один раз прошли всю сцену чисто технически — без всяких выстрелов, а потом Ростоцкий скомандовал: «Мотор! Камера! Начали!»

Я побежала с криком по зеленому пригорку, раздались голоса немцев, автоматная очередь, я нажала на батарейку, и вдруг мощный удар в спину сбил меня с ног и точно тысячи иголок вонзились между лопатками. Дальше я плохо помню, что было. Только белое лицо Ростоцкого, прижимающего меня к себе, и его абсолютно нецензурный монолог в адрес пиротехников, которые не рассчитали силу взрыва, и фанерку на спине разнесло вдребезги, задев кожу на спине. Когда все успокоились, и мою спину промыли и наклеили пластыри, Станислав Иосифович снова прижал меня к себе, гладил по лицу и по голове, как маленькую и приговаривал: «Да черт с ним, с этим крупным планом спины. Без него обойдемся. Что, малыш, очень перепугалась? Прости меня, старого дурака, и этих оболтусов — специалисты называется!»

Рядом из кустов выглядывала ревнивая мордашка Андрюшки Ростоцкого, вечно сновавшего с луком и стрелами по лесу. А я тогда подумала: «Точно, Андрюшке есть к чему ревновать. Он же всех нас удочерил, это факт, и мы теперь совсем его дети». От этой мысли я развеселилась.

Показала Андрюшке язык, крепко обняла Ростоцкого за шею и прошептала: «Да ничего и не испугалась. Нужен крупный план — снимайте, только пусть пиротехники на себе сначала прорепетируют».

Уже после выхода фильма мы поехали в Неаполь на неделю советского кино, и там, в гостинице, я еще раз ощутила «отцовство» Ростоцкого. Надо было погладить вечернее платье, и я использовала по глупости походный складной утюжок, прихваченный из Москвы. В ту же секунду, когда я воткнула вилку в розетку, во всей гостинице вырубил свет. Смертельно перепугавшись, я сообразила, чем мне это грозит, и по темному коридору добралась до номера Ростоцкого. Он все выслушал, несколько раз недовольно крякнул, вместе со мной прошествовал в мой номер и уже через несколько минут объяснял гостиничному начальству, сразу определившему, где произошло замыкание, как он оплошал с утюгом... Я молча лила слезы, а он, развалившись в кресле, мрачно прокомментировал: «Не реви. Не стоит того. Это не твоя вина, это все из-за нашей бедности. Выдадут на поездку три доллара, а на них и платье не отдашь погладить! Выпишут штраф — вот пусть Госкино и расплачивается!»

...Он набрал съемочную группу максимально из бывших фронтовиков, и, конечно же, сделал это сознательно. По их общему молчаливому согласию нас ничему никто не учил, не давал советов, не обсуждал — просто на нас постоянно глядели

*К/ф «А зори
здесь тихие»*

глаза людей, переживших ад войны. Это создавало уникальную атмосферу на съемочной площадке, и соврать или дать слабину было просто невозможно.

Тогда же, видимо, все мы получили впечатляющую инъекцию патриотизма, если можно так выразиться. После «Зорь» пройти или проехать мимо часто заброшенного памятника погибшим воинам было просто невозможно. Постоишь возле, молчаливо благодаря за нашу отвоеванную ими жизнь, положишь букетик полевых цветов или просто погреешь по-смертный камень живым теплом ладони, и сразу всплывет в памяти лицо Ростоцкого. «Что, трудно? Устали? А им было какво? Про это думать надо — тогда второе дыхание появится. Ноги стерли? Комары закусали? Давайте ради них потерпим. Ради тех, кого и комары заедали, и ноги были в кровь, и жрать было нечего сутками, а все равно — только вперед! Назад пути не было. Согласны? Мотор! Камера! Начали!»

Фильм «А зори здесь тихие» объехал весь мир, и всюду нас встречали

немыслимые аплодисменты. И он выходил на сцену перед этим интернациональным людом с красивой серебряной головой с безупречным пробором, благоухающий, в смокинге и элегантно бабочке, а в глазах всегда стояли слезы. Потому что всякий раз он заново переживал не только то, что на экране, а и то, что за кадром. У него действительно был уникальный талант жить. Он отдавался жизни безоговорочно и так же безоговорочно отдался смерти. В машине, за рулем. Рядом с любимой женщиной — женой Ниной Евгеньевной Меньшиковой. И совсем скоро ТАМ ему было предначертано судьбой встретиться со вторым дорогим и бесконечно любимым существом — сыном Андрюшей Ростоцким...

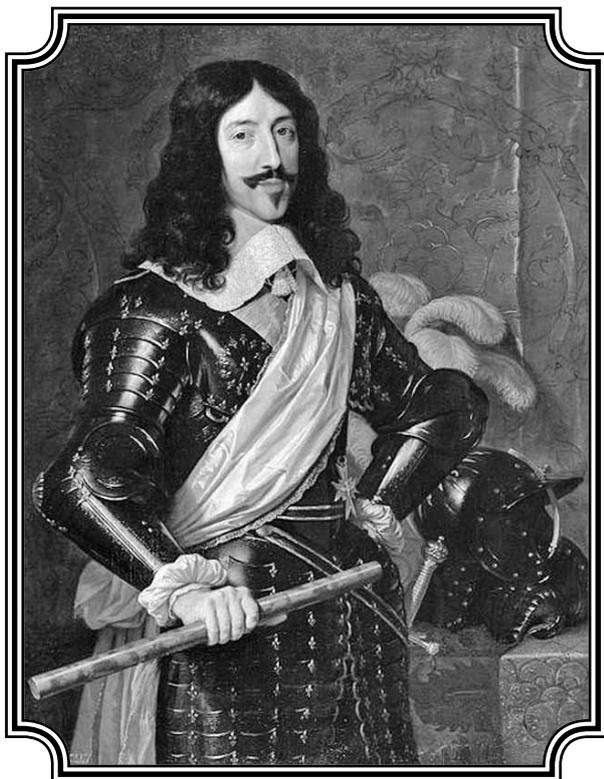
Нина Евгеньевна как-то сказала мне: «Знаешь, Стась каждую ночь ко мне приходит. Я чувствую его. Знаю, что это не сон. Я же нормальная, из ума не выжила».

Конечно, приходит. Кто б сомневался. Такие, как Ростоцкий, никуда не деваются — остаются навсегда.

Чтобы помнили... □

КОРОЛЬ, который не любил править

В бессмертном романе Александра Дюма три мушкетера и Д'Артаньян готовы были отдать жизнь за этого человека, но вряд ли он был их кумиром. Его супруга, Анна Австрийская, относилась к нему, мягко говоря, прохладно. Ну а кардинал? Разумеется, тень великого Ришелье лежала на троне, совершенно заслонив собой фигуру слабого венецианца. Но был ли на самом деле такой уж бесцветной личностью реальный Людовик XIII?

Это был не человек, а настоящий клубок противоречивых качеств. Он не боялся покушений, но страшился темноты, и у его постели всегда кто-нибудь оставался на ночь. Политика мало интересовала монарха, зато можно смело сказать, что на французском престоле никогда еще не было человека с такими уникальными способностями мастера. Он умел обтачивать и шлифовать железные изделия, любое оружие, чеканить монеты, плести корзины, шить одежду, починить карету, подковать коня и еще много чего. Обожал физические упражнения, охоту и показывал чудеса ловкости и выносливости. Это тем более удивительно, что с двадцати трех лет Людовик страдал от туберкулеза и других серьезных заболеваний.

Итак, будущий король Франции появился на свет в Фонтенбло 27 сентября 1601 года. Отцом его был великий Генрих IV. Матерью — флорентийка Мария Медичи. Король уже имел нескольких незаконных детей от любовниц и нежно заботился о них, но рождение наследника престола стало для него ни с чем не сравни-

мой радостью. Он безбожно баловал мальчика. Впрочем, порой проявлял и строгость. Однажды восьмилетний Луи выстрелил из пистолета в придворного вельможу, которого недолюбливал. К счастью, оружие было заряжено лишь порохом. Король в сердцах отшлепал дофина. Мария, ревновавшая мужа к много-

численным пассиям, воскликнула: «Своих бастардов вы так не наказываете!» «Да, но моих бастардов может отколотить любой, а будущего короля Франции только я», — парировал Генрих.

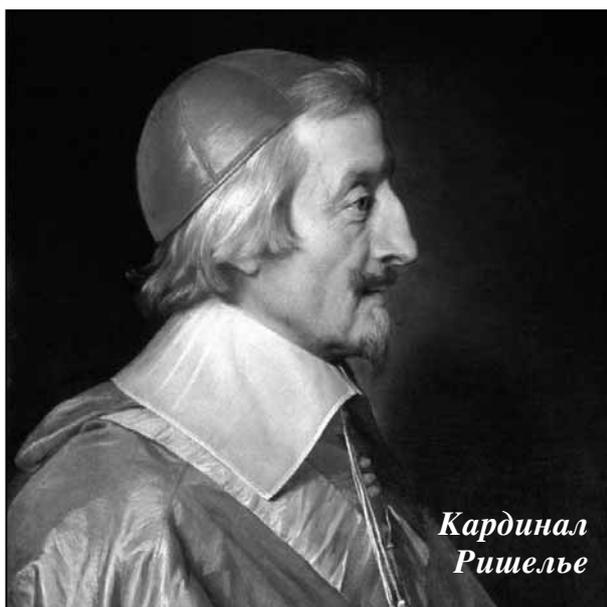
Король-рыцарь, однако, ошибался. Редко бывая дома, он не вдавался в тонкости воспитания сына. По приказу матери гувернантки и гувернеры довольно часто пороли склонного к шалостям Луи. Мария была женщиной вздорной и неумной, с очень неровным характером. Порой она неделями не обращала внимания на сына, а то вдруг принималась навестывать упущенное, наказывая мальчика за любую провинность. Он рос практически лишенным материнской ласки. Любимцем Марии был его младший брат Гастон. Сказать по правде, Луи мало у кого из окружающих вызывал симпатию, а тем более восхищение. Молчальник и тугодум, он, мягко говоря, не очень преуспевал в учении. Его отвращение к латыни, древнегреческому, да и другим предметам носило такой стойкий характер, что, уже будучи взрослым человеком, он почти никогда не брал книг в руки.

Ему исполнилось всего десять лет, когда от руки убийцы погиб его отец. Управлять Францией в качестве регентши стала Мария Медичи. По закону, Луи должен был занять трон по достижении тринадцатилетнего возраста, однако Мария не собиралась уступать власть сыну. Юный король, лишенный власти, мрачно наблюдал, как мать практи-

чески полностью передала бразды правления своему фавориту, итальянцу Кончини, который стал именоваться маршалом Д'Анкром. У Луи тоже появился любимец: дворянин из Прованса Альбер де Люинь, который был почти на 20 лет старше короля. Особым интеллектом он, как и его юный друг, не блистал, зато имел вид бравого, выдавшего виды вояки, а главное, считался одним из лучших в королевстве знатоков охоты с ловчими птицами. Луи и сам вскоре стал отменным мастером в этой благородной забаве. Одновременно в нем крепились честолюбивые устремления, умело поддерживаемые де Люинем: доколе, мол, Францией будет управлять заносчивый временщик Кончини? Луи долго не мог отважиться на решительный шаг. Он понимал, что выступить против Кончини, значит, пойти против матери. Тем не менее, 24 апреля 1617 года по его приказу капитан мушкетеров де Витри с несколькими своими молодцами во дворе Лувра спокойно подошел к Кончини, окруженного большой свитой и подал сигнал, по которому четверо мушкетеров, выйдя из-за его спины, одновременно выстрелили из пистолетов прямо в лицо итальянцу. Тот упал, как подкошенный. Марии Медичи объявили, что она находится под домашним арестом, а затем вообще отправили в ссылку, правда, довольно кратковременную. Вместе с нею поехал ее советник, чье имя вскоре узнает вся Франция — Арман Жан дю Плесси де Ришелье. Ну а Луи стал коро-

лем не только номинально, но и по сути.

К этому времени он почти два года как был женат. В возрасте четырнадцати лет Луи женили на его ровеснице, испанской инфанте, дочери короля Филиппа III Австрийской. На первый взгляд, это был обычный династический брак юных отпрысков двух самых бле-

*Кардинал
Ришелье*

стящих европейских дворов. Некоторое время он находился под впечатлением от обаяния красавицы-жены и устраивал для нее балы, театральные представления, пикники, охоты. Но постепенно интерес к юной супруге угасал. Луи вообще был человеком вялого темперамента и, будучи увлеченным кем-то или чем-то, довольно быстро остывал.

Разумеется, Анна была оскорблена в своих чувствах. Гордая наследница испанских королей, она не собиралась снизойти до тайной любви, а потому всю свою нерастрченную

энергию и страсть отдавала интригам в пользу своих мадридских родственников и в ущерб интересам Франции. Именно здесь она встретила серьезное противодействие кардинала Ришелье, который в 1624 году стал первым министром Франции. И именно этим, а вовсе не мстью отвернутого воздыхателя, были вызваны попытки кардинала скомпрометировать Анну в глазах короля. Так волею судеб Ришелье оказался в центре интриг, связанных с королевской четой.

Первым противником, с которым кардиналу пришлось столкнуться в этой борьбе, стал ... герцог Бэкингем. Здесь же впервые на сцене появляется и небезызвестная читателю ближайшая наперсница Анны Австрийской, герцогиня де Шеврез. В 1625 году к длинной череде ее любовников присоединился поклонник английского короля лорд Холланд. Оба они решили, что любовная связь между Анной Австрийской и первым министром английского короля, лордом Бэкингом, послужит сближению двух стран. Кроме того, герцогиня, ненавидевшая Людовика XIII, считала, что «ветвистые рога» станут для незадачливого монарха чудным украшением.

В мае 1625 года Бэкингем прибыл в Париж для переговоров о браке своего короля и сестры Людовика XIII. Неотразимый кавалер, он в самом деле покорил воображение королевы. Череда галантных встреч распалила герцога, который не привык сдерживать своих чувств.

Кульминации эти отношения достигли в Амьене, куда приехал двор. Герцог увлек Анну в сад и там предпринял решительную атаку, «повалив, — по словам одного из современников, — королеву на землю и расцарапав ее своими расшитыми штанами». Королева стала звать на помощь. Ее камеристка, находившаяся неподалеку, была подкупле-

судя по всему, не уступала в ловкости коварной «миледи» из «Трех мушкетеров». Во время бала она срезала у герцога подвески, чтобы послать их кардиналу. Однако Бэкингом в тот же вечер обнаружил пропажу и, устранившись последствий, приказал немедленно закрыть все гавани Англии и никого не выпускать из страны до особого распоря-

Довольно широко распространено мнение о том, будто кардинал Ришелье постоянно тиранил слабовольного монарха, а тот в глубине души ненавидел своего притеснителя. Это не так. Людовик был достаточно умен, чтобы понимать свою ограниченность и свои недостатки: отсутствие интереса к политике, слабохарактерность, частые перепады настроения, и не мог не видеть — все, что делал Ришелье, укрепляло власть самого короля. В то же время Луи искренне считал себя хозяином Франции, и кардинал вынужден был постоянно ловчить, чтобы король не почувствовал себя ущемленным в правах. Со временем он не только сумел внушить Людовику полное к себе доверие, но стал как бы его вторым «я»

на герцогом и поначалу притворилась глухой, но затем все-таки вынуждена была поспешить на помощь госпоже. Это, разумеется, вызвало скандал. Луи пришел в такую ярость, что герцог вынужден был вернуться в Лондон, увозя, однако, с собой, как залог любви, алмазные подвески, подаренные ему королевой. Кардинал счел нужным нанести ответный удар. Для этого он, по словам уже упоминавшегося мемуариста, воспользовался услугами своего агента — графини Карлайль, бывшей любовницы герцога. Графиня,

женился. По его указанию срочно были изготовлены другие подвески, точно такие же, как похищенные, и он отправил их королеве. Дюма воспользовался свидетельствами современников, расцветив их, разумеется, своей фантазией.

В том же 1626 году Анна оказалась замешанной в первом из многочисленных заговоров, ставивших целью уничтожить Ришелье. Собственно говоря, планы стоявших во главе заговора аристократов были еще шире — они решили свергнуть Людовика и заточить его в монастырь, за-

менив на троне его братом, Гастоном Орлеанским. Гастону предстояло занять место брата и в постели Анны. Ее, кстати, о предполагаемой замене супруга предупредить не сочли нужным. Заговор потерпел неудачу благодаря бдительности и решительности Ришелье. Анне же пришлось давать неприятные объяснения королю. Разумеется, после этого ее любовь к кардиналу сильнее не стала, а вот у короля Ришелье заслужил еще большее доверие.

Здесь как раз уместно будет сказать несколько слов об отношениях, связывающих этих двух столь непохожих людей. Довольно широко распространено мнение о том, будто кардинал постоянно тиранил слабовольного монарха, а тот в глубине души ненавидел своего притеснителя. Это неверно. Людовик был достаточно умен, чтобы понимать свою ограниченность и свои недостатки — отсутствие интереса к политике, слабых характерность, частые перепады в настроении, и не мог не видеть — все, что делал Ришелье, укрепляло власть самого короля. В то же время Луи искренне считал себя хозяином Франции, и кардинал вынужден был постоянно ловчить, чтобы король, не дай бог, не почувствовал себя ущемленным в правах. Со временем Ришелье не только сумел внушить королю абсолютное к себе доверие, но стал как бы частью самого Людовика XIII, его вторым «я». Судьба связала их воедино, и порой смертельная опасность, нависшая над одним, грозила неминуемой гибелью другому.

Осенью 1630 года Людовик опасно заболел. Доктора сомневались в благополучном исходе болезни, и все готовились к самому худшему. Анна Австрийская дала знать Гастону, что готова стать его женой и тем самым узаконить его права на престол. Одновременно она пыталась добиться от умирающего короля согласия на отставку Ришелье, но теряющий последние силы монарх отказался это сделать. Королева также поручила капитану королевских мушкетеров де Тревиллю (знакомое имя, не так ли?) сразу после смерти Людовика арестовать или застрелить кардинала. Но тут случилось чудо — обреченный король вернулся к жизни, и тем самым был спасен и кардинал.

Несмотря на частые недуги, Луи всегда был заядлым охотником. Даже когда болезни обострялись, он не отказывался от любимого развлечения, только в таких случаях ему приходилось преследовать убегающую лисицу или оленя не верхом, а в карете или на носилках. Если неотложные дела удерживали его в стенах Лувра, он охотился со своими собаками на олененка, которого специально выпускали для этого бегать по аллеям Тюильри. Однажды во время такой забавы Луи случайно угодил зарядом свинца в пышную прическу Анны Австрийской, прогуливавшейся по аллеям со своими дамами. Разразился грандиозный скандал.

Как ни странно, недуги не лишали Луи и другой радости жизни — он был большим чревоугодником и гурманом. Обожал тяжелую и сыт-

ную снедь — паштеты, крупную дичь (мясо и жир оленя, кабана, козули), просто мясо и птицу, трюфеля в масле. Все это он запивал превосходным кларетом. Кстати, Луи и сам слыл искусным поваром. Его омлеты, жаркие и выпечка отличались бесподобным вкусом.

Однако кулинария была отнюдь не единственным его талантом. Слесарь, плотник, оружейник, садовник, портной (он с наслаждением обшивал своих обезьянок) — во всех этих ремеслах он достиг высокого мастерства. Кроме того, владел бритвой не хуже профессиональных цирюльников и брил не только себя, но порой и своих офицеров. Король — ремесленник уживался в Луи с королем-художником. Довольно одаренный музыкант, он не только недурно играл на лютне, но и сам сочинял музыку. А еще, будучи большим поклонником балета, сам ставил спектакли. В частности, знаменитый «Мерлезонский балет». Помните фильм «Три мушкетера»? Именно

*Супруга —
Анна Австрийская*

этот балет шел во дворце, когда туда из Англии с подвесками королевы вернулся Д'Артаньян.

Впрочем, со временем все чаще впадавший в депрессию король, казалось, потерял интерес к красочным сценическим действиям и развлечениям. Однако с начала 1635 года Двор как будто вновь вернулся к тем кратким счастливым временам, когда влюбленный король делал все, чтобы угодить юной Анне Австрийской. Правда, на этот раз «виновницей» духовного возрождения монарха была вовсе не королева. Король не на шутку увлекся двумя ее фрейлинами — мадемуазель де Отфор и мадемуазель де Лафайет. Сначала короля пленила озорная и живая де Отфор. Луи сочинил для нее балет, и даже сам вышел на подмостки. Он вывозил девушку на прогулки и пышные охоты. Там, где они останавливались, их ждал роскошный стол. Ухаживая за своей фавориткой, монарх подавал все блюда

сам и усаживался за трапезу последним. Это увлечение короля-меланхолика носило чисто платонический характер, и придворные втайне от монарха подтрунивали над ним.

Вскоре сердце короля покорила скромная добродетельная мадемуазель Луиза де Лафайет. Это увлечение, однако, весьма встревожило Ришелье. Он считал, что девушка слишком много беседует с королем о политике, высказывая взгляды, которые казались кардиналу вредны-

*Луиза
де Лафайет*

ми. Он не знал, что предпринять. Но тут Людовик сам совершил грубую ошибку. Быть может, впервые в жизни распаленный страстью к женщине, он довольно неуклюже предложил Луизе стать его любовницей. Богобоязненная девушка пришла в ужас. Позорному, по ее мнению, положению наложницы она предпочла уход от мира: весной 1637 года Луиза де Лафайет нашла приют в одном из монастырей в предместье Парижа. Король продолжал навещать ее

там, правда, беседовали через за решеченное окошко. Обменивались они и письмами. Эти письма, по приказу кардинала, доставлялись ему, и он с целью рассорить их, нередко вносил в них собственные фразы. Его усилия не пропали даром: постепенно переписка сошла на «нет». Утверждают, что в последних письмах молодая монахиня умоляла короля вернуться к супруге. Ее ли увещевания подействовали, или что-то другое, но вскоре весь Лувр сдержанно гудел: король после долгого перерыва провел ночь в опочивальне Анны Австрийской. Правда, утверждали, что произошло это случайно. Тем декабрьским вечером 1637 года король, возвращаясь из Версаля, проезжал через Париж в свой загородный замок, но разразившаяся буря помешала ему продолжать путь. Как бы то ни было, через шесть недель Франция была оповещена о беременности королевы...

Дофин, будущий король Людовик XIV, появился на свет 5 сентября 1638 года. Рождение сына, однако, не улучшило отношений между супругами. Более того, появилась новая причина для распрей. Людовик любил сына, но достаточно редко навещал его. Принц рос в обществе матери и ее фрейлин. При виде отца, которого он, естественно, воспринимал как чужого человека, малыш поднимал неистовый крик. Людовик обвинял жену в том, что она «настраивает» двухлетнего сына против него. Даже подумывал о том, чтобы от-

править Анну в монастырь. Но на защиту королевы от этих нелепых обвинений встал не кто иной, как сам... Ришелье. Сделал он это отнюдь не из любви к Анне Австрийской. Просто опасался, что в случае насильственного пострижения королевы в монахини и смерти Людовика XIII (а здоровье короля было очень неважным) к власти мог придти его брат — Гастон Орлеанский, а это означало гибель всего, что сделал Ришелье для Франции. Таким образом, Анна осталась на троне.

Но кардинал продолжал плести свои дворцовые интриги. Зная, что Людовику импонировало общество молодых красавцев, он старался окружить короля своими соглядатаями, чтобы быть в курсе мыслей и поступков Луи. Но и великие люди порой не могут предвидеть всех последствий своих действий. В 1638 году кардинал приблизил к королю восемнадцатилетнего офицера, маркиза де Сен-Мара, но, увы, просчитался — Сен-Мар начал действовать не в пользу кардинала, завязав тайные связи с его недругами. Он пытался получить у короля согласие на физическое устранение кардинала, а когда король отказался это сделать, решил действовать на свой страх и риск. Заговор был раскрыт, Сен-Мар осужден и обезглавлен. Людовик и пальцем не пошевелил, чтобы спасти своего любимца... Что ж, судьба, должно быть, и впрямь связала двух этих людей нерасторжимыми узами до самого их конца. Ришелье скончался в декабре 1642 года, Лю-

довик XIII пережил его всего на пять месяцев.

Незадолго до его смерти состоялась церемония официального крещения дофина. «Как вас теперь зо-

вут?» — спросил Луи сына, когда того подвели к его ложу. «Людовик XIV», — бойко ответил пятилетний малыш. «Пока еще нет, но это скоро произойдет...» — слабо улыбнулся умирающий Людовик XIII.

Распятие, которое он всегда носил на груди, король просил передать скромной монастырской послушнице, матери Анжелике — так теперь называли ушедшую от мира Луизу де Лафайет... □

СМЕРТЬ

за добрые дела

Ромео на сцене нежно обнял Джульетту, она доверчиво склонила на его плечо голову, и полный зал искусственных балетоманов в очередной раз поверил: эти двое проживут вместе долго и счастливо.

Ангелина сделала глоток шампанского. Так странно — пить, когда перед тобой танцуют звезды первой величины. Но в ложе администрации все позволено. Закуски — канапе с красной икрой — тоже имелись. Впрочем, жевать, когда сидишь совсем рядом со сценой, Ангелина считала неприличным.

Джульетта совершила головокружительный прыжок и упала в объятия Ромео. Зрители зааплодировали. Дирижер опустил палочку: дал балерине возможность присесть в благодарном реверансе. Она улыбалась, бросая взгляд на их ложу. Феликс поймал этот ищущий взгляд, сделал несколько показательных хлопков — и лицо красавицы осветилось счастьем.

— Тоже из твоей свиты? — шепнула Ангелина.

— Просто ценит мое скромное мнение. А нравятся нашей Джульетте исключительно богатые «папики».

Журнальный вариант.

Надо же! Когда Ангелина смотрела на сцену, она была уверена, что у примы и в жизни роман с тем парнем, кто танцует Ромео, — уж очень страстно они танцевали. Но этих балетных не поймешь. Про ее спутника тоже разное болтали, вплоть до нетрадиционной ориентации. Лишь когда стали встречаться, Ангелина поняла: злопыхатели врут. Феликс — настоящий мужчина. Сильный. Самобытный. Яркий. Ничего подобного в ее коллекции прежде не было.

И весьма льстит, что именно от нее сей великолепный экземпляр потерял голову. Хотя чему удивляться? Видимо, в ней он почувствовал по-настоящему свободную женщину. Ангелина чуть ни единственная в столице, кому замуж вообще не надо. И это не притворство, а осознанная позиция: зачем ей в своем доме постоянный кобель, когда и так есть и мужчины, и деньги, и карьера?

Ромео на сцене упал к ногам Джульетты, и зал пришел в восторг.

Никто не обращал внимания на белокурую зрительницу во втором ряду первого яруса. Девушка, как и многие другие, устала бинocularы на правую кулису, рядом с которой Ромео вскинул Джульетту в великолепной поддержке. Только на самом деле смотрела она не туда. Блондинка разглядывала, что происходит в директорской ложе. И по лицу ее текли слезы...

Зевс дочитал очередное благодарственное письмо, которое заканчивалось словами: «Вы просто бог!» Теплые слова слышать всегда приятно. Но последняя фраза покорила.

Он отошел от компьютера и с отвращением взглянул в зеркало. Не все боги красивы, но их объединяет одно: они всегда ставят дело над личным.

Он прежде тоже посвящал жизнь исключительно служению. Не пережить, кого спас, скольким подарил несколько лишних лет или хотя бы позволил умереть счастливыми.

За единственную ошибку молодости, считал, расплатился сполна. Кто мог подумать, что возмездие все-таки его настигнет? А добрые дела — сколько бы ты их не творил — теряют всю свою ценность, если ты хоть раз совершаешь зло.

«Остановись! Опомнись!» — убеждал он себя. Но в памяти тут же всплывало лицо искусительницы, и он понимал, что не может противиться року...

Дмитрий Полуянов пришел в журналистику в то время, когда любимая профессия была восхитительно свободной. Авторитетов не признавал, посягал на самые высокие сферы. Его расследования гремели на всю страну.

Когда начали закручивать гайки, долго надеялся: временно. Но в итоге оказался, как и все, перед выбором: или четко следовать генеральной линии, или уходить из профессии. Многие его коллеги считали, что в данной ситуации есть три выхода: выразить гражданскую позицию в соцсетях. Спиться. Или уехать.

Ни один из вариантов Диме не подходил. И все же он придумал, как не бросать любимую профессию. Политики, экономики, прочих злободневных тем не касался принципиально, но каждый день выходил к читателям с рубрикой «Несерьезные новости». Поклонники его колонку обожали. А у него появился свой собственный маленький мирок, собственное тихое счастье.

В прежние вольные времена Надюшка, подруга сердечная, немного пресноватой казалась, зато сейчас Дима начал ценить ее преданность. Предсказуемость. Надежность.

Однако в последнее время стал замечать: что-то темнит его девочка. То врет, что в спортивном клубе (хотя явно там не была). Или с работы отпрашивается, а ему не рассказывает, куда ходила. На телефон вдруг пароль поставила — оправдалась, что за мобильный банк боится. Однако Полуянов считал неправильным копать под гражданскую супругу, поэтому терпеливо ждал. Тем более что по каким-то витающим в воздухе признакам ему казалось, что и сама Надюшка тяготится своей тайной. Значит, сама скоро проболтается. Причем очень скоро.

Факт, что в историко-архивной библиотеке имеется привидение, признавали все, даже директор. Как иначе, если старинный особняк, и в нем древние рукописи — самая ранняя аж одиннадцатого века?

Лично Надя духа-охранителя ни разу не видела. Но другим являлся, причем в разном облики. Седобородым старцем, бледным юношей или вообще котом с пронзительным взглядом. Так что вечером, когда читатели расходились, Митрофанова всегда была немного настороже. Нрав у привидения, говорили, непредсказуемый. Мог в плечо толкнуть, телефон из рук выбить.

В восемь тридцать Надя заперла зал и двинулась к выходу. Но когда ступила на мраморную парадную лестницу, вдруг откуда-то сверху холодом повеяло. Очень странно. Как раз сегодня радовались с девчонками, что наконец-то древние деревянные окна поменяли на стеклопакеты, ни откуда не дует. Форточка, что ли, где-то распахнута? Но охранники в восемь обход делают, должны были проверить.

А холодом тянуло конкретно. Да еще какие-то странные звуки добавились — то ли всхлип, то ли стон. Надя осторожно поднялась по лестнице на третий этаж, откуда, как ей показалось, шли эти странные звуки. С каждым

шагом становилось все холоднее, и всхлипы все отчетливее. Она сделала глубокий вдох и решительно двинулась вперед.

Боже мой! Огромное окно в холле между читальными залами было распахнуто настежь. А на подоконнике — к ней спиной, ногами наружу — сидела женщина. В одной кофточке, хотя на дворе холодина: бабьего лета в этом году не получилось. Высота — метров пятнадцать минимум.

— Эй! — крикнула Надя. — Ты что там делаешь?

Девушка вздрогнула, резко обернулась и закричала:

— Не подходи ко мне!

Сумрак и дождь размыли очертания, но Митрофанова ее узнала. Юлия. Постоянная посетительница зала всемирной истории и почти что приятельница. Но как она оказалась здесь? Вроде бы спускалась вниз вместе с другими читателями, когда зал закрывался, Надя сама видела.

...В чередѣ ветреных аспиранток и полусумасшедших ученых Юлия Ласточкина резко выделялась. Читатели в научном зале часто выглядят странно: у молодых ученых дам синие волосы, пирсинг, у пожилых джентльменов толстовские бороды в крошках. Юля в их ряду выглядела «белой вороной»: юбка, каблук в пять сантиметров, волосы всегда аккуратно собраны. А под скромными одежками — безупречных пропорций фигура. Плюс лицо фарфоровое, черты точеные, волосы золотистые, губы соблазнительно пухлые. Студенты застывали соляными столпами, а пожилые гении посвящали ей стихи. Юля принимала поклонение с достоинством и милой улыбкой, но даже до минимального кокетства не снисходила. «Извините, я сегодня занята», — и весь разговор. Особо настойчивым и наглым объявляла прямо: «Вы мне не интересны».

Надя девушку, несчастливую в личной жизни, жалела почти по-матерински. Тем более что и Юлечка к ней тянулась. Если никого у стойки, всегда болтали. Чай вместе пили несколько раз.

Начальница зала всемирной истории любила иногда пообсуждать с Надей посетителей. Однажды даже заключили на Юлю пари. Умудренная жизнью руководительница утверждала, что останется бедняга в старых девах, несмотря на всю свою внешнюю привлекательность.

— Мужу дьявольщина нужна, огонь адский в глазах. А она безжизненная какая-то.

Надя же считала, что это вопрос времени. Просто не встретила еще мисс Совершенство своего принца.

И в итоге оказалась права.

Пару месяцев назад в зал всемирной истории явился мужественный красавец лет тридцати. Царственная посадка головы и выворотные стопы

выдавали балеруна. Он сразу всех обаял. Смущенной его великолепием Наде объявил, что академия балета (где он помощник ректора) восстанавливает к выпускному вечеру балет на музыку Сергея Прокофьева «Классическая симфония», и ему нужна информация по последней постановке Юрия Посохова для театра в Сан-Франциско. Не совсем их профиль, но все, что имелось в Ленинке, великолепный мужчина по имени Феликс уже изучил.

Юлия подошла к библиотечной стойке ровно в тот момент, когда помощник ректора с истинно театральной экспрессией уверял Надю, что теперь именно в ее руках будущее российского балета.

— Прошу вас, подберите все, что возможно, по моей теме! Сколько можно терзать публику бесконечным гран-па из «Пахиты», когда... — Он вдруг оборвал речь на полуслове и, уставившись на Юлию, замер.

— Вы ведь Феликс Шарыпов? — мило улыбнулась девушка. — Я видела вас в «Корсаре».

— А вы, вероятно, Одиллия, — парировал красавец. — Только откуда? Из Ковент-Гардена? Метрополитен-опера?

В воздухе сразу заискрило. Всегда спокойное, фарфорово-бледное лицо Юлии покрылось румянцем. Феликс уверенно взял ее ладонь и прижал к губам. Она противиться даже не попыталась, но при этом своего телефона не дала.

Феликса отказ только раззадорил. Мгновенно забыв про «Классическую симфонию», он умчался, а через час явился снова — с охапкой лилий.

Вручил букет и предложил:

— По бокалу шампанского?

— Спасибо. Я не пью.

— Тогда кофе? Здесь рядом есть очень милое заведение.

— Нет-нет. Не сегодня.

Надя сочла своим долгом вмешаться:

— «Не сегодня» — это для Юлии огромный прогресс. Обычно она просто всех посылает.

— Тогда я обнадежен, — широко улыбнулся Феликс.

Теперь помощник ректора ежедневно являлся в историко-архивную. Приносил цветы, пирожные (обычно они доставались Наде). Строгие краски Юлиного лица с каждым днем становились ярче. Дикарка училась кокетничать и слать манящие улыбки. Великолепный Феликс больше не пытался обаять весь мир и сосредоточился исключительно на своей богине.

Даже известная вздорным нравом начальница зала признавала:

— Обычно чужому счастью завидуешь, а на них смотришь, и душа радуется.

Феликс не смог вовлечь Юлию в любимый им вихрь светской жизни. Иногда удавалось уговорить на кофейню или поход в театр. В основном сидели рядышком в читальном зале. Она делала вид, что вся в своих книгах, но украдкой поглядывала на него. А он откровенно глаз с нее не сводил.

Митрофанова опасалась, что вертопрах (как называла его начальница) со временем получит свое и бросит бедняжку. Явно и молодые балеринки, и зрелые гранд-дамы в очереди к нему стоят. А покорить неприступную Юлю — это что-то новенькое. Добавит в коллекцию и убежит новых приключений искать. Или все-таки тут любовь?

Когда Юлия, наконец, уступила, Митрофанова поняла сразу. По довольной, сытой улыбке балеруна. По ее теперь постоянно взволнованному лицу. Юля потеряла единственный, как она считала, рычаг влияния и теперь боялась. Откровенно боялась. Как можно изучать психологию и настолько не уметь строить собственную личную жизнь?

— Цену себе набивай. С другими кокетничай. Держи его в тонусе! — советовала Надя, но Юлия только глазами хлопала:

— Мне никто, кроме него, не нужен. А притворяться я не могу.

Идиллия продолжалась. Феликс давно закончил свои научные изыскания, но в историко-архивную библиотеку продолжал наведываться. Иногда просто Юлию у входа встречал, но часто поднимался в зал. Садился рядом, вроде как просматривал театральные журналы, а сам то и дело поглядывал на мисс Совершенство.

Но последние несколько дней блестящий повеса в окрестностях историко-архивной не появлялся. А сегодня несчастная Юлия в одной легкой кофте рыдает на подоконнике и явно готова спрыгнуть в промозглую осеннюю черноту.

— Юлька, — тихо велела Надя. — А ну, быстро обратно!

Та и не подумала, даже головы не повернула.

Митрофанова подошла поближе и хрипло ляпнула:

— Отойди, я сказала! Если грохнешься, меня уволят. По-свински себя ведешь. Зачем других-то подставлять? Хочешь сдохнуть — иди домой, там и прыгай!

Юлия повернула к ней зареванное лицо и простонала:

— На-адя! Феликс меня бросил!

— Так и сказал, что уходит?

— Нет! Просто исчез — и все!

— Так, может, что-то с ним случилось?

— Говорю тебе, бросил! Я знаю, я его видела с другой!

— Где?

— В театре, в ложе администрации. Они рядом сидели.

— И только-то?

— Да там все понятно! Он ее лапал, а она и рада! Променил меня на эту фальшивую куклу!

— А как ты вообще узнала, что он в театре?

— Я их отследила. У подъезда его стояла... с самого утра. А в пять вечера они оттуда уже вдвоем вышли. Значит, эта тварь у него всю ночь провела!

— И что дальше?

— Они сели в машину. А я такси поймала. Ехала следом — до самого театра. Они через служебный вход вошли, а я билет с рук купила. Ну и увидела, как обнимаются — в ложе, у всех на глазах. Мне больше нет смысла жить!

— Господи, какая же ты дура!

— Она красивая, богатая, раскованная! Я в сравнении с ней полный ноль!

— Никого красивее тебя в Москве нет, — твердо произнесла Надя и попросила: — Влезь, пожалуйста, обратно. Я не могу разговаривать, когда ты ко мне спиной.

— Да не о чем говорить, — безнадежно отозвалась Юлия. — И жить мне незачем.

— Я могу тебе помочь.

— Как?

— Могу. Слезь с подоконника и выслушай.

Юлия молчала и не двигалась с места.

Не выдержав, Надя рявкнула:

— Слезь, я сказала! Полчаса ничего не решат. Поговорим, а потом вали отсюда и делай, что хочешь. Хоть прыгай, хоть яд пей. Яд, кстати, эффективнее. А если с высоты — хоронить в закрытом гробу будут.

Слова Юлю задели — она сразу вцепилась руками в подоконник, а потом — о, счастье! — медленно обернулась, спрыгнула на пол, опустилась на паркет и, закрыв лицо руками, прошептала:

— Надь... да все равно бесполезно. Ты знаешь, кто она? Это Ангелина Асташина. Как мне с ней тягаться?

Ого! У Феликса губа не дура. Митрофанова светской хроникой не интересовалась, но про Асташину слышала. Одна из самых богатых женщин Москвы (покойный муж оставил огромное состояние). Яркая телеведущая — ведет популярное шоу «Три шага до миллиона». Тусовщица. Ну и красotka, конечно. Надя представила рядом ее и Феликса. Наверняка смотрятся гармонично. Да и балеруны — известные халявщики. Дама-спонсор — очень по-театральному.

Но как жалко Юлю — и ее красивую сказку!

— Юлечка, — попросила Надя, — ты можешь потерпеть? Хотя бы неделю? Я попробую вернуть его.

— Да что ты можешь? Ты ведь всего лишь библиотекарь.

— Пока не знаю. Но возможности есть, поверь. У человека много граней, и не обо всех принято кричать на каждом углу.

— Да кто ты такая?

— Я тебя прошу просто подождать. Готового рецепта пока нет. Но за любовь надо бороться. А ты, я гляжу, только на глупости способна. Значит, придется мне.

Юлины глаза округлились:

— Ты же... ее не убьешь?:

— Нет, конечно, — улыбнулась Надя. — Но я попробую сделать так, чтобы Феликс вернулся к тебе.

Никогда она еще не обращалась в «Кайрос» с личной просьбой, но ради Юльки можно. Когда просишь не для себя, устав разрешает. Надо только придумать формулировку.

Постят котиков и рыдают над жалостливыми историями про животных одни меланхоличные дурочки, поэтому Марьяна своих питомцев в социальных сетях никогда не выкладывала. И никому не рассказывала, что Куксик с ней на одной подушке спит. А к своему второму коту, Ричи, она посреди ночи встает. Тот нежностей не любил, мерз в одиночестве на лежанке, и Марьяна, когда в квартире холодно, укрывала его старой кофтой.

Мужья у нее были (и тоже двое). Оба неудачные и, по счастью, уже в прошлом. Марьяна теперь была твердо убеждена: сосуществовать с усами-полосатыми куда комфортнее. Коты вообще делают человека мудрее и добрее.

Жила Марьяна, если не считать питомцев, одна. Имелся мужчина, который нравился, но к себе приближать боялась. Тем более, он формально считался ее начальником.

В возрасте наглых подростковых мечтаний девушка была уверена: она станет владелицей сети отелей. Но жизнь постепенно заставляла снижать планку. Марьяна окончила факультет гостиничного бизнеса. Работала, для опыта, и горничной, и на ресепшн. Потом менеджером в хостеле, управляющей в «трешке», директором в семейном отеле, и пик карьеры — дом отдыха. Поначалу все шло шикарно. А когда началась пандемия, туристов стало ноль, а надо за коммуналку платить, зарплату выдавать, да еще и ремонт она затеяла. Разумеется, детище прогорело. Но в крахе бизнеса обвинили не коронавирус, а молодую управляющую Марьяну.

С тех пор амбиций поубавилось еще радикальнее.

Нынешнюю должность — если бы кто узнал — назвали бы, как минимум, неэтичной. Но Марьяна о морали старалась думать с точки зрения бизнеса. Раз клиенты есть — значит, востребовано. И лично она зла никому не причиняет. Но все равно работы своей стыдилась. И чтобы задобрить «высшие силы», решила, для равновесия, совершать добрые дела и вступила в сообщество волонтеров-автомобилистов.

Но с благотворительным поприщем не задалось. Когда рядом старики, инвалиды, детки больные — Марьяна испытывала странную неловкость. О чем с ними говорить? Как общаться? Получалось то слишком жизнерадостно, то с неуместным сочувствием.

В итоге Марьяна из сообщества помощников с автомобилями вышла и принялась себя точить за никчемность и слабоволие. Но однажды пила кофе со знакомым волонтером, и тот рассказал ей про «Кайрос».

— Вот где круто! Снимаю шляпу перед тем, кто придумал.

Марьяна заинтересовалась. Заглянула на сайт. Ничего себе! Обычные люди — не инвалиды и не больные, а такие, как она, только в реально сложных ситуациях. Многие — на пороге отчаяния или даже самоубийства. И в ее руках, красиво говоря, судьба человеческая. Это вам не просто болеющего перевезти из точки А в точку Б.

Записалась на собеседование. Получила статус новичка. И начала выбирать, чья история зацепит, и кому она реально сможет помочь.

Первым ее делом оказалась девятиклассница по имени Ленка. «Уже два раза завалила литературу. Не получится сдать в третий, покончу с собой», — обещала на сайте «Кайроса» девушка. Желающих броситься на помощь особо не находилось, но Марьяна вспомнила, как сама в старших классах рыдала над химией, а мама обидно хохотала: «Ты просто глупая».

Спасти доведенную до отчаяния девочку оказалось не слишком сложно. Встретились, поговорили — про жизнь, про «Капитанскую дочку». Марьяна школьную программу помнила неплохо, плюс умела рассказывать кратко, поэтому и на конфликт, и на противостояние добра-зла одного вечера хватило. Сразу подсунула Ленке соответствующий раздел ОГЭ, и та за Гринева с Пугачевым выбила максимальный балл. Спросила робко:

— Значит, я не такая уж идиотка?

— Училка у тебя идиотка, — заверила Марьяна.

И понеслось: каждый вечер общались лично, онлайн; подопечная старалась изо всех сил, а на осенней пересдаче взбаламутила весь райотдел образования. Сроду еще не случалось, чтобы после двух двоек кто-то с третьей попытки на «пятерку» сдавал.

А Марьяне от первого ее дела вышел приятный бонус. Школьница оказалась сумасшедшей кошатницей. Теперь, когда в отпуск, никаких проблем, с кем Кукса и Ричи оставить. И вообще подружились. Кодекс «Кайроса» настрого запрещал брать за добрые дела деньги, но дружить с теми, кого выручил из беды, вроде бы позволялось.

Она погладила Кукса, который продолжал дрыхнуть на ее подушке, и открыла страничку. Ух, ты! Сама Надя М. (статус — мастер) что-то просит: «Друзья! Очень нужен подход к телеведущей Ангелине Асташиной».

Марьяна перешла в личные сообщения и отпечатала: «Привет! Подход есть. Что конкретно нужно?»

Но вместо просьбы пришло неожиданное: «Ангелина — хороший человек?»

Злословить и давать оценки Марьяна давно остерегалась, но тут, среди своих, можно. Поэтому без особых раздумий ответила правду: «Нет. Она злобная, подлая, беспринципная сука».

И ответ последовал мгновенно: «Это прекрасно!!!»

Полуянов

Сегодня после работы Надя явилась с огромным букетом. Дизайнерский изыск из белых тюльпанов, гербер, роз и какой-то осоки

Дима цены на цветы знал и сразу понял, что тянет тысяч на десять.

— Откуда дровишки? — небрежно поинтересовался он.

Митрофанова улыбнулась:

— Тут есть карточка, посмотри сам, — улыбнулась Надя.

Дима с выражением зачитал: «Надя, спасибо вам! Вы спасли моего сына».

— Ничего себе! В каком это смысле спасла?

— Мальчик мог умереть, если бы не я. По крайней мере, мама его так считает.

— Подожди. Я включу диктофон.

— Зачем?

— Интервью у тебя возьму. Для моей рубрики.

— Нет, нет, даже не вздумай! Нам лишнее внимание не нужно.

— Нам? Это кому?

— Дим... ты что-нибудь слышал про «Кайрос»?

— Да. Это младший сын Зевса.

— А еще — бог счастливого мгновения. Так вот, я работаю на него.

— Надька! Да куда ты впуталась? В масоны, что ли?

— Ох, Димочка. Ты ведь сам в нынешних временах тоже не знаешь, куда деться. Ну и я, как все. Лицо вроде держу, но давно искала, куда спря-

таться. Вот и нашла. Почти полгода назад. А ты даже не замечал ничего. Я все ждала, когда сам спросишь.

— А я ждал, пока ты расскажешь.

— Посмотри для начала наш сайт — «Кайрос». Помощь обычным людям, попавшим в беду. Безвозмездная.

Идея показалась Диме интересной.

— И как я могу помочь?

— Как придумаешь. Любые варианты, только без криминала. Но доступ к контактам получишь после того, как шеф твою кандидатуру одобрит.

Дима без колебаний согласился вступить в «секретную структуру». Под псевдонимом оказалось нельзя. Для регистрации требовалось сделать свою фотографию с паспортом в руках.

— Ну и плюс моя рекомендация, — важно сказала Надя.

Проверка, похоже, действительно имела место: пароль для доступа к координатам просителей ему прислали лишь на следующий день.

— Ты пока на начальном уровне, — объяснила Митрофанова. — Можешь выбирать только из обычных заказчиков. Это те, кто пишут на сайт свои просьбы. Но имей в виду: среди них много халявщиков, а есть и просто мошенники. Так что, прежде чем браться, как следует проверь.

— А ты на каком уровне?

— Я — мастер.

— И чем мы отличаемся?

— Не имею право разглашать. Работайте, товарищ Полуянов. Три положительных отзыва — и у вас появится шанс повысить свой статус.

«Кайрос», на взгляд Димы, звучало слишком напыщенно. Для себя он окрестил сообщество «тимуровцами». Но мысль, что может спасти чью-то жизнь или просто сделать человека счастливым, приятно грела.

— Выбирай историю, которая реально зацепит, — посоветовала Надя.

Полуянов открыл список просьб.

Мне 26 лет, в разводе. В этом году ребенок идет в первый класс. Недавно я узнала, что снова беременна. Мой молодой человек сначала был рад, но в итоге стал уговаривать меня на аборт. А когда я отказалась, он нас бросил. В голову лезут ужасные мысли о суициде, я понимаю, что это неправильно и что не выход, но ничего поделать с собой не могу. Как мне жить одной с двумя детьми вообще без всякой помощи?

Дима пролистнул. Новая история.

Влюбилась по самые уши! Я не ожидала встретить на своем пути такого человека. Именно о нем я мечтала едва ли не с детства. Начались долгие бессонные ночи, задушевные разговоры, выяснилось, что совпадают вкусы, интересы, мы как будто были знакомы всю жизнь и читали мысли друг

друга. Но как только я намекаю, что готова к серьезным отношениям, он сразу переводит разговор на другое или говорит, что нужно наслаждаться моментом, и чтобы я не грузила его всякой скучнятиной насчет семьи. Как мне заставить его жениться? Я уже на пороге отчаяния!

Здесь тоже ничем помочь он не сможет. А вот следующий запрос заинтересовал. Жизнь спасти не просили. Но качество бытия девушке можно реально повысить, к тому же у клиентки грядет день рождения. Сразу и схема сложилась, как все разыграть можно.

— Надюшка! — крикнул он. — Выделишь мне из бюджета тысяч пять на дорогой массажный салон? Это для «Кайроса» твоего.

— Ты в своем репертуаре, гедонист Полуянов, — усмехнулась она.

Первое дело Димы

...Этот крик о помощи сразу его зацепил. И не только его. Письмо — в самом верху, значит, многие обращают внимание. Полуянов пару лет назад писал о проблеме домашнего насилия, и эта тема реально его задевала, особенно когда руку смели поднимать на ребенка.

Читатели сайта тоже проявляли единодушие — наперебой советовали герою: «Иди в опеку! Вызывай полицию!»

Но мальчик за подсказки не благодарил, и Дима прекрасно понимал, почему.

Отец меня бьет. Он занимался рукопашным боем и сидел, так что бить умеет. Я сам, конечно, виноват. Я плохо учусь. Меня раздражает, что предки как сумасшедшие носятся с младшим братом, ему все покупают дорогих брендов, а мне б/у или паль. Я троллю брата, и отца это тоже бесит. Карманные деньги мне вообще не дают. И еще я очень люблю хоккей, а это дорогой спорт, если ты не в сборной. Отец оплачивает все мои тренировки. И если я пожалуюсь, он отправит меня в интернат, где не будет никакого хоккея, поэтому я должен терпеть, потому что хочу стать спортсменом и зарабатывать сам таким образом. Я больше ничего все равно не умею. Ни в какой институт даже платно не поступлю. Но я очень устал постоянно бояться. Как убедить отца, чтобы он меня больше не трогал?

Дима сразу понял: тривиальный путь — обращаться в социальные службы — здесь не подходит. Ведь когда домой является комиссия, смотрят первым делом на условия: имеется ли еда, есть ли у ребенка место, где уроки делать. С этим у парня явно все в порядке. Жаловаться на отца мальчик тоже не станет. Синяки спишет на хоккей: спорт травматичный. И уйдут помогатели ни с чем. А сразу, как дверь за ними закроется, сыну еще больше влетит.

Но Саше (так звали автора крика о помощи) Полуянов все-таки написал.

Надя

На следующий день Юля в библиотеке не появилась, и Надя сразу начала волноваться. До обеда пыталась себя убедить: да мало ли, почему не пришла? Но воображение постоянно рисовало страшные картины. Юля у распахнутого окна на подоконнике, в теплой ванне с бритвой в руке или высыпает в ладонь горсть таблеток.

К обеду нервы не выдержали. Посмотрела в читательской карточке телефон, вышла из зала в коридор, набрала номер. Пять длинных гудков, семь, десять. Сердце упало. Нельзя было ее вчера отпустить. Уговорами, силой привести к себе, оставить ночевать — Димка бы понял.

Автоответчик не включался. Двенадцать безнадежно долгих гудков. Шестнадцать. Двадцать.

Но на двадцать пятом гудке девушка неожиданно ответила. Голос тусклый, безжизненный:

— Але?

— Юлечка, это Надя.

— Зачем ты звонишь?

— Хотела узнать, как дела.

— Дела очень плохо. Феликс мне не звонит. И номер мой заблокировал. Фоном слышалось завыванье ветра, вороны надсадно каркали.

— Юль, а ты где?

— Я гуляю.

— Где конкретно?

— Н-не знаю. Парк какой-то.

— Ты придешь сегодня в библиотеку?

— Нет. Зачем?

— Я хотела чаю с тобой выпить!

— Надя... — голос задрожал. — Мне не нужен чай. И вообще ничего не нужно. Как ты не понимаешь?!

— То есть ты сдалась.

— А что я могу сделать? Феликс был всем для меня. Без него ни в чем смысла нет.

Говорить ей, что время лечит? Всех когда-то бросали, и она еще встретит новую любовь? Только посмеется горько.

— Юля, — твердо сказала Митрофанова, — дай мне неделю. Я попробую вернуть его тебе.

— Он ведь не вещь. Как ты его заставишь? — усмехнулась Юля.

— А ты подожди. Все бывает. Но у меня есть условие.

— Какое?

— Приезжай в библиотеку.

— Господи, да не хочу я! Тут люди, а я никого видеть не могу, как ты не понимаешь?!

— Тогда я к тебе приеду сама.

— Когда?

— Ну, скажем, завтра. После работы.

— Надя, ты прости, но я не понимаю. Зачем? Мы с тобой не подруги, и утешать меня тоже не надо.

— Зато у тебя занятие будет. Порядок навести, печенек к чаю купить. Лучше, чем рыдать. Все, до завтра!

Надя вернулась в зал, вывела из спящего режима компьютер. По правилам, исполнителей теревить нельзя, но Митрофанова решила нарушить устав. Написала Марьяне: «Прости, пожалуйста, что дергаю, но девушка в ужасном состоянии. Боюсь, что-то сотворит с собой. Когда можно ждать новостей?»

Ответ пришел почти мгновенно: «Я все подготовила. Завтра день «Х». Послезавтра будет информация. Пришли номер своего мобильного».

Надя тут же дописала: «Марьяна, пожалуйста, хоть намекни, из какой оперы это будет. Мне надо как-то поддержать человека».

«После того, как я перешлю тебе файл, ни один человек не захочет иметь дел с Ангелиной. Жди. Послезавтра утром я выйду на связь».

На этом переписка завершилась.

Полуянов

Прежде всего Дима пробежался по сайтам западных школ и спортивных академий. В Европе хоккеистов из России вообще не ждали, в Америке в почете оказались бейсбол и теннис. Зато в Канаде обнаружилось сразу несколько юношеских хоккейных команд, куда готовы были брать россиян. Учишься в обычной школе и после занятий тренируешься. Имелось также немало хоккейных академий, в некоторых обещали не только бесплатную учебу, но и жилье, питание, учебники, помощь с визой и даже покупкой билетов.

Он тут же вступил в переписку. Отвечали ему охотно и быстро. Но сразу подчеркивали: если мальчик всего лишь умеет играть в хоккей, ни о какой финансовой поддержке речи идти не может. Нужны серьезные достижения, желательно на международном уровне, приличный английский, хороший аттестат. Тогда можно рассчитывать, что возьмут «на халяву». И то при условии, что в Канаде найдется гарант и оформит над несовершеннолетним временное опекунство.

Можно приехать заранее. Подтянуть язык, подготовиться к тестам по математике, потренироваться с командой. И попытаться получить стипендию на следующий учебный год — предложили ему в одной из школ.

Дима уточнил, какова цена вопроса. Вышло тридцать тысяч долларов. Для простой семьи нереально, но для Сашиного богатого папы сумма вполне подъемная. Как только его уговорить отпустить сына в свободное плавание?

Полуянов написал мальчику, обрисовал свой план. Саша отозвался восторженно: «Супер! Кул! Давайте!!!»

Но через минуту последовало сообщение уже без восклицательных знаков: «Только отец не отпустит меня. Он даже на сборы меня не отпускает. Считает, что мне нужен постоянный контроль».

«Я попробую его убедить».

«Как?»

«Это уж мои трудности. Напиши его фамилию».

«Хотите грохнуть? Не советую. Скорей он сам вас прикончит».

«Почитай правила сайта. Мы не занимаемся криминалом и наши методы не разглашаем. Просто напиши, как зовут отца».

«Его бесполезно просить. Он только разозлится. И вас убьет, и меня».

«Не волнуйся. Я его ни о чем просить не буду. Твой отец сам предложит».

Уже через минуту Полуянов вбивал в поисковик: «Константин Михайлович Стеценко».

Ого! Не воробушек — коршун. Скорее даже, падальщик. Весьма опасная птица.

Надя

В Димкиных глазах снова зажегся огонь. Точно так он выглядел, когда в прежние времена вел опасные журналистские расследования. Вроде радостно за него, но и тревожно. Что затеял? Не попадет ли в беду?! Ни о его деле выпытывать, ни о своем Надя рассказывать не стала. Только предупредила:

— Я сегодня вечером задержусь.

— Какое совпадение, — усмехнулся Дима, — я тоже.

Надя надеялась, что Юля все-таки придет в читалку, но красавица в библиотеке так и не появилась. Тогда она выписала Юлин адрес из карточки читателя и после работы потащилась на Юго-Западную.

Звонок в домофон остался без ответа. Хорошо, из подъезда очень вовремя выходил собачник, и удалось проскочить внутрь. Надя поднялась на

нужный этаж, позвонила в дверь. Опять тишина. Тут за спиной распахнулись двери лифта, и на лестничной площадке показалась Юлия.

— Ой, это ты?! — с виноватым видом воскликнула она. — Ну, пойдём.

Отперла дверь, в прихожей скинула сапоги.

— Снова в парк ходила? — спросила Надя.

— Да я сама не знаю, где брожу. Так легче, чем тупо дома сидеть.

Никакого порядка в квартире не было. В коридоре раскидана обувь, сумочки, бесплатные газеты, корзинка с бельем для стирки переполнена, кухня завалена грязной посудой, на разделочном столе засохший треугольник сыра, заветренная колбаса.

— Мне почему-то казалось, что у тебя дома маниакальная чистота, — удивленно произнесла Надя.

— Не мой конек, — усмехнулась Юля. — А уж сейчас — тем более.

На подоконнике стоял лэп-топ с открытой крышкой. Когда Юля отвернулась, Надя украдкой коснулась клавиатуры, пробудила монитор. Открылась последняя вкладка — огромная фотография Ангелины. Понятно. Травит раны, сравнивает себя с соперницей.

Но в целом Юлька не показалась ей человеком на грани. Хотя, когда прошли в гостиную, Митрофанова присвистнула: вся стена была увешана Феликсом. Фотографий сто, не меньше. Феликс на сцене. В «Корсаре», «Дон Кихоте», «Жизели», в каких-то современных балетах. Дает интервью. Получает на сцене призы-статуэтки. По центру — несколько совместных фотографий. Юля на всех светится счастьем. Но если объективно, смотрятся вместе немного странно. Он — расслабленный, светский, в рубашках с эпатирующими принтами и драматичных плащах. И она — в неизменных своих «учительских» нарядах.

— Юлька, — задумчиво произнесла Надя, — а ты не думала стиль одежды сменить?

— Уж какая есть, — рассердилась Юлия. — Не собираюсь меняться в угоду кому бы то ни было. И вообще, не в нарядах дело, Феликс просто корыстный. Где я и где Ангелина? Конечно! Гораздо интересней, когда у подружки особняк, куча горничных, и содержать ее не надо.

— Ну и зачем тебе такой?

— Люблю, — грустно вздохнула Юля.

А в Надину душу вдруг червячок сомнения заполз. Что прямо за такая трагедия у Юли? Всех когда-то бросали — и ничего, переживали. И Юлька бы пережила.

Но маховик уже был запущен, и писать Марьяне, отменять свою просьбу Надя не стала.

Полуянов

Константин Стеценко, по прозвищу «Кость», давно уже воротила, на черную работу других нанимает, но странное дело: даже если жертву в глаза не видел, все равно снится. Без черт лица и деталей, только туман и глаза со смертной поволокой над самой его головой. Ничего вроде бы страшного. Но однажды, когда проснулся в поту, супруга уговорила давление смерить — двести двадцать оказалось. Умоляла срочно «скорую» вызывать. Пришлось врезать, чтоб заткнулась.

И еще он подметил: если кончишь ничтожество, кошмар снится почти не страшный и редко. Но если противник серьезный, то и сон навязчивый. Каждую ночь является.

Виссарион при жизни крови ему много попил. Хотя вроде хилак, интеллигент, поэт. Борода, сальные волосенки. Руководитель — смех! — народного театра. Театр занимал совершенно исключительный особняк на Солянке. Как уж там Виссарион прежнего мэра обиходил, теперь неведомо, но документы были оформлены чин-чинарем. Аренда на девяносто девять лет, и прошло из них только двадцать. А Константин на этот особняк давно глаз положил. Солянка — его район: тут и клуб ночной, и кабак. Давно хотел гостиницу эксклюзивную, и поначалу надеялся с Виссарионом договориться, но тот от выгодного предложения категорически отказался. Было бы дело лет пятнадцать назад, Кость грохнул бы интеллигентика из принципа. Но он давно пообтесался: не только накопил дипломов и приучил себя в приличном обществе обходиться без «фени», но и во власть успел сходить, так что грубую силу решил не применять. Натравил на театрик всех, кого смог: пожарных, СЭС, налоговую. Пандемия очень кстати подоспела, а Виссарион, дурак, фрондировал, масочный режим у себя на объекте не соблюдал, температуру сотрудникам не мерил. Очаг культуры со всех сторон обложили штрафами. а Роспотребнадзор еще и опечатал на девяносто дней.

Виссарион пытался привлечь журналистов, кричал на каждом углу про рейдерский захват. К Константину даже пару раз являлись, требовали комментариев. Он в ответ недоуменно пожимал плечами: какое, мол, мне дело до жалкого театратора? А сам продолжал тихонечко очаг искусства гнобить. Департамент культурного наследия обнаружил в здании незаконную перепланировку и обязал переделывать. Дальше кровлю объявили ветхой, а Виссариона обвинили в том, что он весь коллектив и зрителей опасности подвергает. В конце концов городская межведомственная комиссия признала здание аварийным. Спектакли и даже репетиции проводить запретили.

И тогда Виссарион, чертов старый романтик, где-то раздобыл наган невесты каких времен, вызнал, где его обидчик живет, и душным летним вечером, когда Кость с молодой женой шли пешочком к пирсу, где стояла их яхта, подкараулил.

Смешно бы было матерому волку погибнуть от руки чахлого интеллигента. Но Виссарион — театрал! — захотел перед смертью посмотреть в лицо своему врагу. И пока выстраивал мизансцену, попал под шквальный огонь подоспевшей охраны.

Вроде Константин даже не виноват, хотя неприятности из-за того, что у бодигардов не имелось лицензии на боевое оружие, пришлось улаживать. Но умирал Виссарион при нем. В те несколько секунд, пока жизнь вытекала из тела, Кость стоял рядом и, не отрываясь, смотрел в меркнущие, ненавидящие глаза.

С тех пор каждую ночь Виссарион преследовал, никакой вискарь не помогал...

...Сегодня Константин проснулся поздно. Жена уже упорхнула. Из бассейна грохотали «Белые розы»: супруга таким образом выражала траур по безвременно погибшему Юре Шатунову.

Он накинул халат, прошел босиком в бассейн. Женушка сложила на качественные губки сердечком, позвала:

— Прыгай ко мне, милый!

— Ты почту просмотрела? — рявкнул в ответ Константин.

— Конечно, пупсик. Ивашов написал, что оплатит контракт сегодня. Пропуска на грузовики выдали. И еще — представляешь? — журналист Полуянов хочет у тебя интервью взять. Для «Молодежных вестей». Там тираж миллион. Прикинь, какой уровень?!

— И что ты ему ответила? — холодно спросил Константин.

— Как что? Согласилась, конечно! Добрый очерк про твой жизненный и профессиональный путь, на целую полосу. Это же каких денег может стоить? А он говорит, что бесплатно.

— Ты — дура? — хладнокровно спросил Константин и со всего маху влепил жене пощечину.

В бассейн тут же ворвался Сашка. Старший, исчадие. Вечно его «пасет»:

— Не смей трогать маму!

Глупую жену Константин еще пожалел. И пластику дорогую на лице жаль попортить. Но несносный сынок огреб по полной. За все, в том числе и за ночные кошмары.

Ленка в очередной раз намертво погрызлась с родаками. Счастье, что есть Марьяна. Старшая подруга ее не только от двойки по литературе

спасла, еще в гости всегда пускала. Когда она ей позвонила, Марьяна сразу ответила:

— Конечно, приезжай ко мне. Я сегодня в ночь, коты будут рады, что не одни.

Где конкретно Марьяна работает, Ленка не знала. Та говорила туманно: «В гостиничном бизнесе». Непонятно только, почему смены всегда ночью. И рабочий костюм вообще жесть: брючки с низкой талией и в обтяжку, кофточка с таким вырезом, что их классуху мигом бы инфаркт хватил. И красилась ярко — стрелки чернящие, тени на все веко. Хотя дома всегда в скромном костюмчике хлопковом, волосы в хвост.

— Ты, что ли, крупье в подпольном казино? — приставала Ленка.

— Господи, нет!

— Администратор в борделе?

— Фу, как тебе такое в голову пришло?! У меня абсолютно легальное место работы.

— Стриптиз танцуешь?

— Ой, Ленка, отстань. Какая из меня стриптизерша?

Но девочка упорно пыталась разгадать загадку. Очень все подозрительно, особенно сегодня.

Ленка приехала в шесть вечера. Марьяна как раз одевалась и, без сомнений, что-то ее тревожило. Даже коты чувствовали. Обычно лежат увальнями, а сегодня крутятся вокруг хозяйки, мяукают.

— Куксик, Ричи, — умоляла Марьяна, — да успокойтесь вы! Я завтра вернусь. Как обычно. В одиннадцать.

А у самой руки дрожат.

Разница в возрасте у них — семнадцать лет, но юная Ленка все равно сказала тоном строгой мамочки:

— Что-то ты затеяла. Нюхом чую.

— Глупости!

— Ты уже все губы облизала и помаду съела. Если будешь так дергаться, точно спалишься.

— Хватит каркать!

— Значит, точно криминал.

— Не криминал, а помочь надо людям! — выкрикнула Марьяна и подошла к холодильнику.

На дверце висел блокнотик на магнитике. Она оторвала листочек, написала на нем телефонный номер и протянула Ленке:

— Вот. Если я вдруг не приду... ну, скажем, к полудню... кинь туда сообщение. Только два слова: «У Марьяны не получилось».

— Как это, не придешь?! — ахнула Ленка. — Что ты затеяла?

— Да не волнуйся ты. Все продумано. Это так, страховка. На совсем непредвиденный случай. Все, Ленка, отвали. Я и так уже опаздываю.

Марьяна накинула плащ и выскочила в сумрак дождливого вечера.

А коты, вместо того чтобы к Ленке липнуть, орали вслед хозяйке. Будто что-то предчувствовали.

От интервью Константин Стеценко все-таки отказался — как Полуянов и ожидал. Даже лучше, что очная схватка сейчас не состоялась, будет время подготовиться.

И Дима с удовольствием создал в компьютере новую папку под названием «Досье К.С.».

Из официального компромата за Константином Стеценко числилось две уголовных статьи: грабеж в нежном подростковом возрасте (получил три года в детской воспитательной колонии), а в двадцать лет отправился на строгий режим по третьей части статьи 163 Уголовного кодекса — вымогательство в особо крупных размерах с причинением тяжкого вреда здоровью. На хороших адвокатов средства, вероятно, имелись: дали по минимуму — семь лет. Через шесть вышел по УДО. С тех пор не попадался. Получил высшее образование — престижный экономический вуз. Но студента с такой фамилией никто из преподавателей вспомнить не смог: диплом, вероятно, купленный. Параллельно с учебой открывал и закрывал многочисленные ООО и ИП. Сфера деятельности — торговля, общественное питание. Потом вдруг уехал за три тысячи километров от Москвы и оказался на серьезной должности — руководитель земельного комитета. Проработал всего несколько месяцев, ушел по собственному желанию. В местной прессе успела выйти статья под броским заголовком: «Друг мэра — дважды судимый бандит».

Вернулся в Москву. Женился на вице-мисс конкурса красоты. У пары родились сыновья-погодки.

В последние годы гражданин Стеценко активно скупал и реставрировал недвижимость в столице. В районе Солянки у него имелись ресторан, ночной клуб, строилась гостиница. Все дома — старый фонд, памятники архитектуры. А каким, интересно, путем, золотые во всех смыслах здания к нему в руки попадали?

Дима начал разбираться, и оказалось, что бывший владелец здания, где нынче ресторан, пропал без вести, через пять лет признан умершим. Директора библиотеки, в которой расположился ночной клуб, постигла та же участь. Несложно предположить, кто помог обоим исчезнуть. Стеценко, похоже, вообще человек без тормозов. И полиция его темные делишки покрывает.

Всего-то и надо: разворошить осиное гнездо. А потом предложить бизнесмену сделку: он — делу дальнейшего хода не дает, а Стеценко — отправляет сына в Канаду. Несложная комбинация. Должно сработать.

В воскресенье Надя проснулась в шесть утра. Хотя с чего бы? За окном дождик, в спальне уютно, спать бы, да спать. В полудреме потянулась обнять Димочку, но его не было. Тоже в свой законный выходной рано вскочил — для него уж совсем нетипично.

Надя быстро выбралась из постели, на цыпочках пробежалась по квартире. Дверь в кабинет была прикрыта не плотно. Полуянов сидел за компьютером, рядом дымилась чашка с кофе. Странно, ради своей рубрики в «Молодежных вестях» сроду в такую рань не вскакивал. Ну и прекрасно.

Тревожить его Надя не стала. Вернулась в спальню, надела халатик, взяла с зарядки телефон. В мессенджере одно новое сообщение. От Марьяны.

Она в нетерпении открыла и прочитала: «Сообщение удалено пользователем». Время отправки — пять часов утра.

Надя встревожилась. Что бы это значило? Сейчас семь. Звонить? Не прилично. Зашла в чат «Кайроса», напечатала: «Марьяна, привет! Твое сообщение удалено. Отзовись, пожалуйста».

Тишина. Собеседница не в сети. В общем, логично. Мало кто в воскресенье с раннего утра на связи.

Может, все-таки позвонить? Или в личный мессенджер написать? Но вдруг Марьяна спит, а и телефон не отключила, и она ее разбудит в несветную рань?..

Митрофанова постаралась выкинуть чужие беды из головы и отправилась на кухню. Надо выпить кофе и побаловать Димку роскошным воскресным завтраком. Уж он-то, несомненно, занят делом серьезным и нужным.

До пяти утра Ленка валяла дурака. Чатилась, фильм для взрослых по телевизору смотрела, коктейльчик прихлебывала. В начале шестого ее сморило — даже бокал от постели не убрала; Куксик под боком, Ричи, ввиду плохой погоды, тоже ей в ноги, под одеяльце забрался.

В половине одиннадцатого она вскочила, будто ее кто-то пнул под ребра. Офигеть, день в разгаре, в квартире бардак, а сейчас ведь Марьянка придет! Постель убрать, бокал из-под коктейля вымыть, канал для взрослых переключить на невинное «МУЗ ТВ», котам наполнитель сменить. К одиннадцати в квартире — чистота-блеск, теперь срочно замесить тесто на оладьи. Торопилась, злилась, что получается с комочками, то и дело на часы поглядывала. В половине двенадцатого выдохнула: все готово. Квар-

тирка вылизана, и аромат домашний витает. Марьянка не пожалеет, что позволила ей переночевать. Но где же она? Уже половина первого, неужели влипла во что-то?

Ленка тут же схватила мобильник, набрала Марьянин номер — «Абонент временно недоступен». На работу звонить бесполезно, там у нее телефон всегда выключен. Позвонила еще раз — по-прежнему мертво.

Блин! Спасать надо хозяйку!

Вот бумажка с номером, который оставила ей Марьяна.

«У Марьяны не получилось», — написала Ленка.

И уже через минуту ее телефон зазвонил.

Накануне Надя взяла с Полуянова обещание, что в воскресенье они поедут на большую продуктовую закупку в гипермаркет. Ходить по магазинам Димка терпеть не мог, но ей нравилось, когда он рядом, катит тележку и посмеивается над раздумьями, оливковое масло какого производителя лучше купить, поэтому всегда его уговаривала. Однако начинать упрашивать приходилось за месяц.

«Удивится, наверное, что отменяю», — подумала Надя и вкрадчиво сказала:

— Димусь... Взвесилась сейчас — плюс килограмм. Если пойдем в магазин — не удержусь, вкусняшек наберу. Давай я лучше пресс покачаю? Потом на степ-аэробику. А на ужин куплю здоровой еды.

Сердечный друг неприкрыто обрадовался:

— Отличная идея! — обрадовался Дима. — Сходи, конечно, в спортклуб. Только потом мяса мне купи, я здоровую еду не хочу. — И снова уткнулся в монитор.

А Надя помчалась в Печатники, где проживала Марьяна.

Встретил ее запах оладий, два наглых, жирных котяры и встревоженная девчонка-подросток. Животные подозрительно обнюхивали Надины брюки, а девочка тараторила:

— Я Марьянку такой, как вчера, никогда не видела. Куда она влипла-то? Что теперь делать?

Надя старалась держаться максимально уверенно и, как бы между делом, спросила:

— А где Марьяна работает?

Девчонка округлила глаза:

— Я думала, вы знаете.

— А ты?

— Нет... она про работу ничего не говорила. Какая-то секретная у нее должность. Смены только ночью. Одевается так, что выглядит как проститутка! И красится так же.

— А какое у нее образование?

— Гостиничный бизнес. Директором дома отдыха была.

Ленка отрицательно качнула головой и с укором добавила:

— А я думала, вы в курсе, раз она ваш телефон для связи дала. Так понимаю, что вы вместе чего-то затеяли.

Митрофанова потерялась окончательно:

— Нет. То есть да... Она выполняла мою просьбу, но...

— Значит, вы подставили ее? — перебила девочка.

Надя хотела начать оправдываться, но слова замерли на языке.

Ну и кашу она заварила... И что теперь делать? Плевать уже на правила «Кайроса». Ей срочно нужен Димкин совет.

Надя заверила девочку, что Куксик и Ричи будут под надежным присмотром, закрыла за Ленкой дверь и тут же набрала номер Полуянова.

«Абонент временно недоступен», — отозвался механический голос.

В час дня Дима решил пройтись. Нет ничего лучше быстрой пешей прогулки, когда нужно обдумать и структурировать информацию. Как раз и дождь кончился, сквозь обрывки туч даже солнце проглядывает. Он быстрым шагом добрался до поймы Яузы. Тишина, ветер, ни души. Зато одиночество располагает к мыслительной деятельности.

В прежние времена, когда ходил по лезвию ножа, всегда осторожничал, но нынешняя безобидная работа давно притупила бдительность. Поэтому он даже не обернулся на торопливые шаги за спиной. И ничего не успел сделать, когда на голову обрушился страшный удар...

Сознание с трудом пробивалось сквозь пелену боли. Слегка разлепив веки, Полуянов попытался оценить обстановку. То, что увидел, ему решительно не понравилось. Он в каком-то подвале. По серым стенам сочится сырость, крошечное окно под потолком забрано железными прутьями, яркая лампочка тоже зарешечена. На официальную тюрьму не тянуло, а вот на пыточную камеру — вполне.

Ничего себе! А ведь он только начал собирать информацию. Всего-то несколько звонков сделал по поводу господина Стеценко. Но тот, вероятно, предпочитал устранять любые препятствия в зародыше.

«Не делай добра — не получишь зла», — сразу вспомнилось Диме. Да уж, у подростка Саши, несомненно, имелись веские основания опасаться своего неадекватного папашу.

Шевелиться Дима мог, но все тело болело, запястья сковывали наручники. Похоже, Стеценко-старший ясно давал понять, что переговоры пойдут по его сценарию. Серьезный человек.

Вдруг дверь с грохотом отворилась и с громким лязгом снова захлопнулась. Явился посетитель, напоминающий своим видом гориллу: накачанный торс готов порвать майку, волосатые руки в татуировках — по счастью, не тюремных. Якоря, русалки — мореман или просто на флоте служил. Взгляд обжигающий, умный. Похоже, лично шеф службы безопасности пожаловал.

Подошел, ощутимо ткнул в бок и почти ласково спросил:

— Выспался?

В голове по-прежнему шумело, комната покачивалась, но Дима, сжав зубы, рывком приподнялся и сел на железной койке.

— Бодрячок, — оценил моряк. — Говорить готов?

— «Браслеты» сними — поговорим.

— Ты условия подружке своей ставь, — усмехнулся тот.

У Димы перехватило дыхание. Неужели до Надьки тоже добрались?

— Что вам надо? — хрипло спросил он.

Гамадрил с презрением выплюнул:

— Вроде, мужик, чего ж баб-то впутывать?

Полуянов опешил:

— Ты о чем?

И немедленно получил увесистый удар в челюсть. Рот сразу наполнился кровью.

— Но начали мы с тебя. Так что скажи спасибо, — назидательно проговорил «моряк». — Одну девку погубил, вторую — подставил, не стыдно?

Дима потряс головой. Сплюнул на бетонный пол кровь и спокойно сказал:

— Давай без моралей. Говори, что надо.

— Какое задание ты Марьянке дал?

— Извини, но не вкуриваю. Кто такая Марьянка?

«Моряк» усмехнулся, достал телефон и продемонстрировал снятое крупным планом, перекошенное в смертельной гримасе женское лицо. Абсолютно незнакомое.

— Я первый раз ее вижу, — искренне сказал Дима, — не знаю, кто это. Говорю тебе, первый раз ее вижу! Что ты мне вешаешь, идиот?!

Лицо у «морячка» по-прежнему оставалось невозмутимым, но в глазах что-то дрогнуло. И Полуянов пошел ва-банк:

— Ты человек Стеценко?

— Тут я вопросы задаю!

— Хорошо. Тогда объясни сначала, в чем ты меня обвиняешь.

— Марьяна работала на тебя.

— Ты идиот? Говорю же, вообще не знаю ее! Но мне сдается, к Стеценко ты никакого отношения не имеешь. Тогда объясни: в чем дело, за что я здесь?

«Морячок» ответом не удостоил, и Дима снова заговорил:

— Константин Стеценко. Руководитель корпорации «Старомосковия». Ты ведь не на него работаешь?

— Нет, — неохотно подтвердил тот.

— Значит, давай разбираться. Как разумные люди, без зуботычин. Я к тебе с открытыми картами: ищу компромат на Константина Стеценко. Мне надо вынудить его на сделку: продать информацию — в обмен... на одну услугу. Но я действую один, женщин в свои дела не впутываю. А ты говоришь, одну убил, вторую подставил. Марьяну я не знаю. Кто вторая?

— Не догадываешься? — гнусно усмехнулся «морячок». — Подружка твоя.

— Тронешь Надьку хоть пальцем — я тебя закопаю, — твердо пообещал Полуянов. — Она — обычный библиотекарь, и никакого отношения к моей работе не имеет.

Он ожидал очередного удара, но «морячок» лишь вцепился железными пальцами в плечо и прошипел:

— Значит, будешь за подругу свою отвечать. Номер девятьсот тринадцать-тринадцать-четыреста чей?

Отпираться было бессмысленно.

— Надькин.

— По нему Марьяна и пыталась скинуть информацию.

Что-то, правда, очень смутно, начало в Диминой голове складываться.

— Я свои карты раскрыл. Теперь ты скажи — на кого работаешь?

— Неважно.

— Я правильно понимаю, что Надюшка моя полезла в твои дела?

— Ну... допустим.

— Я не знаю, чего она добивалась, но сразу скажу: она абсолютно бескорыстный человек. И старалась точно не для себя. Не для личной выгоды.

— Что за бред ты несешь!

— Со стороны бредом и выглядит, — признал Полуянов. — Попробую тебе объяснить. Мы с Надей оба состоим в обществе «Кайрос». Слышал про такое?

— Чего?!

— Сайт «Кайрос.ру». Открой Интернет, посмотри.

«Морячок» недоверчиво присвистнул:

— Подожди, чего-то мне рассказывали... Это которые, типа, помогаем — спасаем?..

— Да. Я их — то есть нас — называю «тимуровцы». Надюшка меня втянула. Иногда, знаешь ли, действительно приятно кого-то спасти. Абсолютно бескорыстно. Но мы с Надей, хоть и живем вместе, работаем каждый за себя. Я в настоящий момент помогаю... одному человеку, у которого зуб на олигарха Стеценко. А чем занималась Надька — сказать не могу. В «Кайросе» правило: не делиться ни с кем, даже с близкими. Одно гарантирую: зла она никому причинять не хотела. Но раз погиб человек... эта Марьяна... значит, Надюшка моя что-то неправильно спланировала. Понимаю, смешно теперь извиняться, тем более просить тебя о чем-то. Но, по-моему, это теперь наша с тобой обязанность — объяснить неразумной девушке, в чем она была неправа, и остановить ее, пока еще больших бед не наворотила.

— Да... хороши у вас методы восстанавливать справедливость, — скривился «морячок».

— Я все исправлю. Говори.

— Да поздно уже. Человека она погубила. Хорошего человека. Мы с Марьяной вместе работали... в одном клубе. Хоть и нелегальный, но никакого криминала. Только забавы у клиентов нетипичные. И люди приходят серьезные. Наше кредо — гарантировать им полную конфиденциальность. Никакого видеонаблюдения, мобильные телефоны, любая аппаратура категорически запрещены. Марьяна верой и правдой служила у нас два года. Считалась лучшей сотрудницей. Ей много раз предлагали деньги за информацию, но она всегда сразу меня предупреждала. Я ей доверял. Обычно все сотрудники перед началом смены проходят личный досмотр. Но Марьяна была на особом счету. Я никак не ожидал, что она меня предаст...

— Что конкретно она сделала?

— Сняла на видео одну из наших клиенток и пыталась переслать его твоей подруге.

— Что значит, «пыталась»?

— Я удалил файл через минуту после отправки.

— А как она погибла?

— Несчастный случай.

— А конкретней?

— Посетителей клуба взбесило, что их снимают. Ее начали бить, и Марьяна... неудачно упала. Прежде, чем я подросел...

Надя пребывала в полном отчаянии. И Димка еще вне зоны доступа. Ну, как он может пропадать, когда так ей нужен?

Марьянина подружка-подросток смылась. От самой Марьяны вестей нет. Коты нервно мечутся по квартире. И ни малейшего понятия, что происходит.

Находиться в чужой квартире и смотреть на несчастных котов больше не было сил. Она нашла на кухне корм, насыпала животным полные миски и выскочила прочь под истерическое мяуканье.

Когда она подошла к дому, то чуть не задохнулась от возмущения. В окнах горел свет. И машина Димкина во дворе. Он, получается, ее звонки банально игнорирует?

Надя ворвалась в квартиру и заорала с порога:

— Полуянов! Ты совсем, что ли, сволочь?

Но увидела его и ахнула: глаз заплыл, губы разбиты.

— Димочка, что случилось?

— Это я у тебя должен спросить, — мрачно ответил Полуянов.

— А причем здесь я?

— Предъяву мне сделали. За Марьяну.

— За к-кого?

— За Марьяну. Хорошо ты ее подставила.

Клубы свингеров в столице существовали вполне легально. Собирали и публиковали в Интернете отзывы, некоторые даже рекламу давали.

Марьяна работала в «Спартаке» — а вот этот клуб ни в каких справочниках не значился. Допускали сюда исключительно по рекомендации. В штате клуба постоянно работали десять эскортников. На смены их вызывали, в зависимости от количества и состава гостей.

Свингеры обычно увлечений своих не стесняются, но в «Спартаке» добрая половина участников — в причудливых масках. Документы тех, кто приходил в клуб, проверяли, но видел их только директор.

Марьяна — генеральный менеджер — настоящих имен гостей тоже не знала. Безропотно называла, как сами просили: Лилиана, Аполлон, Эрот. Кое-кого, конечно, и в масках узнала: скандального телеведущего — по хриплому голосу, известную певичку — по губам, неудачно подкачаным. Но тайну хранила свято: понятно, что нарушителя не просто черный список ждет, а, очень даже вероятно, физическое устранение. Общалась она с клиентами приветливо, услужливо. У начальства была на прекрасном счету.

Но с Ангелиной Асташиной у нее не задалось с самого начала. Бывает такое: взаимная неприязнь с первого взгляда.

Телеведущая, в вычурной черной шелковой маске «под кошечку», приходила в клуб не часто — примерно раз в месяц. Зато уж отрывалась от души. Спиртное в клубе без ограничений, но Асташина бесплатного шампанского почти не касалась, предпочитала кайф иного рода. Наркотики в клубе не продавали, но проносить с собой не возбранялось. Анге-

лина не расставалась с серебряным портсигарчиком, и к середине ночи раскрепощалась радикально.

Марьяна старалась не осуждать ее — ведь никому ничего плохого Ангелина не делает, и изо всех сил маскировала свое к ней презрение. А та — все телевизионщики немного психологи — настрой генерального менеджера почувствовала. Несколько раз в паузах между «нюхами» подходила, завязывала беседу, пыталась найти подход. Марьяна в ответ изо всех сил старалась звучать искренне и мило.

Но Ангелина все равно капризно кривила губы:

— Я тебе не нравлюсь.

А в ее красивых, с поволокой, глазах Марьяна прочитала: «Я тебя уничтожу». И со страхом ждала, каким будет следующих ход...

Надя плакала и бесконечно повторяла:

— Ну, как же так? Почему?

Полуянов тоже не понимал.

Зачем Марьяна оставила для экстренной связи телефон Нади — еще объяснимо. Ради нее она шла на риск, нарушала правила, и, возможно, решила: если попаду в беду, пусть выручает та, ради кого старалась.

Но Надька клялась-божилась, что понятия не имела, где Марьяна работала и что затевала.

— Почему ты не выяснила, что именно она собиралась сделать? — наседавал Дима.

— Но у нас не положено! Ты же сам знаешь правила! — причитала Надя. — Я кинула в сеть запрос, Марьяна откликнулась. А детали исполнитель никогда не объясняет! Только отчитывается, получилось или нет.

— Но твой телефон для экстренной связи она дала. Значит, была уверена или надеялась, что ты сможешь выручить. Почему она так считала?!

Надя перестала рыдать и пробормотала:

— Может, она на тебя надеялась?

— Откуда Марьяна знала про меня?!

— Ну... мы с ней встречались однажды. На вечеринке у шефа. Болтали. И я вроде упоминала, где ты работаешь. Она тебя знает. Сказала, что восхищается тем, как ты расследования проводишь. Круче любого полицейского.

— Как я могу помочь, если у самого никаких вводных? Женская, блин, логика!

— Давать вводные у нас не положено. А логика нормальная. Ты же в итоге и выяснил, что случилось. Только слишком поздно...

Надя снова начала всхлипывать и сквозь всхлипы спросила:

— А что будет тому, кто ее убил?
— Вероятно, ничего. Она просто неудачно упала, так что причина смерти — несчастный случай. И расследовать его никто не заинтересован...

Наблюдать за соседями у Анатолия Юрьевича не в привычке, но, когда к дому напротив приезжает «скорая», сложно не обратить внимание. А тут даже две бригады прибыли, значит, беда с хозяйкой.

В семь утра Анатолий Юрьевич как раз выходил на пробежку и встретил Ангелину. Красавица заулыбалась, помахала ему из наемного «мерседеса» с шофером. Обычно рулила сама, любила с шиком проноситься мимо на спортивном «порше», а наемную машину вызывала только тогда, когда выпивала. Не часто, раз в месяц примерно. Видать, очередной загул у нее.

В час дня Анатолий Юрьевич снова ее увидел: уже сама вполне бодренько вырулила из ворот. А вот когда вернулась, он не заметил.

А сейчас — в семь вечера — уже доктора у нее.

Анатолий Юрьевич не отходил от окна, наблюдал сквозь щелку в шторе. Врачи вышли из дома одни — пациентку с собой не забрали.

Вероятно, ничего серьезного.

Ангелина терпеть не могла болеть и пребывала в дикой ярости. До чего мерзко, когда паршивое самочувствие рушит все твои планы!

Совещание на работе она, худо-бедно, пережила. В ушах только позванивало, и насморк совсем разгулялся. Но к трем дня прибавился кашель, глаза покраснели, начало знобить, и ей пришлось признать: заболела. Она отменила занятие по ораторскому мастерству, дала отбой инструктору по йоге и еле доехала до своего дома. Бросало то в жар, то в холод. Похоже, все-таки, ковид. С дороги позвонила горничной, велела проверить, есть ли еще тесты в наличии, и чтобы обязательно к ее приезду был чай с малиной.

Марта, трусиха чертова, встретила ее в медицинской маске. Когда чай подавала — приборы с чашками на подносе дрожали.

Но тест показал отрицательный результат, и она заметно повеселела.

— Простудились вы просто, — сказала успокаивающе. — Давайте, может, горчичники? Мне мать всегда ставила, очень хорошо помогает.

— Иди к черту! — огрызнулась Ангелина.

Она надеялась забиться под одеяло, пропотеть и уснуть, но начал бить кашель. Противный, лающий, горло раздирало на куски. А когда приступ миновал, и она начала вытирать губы бумажной салфеткой, то увидела на ней пятна крови.

Откинулась на подушки и велела Марте:

— Ладно, вызывай «скорую», а еще частников, пусть врачи разбираются. Приехавшая из местной больнички тетенька заверила, что это всего лишь обычный бронхит. А кровь из-за того, что дыхательные пути раздражены: слишком яростно кашляла.

А доктора-частники, услышав в легких хрипы, предложили поехать в больницу, чтобы сделать компьютерную томограмму.

— Сделайте лучше укол, чтоб я уснула, — попросила Ангелина.

— Мы не можем оставить вас дома в таком состоянии, — упорствовали доктора. — Давайте поедем. Понаблюдаем вас хотя бы до утра.

Но больницы она ненавидела, поэтому заверила врачей, что обязательно сделает томограмму, но завтра. А сегодня — просто постарается выспаться.

Про Стеценко Дима напрочь забыл. Надька, зареванная, давно уснула. А он все сидел и сидел за компьютером.

Про Марьяну мало что удалось выяснить. Окончила факультет гостиничного бизнеса. Работала администратором, потом менеджером. Пиком карьеры стало директорское кресло в подмосковном доме отдыха. Сначала дело у Марьяны пошло, рейтинг рос, выручка увеличивалась, она затеяла реновацию в старом корпусе. Но случилась эпидемия, поток туристов иссяк, платить строителям стало нечем, и детище ее разорилось. В неудаче владельцы обвинили молодого директора и уволили по статье. С тех пор — уже больше двух лет — официально нигде не работала. Скорее всего, сразу или вскоре устроилась в «Спартак» (клуб, нигде не зарегистрированный), раз «моряк» говорил, что она у них давно и на хорошем счету.

Ангелина Асташина оказалась куда более заметной фигурой.

В столицу девушка приехала из Пензы десять лет назад. Снимала угол, утром мыла подъезды, вечером работала официанткой. Мечтала о карьере фотомодели — сделала портфолио, ходила на показы, участвовала в конкурсах красоты. На одном из них довелось попасть в десятку финалисток. А дальше случилась с ней самая настоящая «сказка про Золушку» (которую охотно тиражировала желтая пресса). Один из учредителей, успешный, неженатый и уже немолодой коммерсант (тщетный предмет охоты многих столичных хищниц) сделал красавицу своей любовницей. Ангелина переехала в его особняк и начала активно внедряться в светское общество. Но очень скоро гламур сменился больничной палатой: у ее мужчины диагностировали рак. Ангелина отказалась от помощи сиделок, днями и ночами сама сидела у его постели. Несмотря на все старания докторов, бизнесмен умер, но за день до смерти успел написать завеща-

ние, по которому все его огромное состояние доставалось «единственному человеку, кто поддерживал в последние дни».

Дальние родственники попытались оспаривать последнюю волю покойного, но тщетно: обязательной доли им по закону не полагалось. Ангелина осталась полновластной хозяйкой особняка в ближнем Подмоскovie, нескольких квартир в столице, недвижимости за рубежом и немалого денежного состояния.

Но, хотя на светских мероприятиях больше не появлялась — блюла траур, дома себя не похоронила. Поступила в телешколу, изучала актерское мастерство. А год спустя появилась в шоу «Три шага до миллиона». В сравнении с прежним харизматичным ведущим, уехавшим на ПМЖ в Израиль, выглядела Асташина весьма блекло. Тушевалась, запинаясь. Отзывы были саркастические, но Ангелина продолжала оставаться в эфире. Журналисты злословили: «Купила».

Про личную жизнь Ангелины ничего не известно. На сайте «Трех шагов до миллиона» под ее фотографией подпись: «Все свое время посвящаю работе».

Дима тщательно изучил все тексты коллег, где упоминалась Асташина. Искал хоть намек на ее, прямо скажем, нестандартное хобби. Но «моряк», похоже, не врал: в «Спартаке» умели хранить конфиденциальность.

Только зачем Марьяне нужно было Асташину закапывать? Она вроде бы просто клиентка. Одна из многих.

Похоже, между девушками случился конфликт. Иначе с чего Марьяне писать Наде: «Она злобная, подлая, беспринципная сука»?

Да и зачем ради смешной, в общем-то, организации под названием «Кайлас» Марьяне рисковать всем? Вероятнее всего, у нее имелись личные причины для мести. А Надя со своей просьбой просто подвернулась ей под руку.

Игорь много чего повидал в жизни, но вчерашний день дался тяжелее всего. Ему пришлось прощаться с Марьяной и избавляться от ее тела.

Директор категорически настаивал: давать делу официальный ход и впускать полицию нельзя. Одно дело, если бы Марьяну забили до смерти. Но Игорь сам засвидетельствовал: та просто неудачно упала. К тому же трое клиентов, что набросились на девушку, занимали изрядные посты, и ссориться с ними нельзя было никак. У Марьяны ни мужа, ни близкой родни. Никто не будет ее искать, так что директор постановил: она должна просто исчезнуть.

Поздним вечером Игорь загнал свой джип в гараж клуба и перенес в багажник легенький, почти невесомый пластиковый мешок. То, что когда-то

было Марьяной. Женщиной, которой он так и не решился объяснить в любви. И которую не смог уберечь.

В час ночи Игорь уже сворачивал на глухую дорогу во Владимирской области. Ездил однажды сюда на охоту, заметил разбитую грунтовку, петляющую сквозь лес и обрывающуюся у заброшенной деревни.

Последний приют Марьяна нашла под вековой сосной. Для могилы он использовал поросшую травой волчью яму. Увеличил ее до трех метров вглубь. Когда бережно укладывал на дно пластиковый мешок, почувствовал, как в носу защипало, и, зло смахнув непрошенные слезы, яростно заработал лопатой, забрасывая могилу землей.

К четырем часам утра все было кончено. Чтобы окончательно не разнюниться, ушел, не оглядываясь. Но в мозгу молоточком била мысль: «Марьянка, ну, как я теперь без тебя?»

Сев в машину, Игорь включил музыку, чтобы как-то отвлечься, но диджей с радиостанции вдруг объявил:

— А сейчас у нас горячие новости. Только что пришла срочная информация. В своем особняке в Подмосковье скончалась известная телеведущая Ангелина Асташина. Как нам стало известно, накануне она почувствовала себя плохо, к ней приезжала «скорая помощь». От госпитализации пациентка отказалась. В три часа ночи ей стало совсем худо, и горничная снова вызвала врачей. Но, увы, слишком поздно. Медикам оставалось только констатировать смерть от острой дыхательной недостаточности. Ангелине было тридцать семь лет, она ничем не болела, занималась спортом, так что в истинной причине ее гибели еще предстоит разобраться. Проводится доследственная проверка. Мы будем держать вас в курсе.

— Мой бог, — прошептал Игорь, хотя Господа не вспоминал уже много лет.

Вот, значит, что. Чувствовал, знал: не все так просто.

Полуянов растолкал Надю на рассвете и с ходу выпалил:

— Асташина умерла. Сегодня ночью.

— Как? — растерянно прошептала Митрофанова. — От чего?..

— Дыхательная недостаточность. Предполагают ковид. Но вчера она делала тесты, и все были отрицательные. Так что, сдается мне, причина смерти, в итоге, будет другая.

— Ты хочешь сказать...

— Могла твоя Марьяна ее убить?

— Исключено, — отрезала Митрофанова.

— А по личным причинам?

— В «Кайросе» нет убийц!

— Может, и нет. Но ты теперь под очень большим подозрением.

— Почему? — растерялась Надя.

Полуянов с выражением зачитал: «Надя, статус — мастер. Друзья! Очень нужен подход к телеведущей Ангелине Асташиной». Ты писала?

— Откуда знаешь? Это было в закрытой ветке!

— Защита у сайта чепуховая. Даже я легко вашу закрытую ветку взломал. Там почти сто участников. Хотя бы один из прочих мастеров обязательно сообщит о твоём запросе куда следует, если смерть Асташиной признают насильственной. А ее признают, поверь моему чутью.

— Но я даже никогда не видела Асташину! И с Марьяной последний раз встречалась полгода назад!

— В современном мире заказчики убийства и не видятся со своими жертвами. Так что ждет тебя очень неприятный разговор со следователем.

— Ну и ничего! Я все объясню!

— Тогда светлой идее «Кайроса» точно придет конец. Одна из участниц — сотрудница свингер-клуба — снимает порнографический ролик. Вторая собирается его использовать для шантажа. Хорошенький получается «отдел добрых дел»!

— Я даже не знала, что планировала сделать Марьяна!

— Факт есть факт. Компромат на Асташину заказывала ты. Ох, и вцепятся коллеги из желтой прессы в «горячую» тему!

— Димочка, — взмолилась Надя, — ну, придумай что-нибудь!

Тут ее лежавший на тумбочке у постели мобильник пискнул: новое сообщение.

Надя схватила аппарат и побледнела:

— Шеф.

Протянула телефон Полуянову, и он прочитал:

«Немедленно приезжай. Вместе с Дмитрием»

Нужно было ее остановить раньше. Сразу, как увидел, что она «ищет подход» к телеведущей Ангелине Асташиной.

Но Зевс (все точно, как в мифологии, — отец Кайроса) прекрасно понимал: когда люди работают за идею, излишняя строгость не во благо. Тем более, Надя в его структуре давно. Миссии выполняет ответственно, с огоньком, с выдумкой. А сейчас своего друга втянула в дело.

На Полуянова Зевс очень рассчитывал. Он давно искал пути, как максимально эффектнее выйти из тени и обратиться из самодеятельной тайной структуры в мощный и влиятельный благотворительный фонд. Так что известный журналист в числе участников «Кайроса» был очень нужен.

Изначально план был такой: не дожидаться, пока Дмитрий исполнит необходимую для перехода на следующий уровень миссию, а пригласить к себе и объяснить задачу. Но после сегодняшней новости о смерти Асташиной не эффектный сброс маски может выйти, а огромный скандал. И надо же случиться, что связан он именно с Ангелиной!

Зевс нервно мерил шагами кабинет, то и дело поглядывая на часы. Нынешняя должность Полуянова (ведущий «несерьезных новостей») в заблуждение его не вводила, он понимал, что журналист только временно залег на дно. А на самом деле он волк, опытный, матерый. И если не перетянуть его сейчас на свою сторону, ситуация может обернуться полной катастрофой.

А больше всего бесило, что придется сейчас выступить перед Полуяновым не богом, но тем, кем он и был — обычным, со своими слабостями, человеком. Значит, и Надя, а вслед за ней и все остальные больше не будут верить в красивую идею. Но иного выхода не оставалось. Зевс понимал: с журналистом возможна только честная игра.

«Кайрос» Зевс затевал как забаву. Он тогда работал в крупном благотворительном фонде, и в его обязанности, в том числе, входили собеседования с волонтерами. Подопечные, неизлечимо больные, остро нуждались в общении. Просто чтобы кто-то подбодрил, за руку подержал. И с этим, как ни удивительно, ситуация обстояла сложнее, чем с пожертвованиями. Лишь немногие волонтеры выдерживали дольше, чем пару месяцев. Остальные признавались честно:

— Не могу. Очень тяжело.

— Не знаю, о чем с ними говорить.

— Чувствую себя виноватым, что сам здоров.

Однажды Зевс серфил по сети и наткнулся случайно на сайт, куда народ выкладывал свои беды и просил совета. Он тогда поразился, скольким здоровым людям отчаянно требуется помощь. Число просьб исчислялось тысячами!

«А ведь может реально хорошее дело получиться!» — загорелся он (тогда еще обычный человек, не Зевс).

Придумал название — «Кайрос», бог счастливого случая. Начал разрабатывать устав. Искал потихоньку единомышленников, в том числе из состоявшихся волонтеров «типового» благотворительного фонда.

Организацию структуры специально сделал сложной: с уровнями, миссиями. Поначалу, чтобы раскрутиться, предлагал участникам самим найти человека в беде из числа знакомых, сослуживцев или соседей.

Дальше те, кому помогли, подкидывали «клиентов». А постепенно молва по всей стране разошлась.

На сайте «Кайроса» имелся адрес электронной почты «для организационных вопросов» — письма приходили лично ему. Иногда обращались журналисты. Просили об интервью. Зевс всегда отвечал: «Нам не нужна публичность. Но если окажетесь в беде, всегда можете обратиться за помощью».

Поначалу он действительно не хотел никакого пиара. Но со временем, когда ежемесячное число успешных миссий «Кайроса» перевалило за сотню, задумался. Он продолжал работать координатором в благотворительном фонде и зарплату получал соответствующую. Денег постоянно не хватало, работа надоела, путей для саморазвития Зевс не видел. Почему бы не монетизировать свою хорошую — да еще не имеющую аналогов! — идею? Понятно, что брать деньги за добрые дела нельзя. Но если получить государственную поддержку и найти меценатов, ему больше не придется ходить на ненавистную службу. Он полностью отдастся любимому делу. Приобретет мощный головной компьютер, организует нормальный сайт и, наконец, заживет нормально — вечно перебиваться, в буквальном смысле, с хлеба на квас давно надоело.

Но переход на официальные рельсы, считал Зевс, должен произойти максимально эффектно. Одно дело, когда ты просто даешь интервью неизвестно кому, и совсем другое — если популярный журналист в рядах соратников. Увлечен твоей идеей. Работает на нее. А потом с восторгом об этом напишет.

И все шло, как задумывал. Пока не погибла Ангелина. Ну, почему, почему именно она?!

Надька откровенно нервничала, а вот Полуянов встречи с мифическим «шефом» нисколько не боялся, наоборот: злость подступала. А еще интерес и азарт. Кто ему будет противостоять? Человек, несомненно, с харизмой, раз настолько глубоко Митрофанову в свои игры втянул. Но что может сработать с впечатлительными, слабыми девушками — не пройдет с ним, мужчиной.

Дима ожидал, что встретит их самец, глыба, но дверь в квартиру открыл обычный с виду дядечка. По типу — мелкий чиновник или какой-нибудь инженер по технике безопасности. Средних лет. В мешковатом костюмчике. Лысоватый. Тапочки в комплекте с «тройкой» и галстуком придавали образу даже комичность.

— Здравствуй, Надя.

К ней обратился на «ты». К нему — совсем другим тоном:

— Спасибо, что приехали, Дмитрий.

Протянул руку, и пожатие оказалось неожиданно крепким. Да, ты не прост, товарищ Зевс.

Усадил их в кресла, сам устроился напротив на псевдо-кожаном диванчике. Надя тушевалась под его взглядом, а Полуянов спокойно ждал.

Он перехватил его вопрошающий взгляд и криво усмехнулся:

— Ребята, вы неправильно выбрали жертву.

Надя нервно стиснула ладошки. Дима мирным тоном спросил:

— Простите, вы о чем? — мирным тоном спросил Дима.

— Ангелина Асташина — моя соседка. И позавчера вечером я был у нее дома. На следующий день она заболела. Сегодня ночью — умерла.

— Что?!.. — ахнула Надя.

— Да. Такое вот совпадение. Коттеджный поселок «Пореченское». В прошлом году я унаследовал там дом, а он расположен рядом с особняком Ангелины. Мы с ней просто соседствовали — «Доброе утро», «Хорошего вечера». У нас в поселке товарищество собственников жилья. В правлении работать никто не хочет, зарплата копеечная, а геморроя, как говорит молодежь, много. Но я человек, ничем не обремененный. Семьи нет, на службе график свободный, поэтому согласился. И в прошлую субботу как раз обходил все дома — собирал подписи по поводу установки тотального видеонаблюдения и выдачи магнитных ключей. В том числе заходил и к Ангелине. Пришел к ней примерно в семь вечера. Ангелина куда-то спешила. Уже наряженная, при макияже. Встретила в обычной своей манере. «Анатолий Юрьевич! Ну что опять не так? Борщевик под забором давно скосили, и езжу я по поселку как черепаха!»

— Вас зовут Анатолий Юрьевич? — нервно хихикнула Надя.

— Ну я и по внешности не очень-то Зевс.

— Зачем вы все это рассказываете? — поинтересовался Дима.

— В новостях сообщили, что Ангелина умерла от ковида. На самом деле это не так. Горничная Асташиной, Марта, сегодня общалась с моей домработницей и по секрету шепнула, что ей удалось подслушать. В портсигаре Ангелины обнаружили рицин.

— А почему в портсигаре? Ангелина разве курила? — сразу подобрался Полуянов.

— Нет, — покачал головой Зевс. — Она вела исключительно здоровый образ жизни. Но красивый серебряный портсигар у нее на столе, действительно, лежал. Я своими глазами видел его в субботу. Ангелина начала подписывать документы, которые я принес, но в моей ручке внезапно кончились чернила, и она побежала на второй этаж за своей. А пока в комнате никого не было, я из любопытства портсигар открыл. Там оказался белый кристаллический порошок. В интоксикантах я не разбираюсь, но мне

показалось, что это был кокаин. Да и глаза у Ангелины уж очень ярко блестели — никогда ее прежде такой не видел.

— И что дальше? — напряженно выдохнула Надя.

— Я закрыл портсигар. Ангелина вернулась с ручкой. Подписала мои бумаги, проводила к выходу, а через десять минут упорхнула сама — уехала на машине с шофером. Вернулась в семь утра. Я как раз в это время выходил на пробежку. Мы поздоровались. Снова выехала из дома уже в час дня — теперь сама за рулем. Когда вернулась, не видел. А вечером, примерно в восемь, к ней приехали «скорые». Две. Я из любопытства наблюдал из окна. Врачи пробыли в доме довольно долго, но в больницу Асташину не забрали. Я лег спать. А сегодня утром домработница сообщила мне ужасную новость.

Он вдруг остро взглянул на Надю и спросил:

— Пять дней назад в чате мастеров ты запросила на Асташину компромат. Зачем?

Надя, смущаясь и запинаясь, изложила. Несчастливая любовь читательницы из ее библиотеки. Бедняга на пороге самоубийства. Соперница — Ангелина.

— Я ничего даже толком не продумала, — виновато бормотала она. — И ни на что особо не надеялась. Просто бросила в чате мастеров пробный шар. Но мне сразу же ответила Марьяна...

Анатолий Юрьевич нахмурился, припоминая:

— Черноволосая, худенькая? Работает в гостиничном бизнесе?

— Д-да... Марьяна мне написала, что берется за дело. Хотя это и против правил, я пыталась выяснить, что конкретно она затеяла... И Марьяна ответила: «После того как я перешлю тебе файл, ни один человек не захочет иметь дел с Ангелиной. Жди. Послезавтра утром я выйду на связь». Но послезавтра утром мне позвонила ее подруга и сказала, что Марьяна не вернулась с работы домой.

— А где она работала? — вскинулся Зевс.

В разговор вступил Полуянов:

— Генеральным менеджером в свингер-клубе.

Зевс переменялся в лице. Дима жестко улыбнулся и, можно сказать, добил его:

— Ангелина была клиенткой клуба, а Марьяна — генеральным менеджером. Она пронесла в клуб телефон и начала снимать видео ее «милых» забав. Но один из клиентов это увидел. Марьяну начали бить. Начальник службы безопасности примчался на шум — но не успел. Марьяна от очередного удара упала, ударилась головой, и... мгновенная смерть.

«Мне все это снится, — в отчаянии подумал Зевс. — Господи, помоги!»

— Мобильник Марьяны, — продолжал Дима, — оказался в руках начальника службы охраны. Первую часть своего фильма она отослала, но он успел удалить файл, прежде чем Надя его открыла. Разумеется, его заинтересовало, кто получатель. Моя подруга у Марьяны записана как «Надя Полуянова». По моей фамилии. Многие знают, кто я, и что мы вместе живем. Шеф службы безопасности решил: зачем библиотекарше компромат? Она, скорее всего, работает на меня, то есть помогает достать разоблачительный материал. И сразу начал действовать. Вынудил меня с ним побеседовать... — Дима непроизвольно коснулся начавшего подживать синяка на скуле. — Я смог его убедить, что не собирался копать ни под клуб, ни под Ангелину. Мы даже вместе гадали: зачем Марьяне-то это нужно? Что она рискнула всем ради «Кайроса» — как-то не верится. Однако... если в портсигаре был кокаин... и туда добавили яд рицин... а вы этого, конечно, не делали... получается, его могла подмешать Марьяна?

— Бред! — твердо проговорила Надя. — Марьяна никогда не стала бы такого делать.

— Но если она убила... зачем тогда надо было фильм снимать? Тут уж или одно, или другое, — в растерянности произнес Зевс.

— Я тоже не понимаю, — честно признал Полуянов. — В то, что Марьяна убийца, мне не очень верится. Я внимательно изучал ваш устав. Добрые дела. Методы решения проблем — исключительно ненасильственные. Да и не просуществовал бы ваш «Кайрос» так долго, если бы одобрял любые методы. Значит, одно из двух. Или у Марьяны имелись личные причины уничтожить Асташину. Или... ее убил кто-то другой.

— У меня есть предположение, кто это сделал, — вдруг твердо произнес Анатолий Юрьевич.

Алена Шмелева с раннего детства любила сидеть за книгами. Но сказки ей надоели лет в шесть. Романы для взрослых тоже особого интереса не вызывали. Зато трехтомную детскую энциклопедию штудировала с прелевым удовольствием. Ей реально хотелось знать все столицы, запомнить, сколько лапок у муравья.

В школе она активно участвовала в олимпиадах. Блистала в местной команде «Что? Где? Когда?» И продолжала штудировать научно-популярные книги. По биологии, истории, филологии. «Аленка всегда все знает», — говорили о ней одноклассники.

Мама у девочки рано умерла. Отец больше не женился — посвятил жизнь дочке и дальнейшему развитию ее талантов. Он считал, что весь мир должен знать, какая умница его девочка.

Победы в олимпиадах помогли Аленке поступить в МГУ. Но учеба в престижном вузе шла не очень-то гладко. Тут требовали не энциклопедических, по верхам, а углубленных знаний. Успеваемость не блестящая, зато, стараниями папы, постоянно участвовала и побеждала в различных конкурсах.

Алену регулярно приглашали на телевидение, но пока только на кабельные каналы. И когда поступило приглашение в шоу «Три шага до миллиона», отец обрадовался чрезвычайно. Одно дело — грамоты, небольшие призы от спонсоров, и совсем другое — реальные деньги.

Эфир шел в записи. В момент съемок отец сидел дома и не отходил от телефона, ждал, когда Аленка выйдет на связь, чтобы использовать «Звонок другу».

До суммы в двести пятьдесят тысяч эрудированная девочка добралась вообще без проблем.

Прозвучал вопрос на полмиллиона:

— Есть четыре слова. Колесо. Просо. Лассо. Мясо. Какое из них по происхождению не русское?

— Н-ну... «мясо», я точно знаю, к нам пришло из санскрита, «Колесо» — из латыни. Просо... наверняка не помню, но, по-моему, греческое. Лассо — из испанского. Они все изначально не русские!

— Вы демонстрируете похвальную эрудицию, — сладко улыбнулась ведущая. — Давайте, я уточню вопрос!

Она едва уловимо нахмурилась — похоже, слушала, что вещает в наушник редактор, а потом с досадой произнесла:

— По вашей настоятельной просьбе мы меняем формулировку. Какое слово из этих пришло в наш язык позже всех?

— Тогда это совсем другой вопрос! — парировала Аленка. — К тому же, совсем не оригинальный. В передаче «Что? Где? Когда?» на эту тему настоящий скандал был! Там игрокам вынесли мясо, овес, просо и спросили, что в черном ящике. Федор Двинятин ответил — серсо. А в ящике оказалось пусто! Ведущий настаивал, что серсо — не русское слово, поэтому и нет ничего. А знатоки утверждали, что серсо, то есть обруч для одноименной игры, есть во всех словарях. Очко в итоге засчитали им! Так что я могу вам, конечно, ответить 0-«лассо». Но еще раз подчеркиваю: вопрос изначально сформулирован не корректно!

Глаза Ангелины злобно блеснули:

— Вы хотите поспорить с филологами, которые нас консультируют? И с редакторами?

— Конечно, — твердо отозвалась Аленка. — Лассо отличается от остальных трех слов только тем, что оно не склоняется. Можно сказать:

«Я не хочу мяса или проса». Но нельзя не хотеть «ласса». Только полно и других русских слов, которые не склоняются! Кофе. Пальто. Казино. И по факту все эти четыре слова — русские, потому что давно прижились в нашем языке. Но пришли в него из иностранного. Но не будем больше спорить. Правильный ответ — лассо.

Публика разразилась громкими аплодисментами.

— Итак, Алена Шмелева в жесткой форме ставит меня на место и забирает полмиллиона рублей! — возвестила Асташина.

Аленка вытерла пот со лба и счастливо улыбнулась.

Ангелина же объявила:

— А теперь финальный вопрос. Готовы? Или миллион, или ничего. Может, довольствуетесь тем, что уже есть? Или с вашей сумасшедшей эрудицией вы уже ничего не боитесь?

— Не боюсь, — храбро ответила девушка. — Тем более, у меня еще осталась подсказка. Звонок другу.

— Кто этот человек, можете раскрыть нам секрет?

— Конечно. Это мой папа. У нас с ним давно разделение: я больше гуманитарий, а он — по физике, химии, другим точным наукам. Так что вместе мы ничего не боимся.

— Ну что ж, проверим, — по-змеиному улыбнулась Асташина и с выражением зачитала:

— Шесть тысяч шестьсот тридцать шесть — это три. Две тысячи двести сорок два — это тоже три. Три тысячи триста шестнадцать — это один. Восемь тысяч сто восемнадцать — четыре. Где ошибка?

— Ой! — Аленка в смущении улыбнулась. — А я могу эти числа записать?

— По правилам нашей игры — нет. Тем более в финальном вопросе на миллион. У вас шестьдесят секунд. Время пошло.

— Нет-нет, — поспешно перебила Алена, — я использую подсказку «Звонок другу».

— Итак, звоним папе Алены! Тому самому второму известнейшему в стране эрудиту! — торжественно возвестила Асташина.

В студию вывели телефонный сигнал. Один гудок. Второй. Третий. Пятый.

— Папа, похоже, не отвечает, — вкрадчиво заметила Ангелина.

Длинные гудки продолжали идти.

— Но этого не может быть! — растерялась Алена. — Он знает, что сейчас съемки, и как это для меня важно.

Однако прозвучали еще десять долгих гудков — и звонок оборвался.

— Есть у вас еще кто-то, кто мог бы помочь? — заботливо спросила телеведущая.

— Н-нет. Только папа. Но он обязательно должен быть на связи! Наберите его еще раз!

— К сожалению, Алена, по правилам игры это невозможно. Или звоните кому-то другому, или попытайтесь ответить сами.

— Х-хорошо. Тогда Миша, мой однокурсник.

Парень отозвался с первого гудка. Алена начала быстро зачитывать вопрос. Но запиналась, нервничала. Так что на ответ у парня из шестидесяти секунд осталось десять, не больше. Включился зловеще тикающий обратный отсчет, и Миша выкрикнул:

— Ален! Я не знаю, но, наверное, это по количеству цифр! Три шестерки — значит, три! Две двести сорок два — три двойки. Три тысячи триста шестнадцать — одна единица!.. — и звонок оборвался.

— У вас хороший друг, — оценила Ангелина. — Как поступаем? Выбираем восемь тысяч сто восемнадцать?

— Нет-нет, подождите. Здесь что-то не так, — пробормотала Алена.

— И с чем же? Опять с формулировкой? — злобно улыбнулась Ангелина.

— Да. Мне кажется странным, что среди вариантов ответов — не одна, а две тройки. Так не формулируют. Какая-то засада. Скорее всего, одно из чисел, где вариант ответа «три», — неверное.

— Странная логика, — парировала ведущая.

— Обычная для подобных задач, — отозвалась Аленка.

Раздался зуммер.

— Время вышло. У вас готов ответ?

— А я могу отказаться?

— Аленушка, ну вы же знаете правила. Это невозможно, когда вопрос уже прозвучал. Отвечайте. Или я засчитаю вам поражение.

— Хорошо, — хладнокровно произнесла Алена. — Тогда я попробую угадать. Это две тысячи двести сорок два.

— И почему же? — иронически улыбнулась ведущая.

— Я не должна говорить, почему. Вопрос был: где ошибка?

— Ваш друг сказал: в числе две тысячи двести сорок два — три двойки. Вы с ним не согласны?

— Нет. В его рассуждениях нет логики.

— Как раз есть. Все остальные числа этой логике соответствуют. Значит, лишнее — восемь тысяч сто восемнадцать.

— Это слишком просто. Не для финального вопроса.

— Подумайте, Алена. На кону все-таки миллион рублей.

— Я... можно, пожалуйста, я еще раз позвоню папе? — девушка окончательно растерялась.

— Очень сожалею, но звонок другу вы уже использовали. Итак. Правильный ответ?

— Не знаю...

— У вас две секунды.

— Две двести... Ладно, нет. Пусть будет восемь сто восемнадцать.

— И это... ответ неверный! — радостно провозгласила Ангелина.

— Как?! — изменилась в лице девушка..

Все камеры обратились на Асташину. Ведущая с неприкрытым удовольствием произнесла:

— Итак, Алена рискнула — и проиграла все. Для получения правильного ответа надо было считать не цифры, а количество кружочков в них. Три шестерки — три кружочка. Две восьмерки — четыре кружочка. Одна шестерка — один. Ну и две тысячи двести сорок два — ноль!

— Я же и хотела это число! — сквозь слезы выкрикнула Алена.

— Однако выбрали другое, — хладнокровно парировала Ангелина.

— Это вы специально! Специально меня заваливали!!!

— Мало быть эрудированным человеком, — поморщилась ведущая. — Надо еще и уметь проигрывать достойно. С вами было шоу «Три шага до миллиона». Единственная передача в стране, где деньги можно заработать собственным умом.

— Я люблю смотреть «Три шага до миллиона», — сказал Зевс. — Интересно наблюдать за контрастом между обычной женщиной, соседкой, и блестящей телеведущей. В жизни Ангелина совсем не такая, как на экране. Была... Я читал, что выпуск с Аленой Шмелевой собрал рекордный рейтинг. Но нигде не написали, что закончилось то шоу трагедией. Когда передача вышла в эфир, девушки уже не было в живых. После съемок она выскочила из Останкино в слезах. Папа на восемнадцатилетие подарил ей машину, Алена совсем недавно получила права и не слишком уверенно чувствовала себя на дороге. А уж когда в растрепанных чувствах... Домой она не вернулась. Попала в аварию. Разбилась насмерть. Вы не слышали об этом? — обернулся Зевс к Диме.

— Нет.

— Я так и думал. После трагедии отца пытались зазывать в ток-шоу, но он отказался категорически. Сказал, что не хочет пиариться на смерти дочери, которая была для него всем.

— Откуда вы это знаете? — спросил Дима.

— Да потому, что отец начал преследовать Ангелину. Выяснил, где та живет. Приезжал в наш поселок. Стоял под ее окнами с плакатом: «УБИЙЦА». Считал, что в смерти дочери виновата исключительно Ангелина. Ответ на последний вопрос был для него, математика по складу ума, элементарным. Но дочка не смогла до него дозвониться. Хотя он все время сидел рядом с телефоном, никаких звонков с телевидения ему не поступало.

Администрация «Трех шагов до миллиона» объяснила это техническим сбоем. Но отец считал, что ведущая разозлилась на Аленку за то, что она уела ее в предыдущем раунде, и сделала все, чтобы девушка не выиграла — а фактически убила.

Мне, как сотруднику правления и соседу Асташиной, поручили урегулировать ситуацию. Но я не смог вышвырнуть несчастного с позором, как того требовала Ангелина. Уговорил его зайти ко мне. Мы выпили чаю. Он был безутешен. Я пытался успокаивать его. Но, знаете... иногда обязательно нужно найти того, кто виноват в смерти дорогого человека. Переубедить отца Алены оказалось невозможно. С плакатами он больше не приезжал, но я видел его еще несколько раз. Последний — два дня назад. Гулял в лесу вблизи поселка и встретил его там. Вместе с Мартой, горничной Ангелины.

— Почему вы сообщаете об этом мне, а не следствию? — быстро спросил Дима.

— А вы не понимаете, что начнется, если я его сдам? Мотив у Шмелева есть. Где живет ведущая, он знает. С ее горничной знаком. Да никто не будет разбираться, его сразу «закроют»! Хорошо будет поступок. Особенно для Зевса. Но и промолчать я не могу. На кону — «Кайрос», единственное, что у меня есть. Вы оба состоите в сообществе. И ваша подруга — мастер! — заварила эту кашу. Я хочу найти настоящего убийцу. Если докажете, что это Шмелев — так тому и быть. Но убедиться должны вы. Я не могу себе позволить обвинять его голословно. Считайте это моей личной просьбой. И вашей самой важной миссией.

Директор «Спартака» почел за благо клуб экстренно «свернуть». Больших сложностей с этим не возникло. Особняк в ближнем Подмосковье принадлежал частному лицу. Владелец полагал, что сдает жилье нелегальным игрокам в покер, но, по условиям договора, доступа внутрь в течение срока аренды не имел. На случай, если следствие вдруг проявит излишнее рвение, было решено временно эвакуировать все компрометирующие предметы антуража. Игорю поручили проследить за перевозом эротических картин и остальной атрибутики на теплый склад.

Клиенты «Спартака» — всех известили по телефону — выражали неудовольствие, что их лишают любимых забав, но директор заверял: неудобства временные. В ближайшее время клуб переедет в новое помещение и возобновит работу.

Игорь продолжал обвинять себя в смерти Марьяны. Тосковал. Чтобы отвлечься, строил бесконечные версии. Почему она так поступила? Зачем ей нужно было обязательно скомпрометировать Ангелину? Постоянно шерстил Интернет, ждал подсказки. Про исчезновение Марьяны в сети —

ни слова. Но во вторник утром появилась официальная информация: Ангелину отравили. Причиной смерти стал ризин — белый порошок без вкуса и запаха. Вероятно, яд был подмешан в наркотик, который она нюхала, и вызвал обширное поражение дыхательных путей. Доследственная проверка обратилась в уголовное дело. «Устанавливается, где она провела ночь накануне гибели».

Значит, выяснили, что ночью Асташина куда-то уезжала. Но знает ли кто-то из ее окружения, куда конкретно? И смогут ли отследить путь по записям камер видеонаблюдения?

Когда Игорь по поручению шефа подбирал «Спартак» место дислокации, одно из требований было — максимально в стороне от любопытных глаз. Именно поэтому разместились не на Рублевке или Новой Риге, где все прошито наблюдательной аппаратурой, а в неприметном поселке, где наверняка не было никаких камер. Но даже если опросят немногочисленных местных жителей, безусловно, замечавших скопление дорогих машин возле клуба, внутри уже ничего не укажет на то, что здесь происходило прежде. И клиенты клуба тоже вряд ли помогут следствию: никто из них не заинтересован, чтобы их забавы стали достоянием гласности.

Но все же, кто это сделал? Неужели Марьяна?!

Игорю снова вспомнилось ее хрупкое, недвижимое тело, распластанное на паркете, и на душе стало совсем мрачно.

Чтобы печальные мысли совсем не одолели, он решил отвлечься и отправился в очередной обход особняка. Все под контролем. Двое рабочих упаковывают эротические картины, еще несколько грузят в фургон двуспальные кровати.

Он прошел в серверную.

Пусть официальных камер на пути следования к особняку не имелось, внутреннее наблюдение по периметру и на прилегающей улице они установили. Вдоль заборов никого. А вот в начале улицы припаркована машина. Черная «мазда». Рядом с ней человек. Облокотился спиной на капот, подставил расслабленное лицо осеннему солнцу. Фигура показалась Игорю знакомой. Он увеличил изображение и скрипнул зубами. Журналист. Тот самый. Все-таки нашел.

Игорь подошел к нему и зло спросил:

— Зачем ты здесь?

— Просьба к тебе. От Марьяны, — улыбнулся Полуянов. — У нее два кота остались. Надька моя требует, чтоб мы их себе забрали. А я этих наглых тварей терпеть не могу. Вот, подумал: может быть, ты возьмешь?

— Издеваешься?!

— А куда их девать еще? Родственников нет, а в приют Надежда не хочет.

— То есть только из-за котов приехал.

— Нет. Я расследую смерть Асташиной. Очевидную версию — что ригин подмешала Марьяна — пока тоже не исключаю, но она у меня не основная. Поэтому хотел узнать: есть у тебя еще кто на подозрении? Возможно, она ссорилась или враждовала с кем-то из клиентов? Или из сотрудников?

— Я не собираюсь отвечать на твои вопросы.

— И зря. Это в твоих интересах. Включи мозг. Яд ей могли подложить и дома, и по пути сюда. Тебе ведь тоже выгодно, чтобы я отцепился от «Спартака». Поэтому, если ее убили не здесь, подскажи, где искать. Если знаешь.

Игорь молчал. Тогда Полуянов беззаботно произнес:

— Следствие сейчас устанавливает, где она ночь накануне провела. Я это знаю наверняка, но полицию на вас не натравил. Решил тебя сначала спросить.

— Ни с кем из клиентов Асташина не враждовала, — твердо сказал Игорь. — У нас атмосфера любви, а не ненависти. Она вообще предпочитала ребят из эскорта, и они с ней охотно работали. Да, кто-то из посетителей иногда подключался, но в подобной обстановке ссоры случаются редко. Мужики от Ангелины всегда в восторге. Говорили между собой, что горячая штучка. Но кое-что я подметил.

— Что?

— В ту ночь она к нам приехала на такси. Раздолбайка класса «эконом». Я когда встречал, пошутил: «Тяжелые времена?» Ангелина засмеялась: «Да не говори! На шоссе ловила, как последняя проститутка!» Я спросил: «А что не так с лимузином? Сломался?» Она зло ответила: «Хуже. Подставили меня. Прикинь? Шофером мой давний недруг оказался. Я его и не узнала сначала, а он по дороге начал претензии предъявлять. Еле вырвалась». «Давай поймем и накажем», — предложил я. А она: «Нет-нет, не надо. Я с ним сама разберусь. И с транспортной компанией тоже».

— Вот как... — Дима сразу подумал про несчастного Аленкиного отца. И вкрадчиво спросил: — Может, и название компании скажешь?

— Она всегда приезжала на лимузинах из «Альдебарана».

— Спасибо, Игорь, — тепло произнес Полуянов. — Проверю. У меня остался только один вопрос. Котов возьмешь?

— Да я их тоже терпеть не могу.

— А в память о Марьяне?

— Сволочь ты! Я подумаю.

Митрофанова в задумчивости сидела перед библиотечным компьютером. С экрана ей подмигивала программа: книги по читательским требованиям подобраны, надо идти забирать. Но Надя никак не могла

заставить себя встать и взяться за дело. Какие могут быть книги, когда по ее вине погибли двое?! После того, как она поставила «Кайрос» под угрозу?..

Старинная (еще, говорят, издавшая Салтыкова-Щедрина) дверь растворилась, и в читательский зал впорхнула Юля. Выглядела она сногшибательно. Элегантный брючный костюм, затейливая короткая стрижка, идеальный макияж. Только чуть беззащитный взгляд напоминал о прежнем типаже — строгой училке.

Обычно шла неторопливо, степенно, а сейчас бросилась к Наде бегом, обогнула стойку, кинулась ей на шею и горячо завизжала:

— Спасибо, спасибо!

Читатели в зале начали с неодобрением поднимать головы от своих талмудов. Но Юля, прежде трепетно относившаяся к святой библиотечной тишине, не обратила на них никакого внимания.

— Надечка, милая! Что бы я без тебя делала! Феликс вернулся ко мне! Мы, наверное, завтра заявление пойдем подавать!

Надя схватила Юлию за руку, потащила прочь из зала и, едва вышли в коридор, зашипела:

— Ты совсем с ума спятила?!

— А что такого? — Юля в недоумении захлопала глазами. — Я тебе действительно очень благодарна!

— За что?!

— Как за что? Ты мне любимого вернула! Феликс говорит — провидение, но я-то знаю: это сделала ты!

— Ты... ты в чем меня обвиняешь?! Ангелину убили! Я не имею к этому отношения! И никому вообще не смей говорить, будто я тебе что-то там обещала!

— Ой... Надь, прости. Но я так счастлива!

— Из-за чего? Что человек погиб?!

— Что Феликс — снова со мной! А Ангелине так и надо. Получила, наконец, свое, тварь, то, что заслуживает. Пусть горит в аду.

Надя окончательно растерялась и забормотала:

— Я не собиралась тебе помогать. Просто жалела! Пыталась как-то утешить...

— Нет, — упрямо отозвалась Юля. — Ты сказала конкретно, что попробуешь Феликса вернуть. Что у тебя, мол, для этого есть возможности. Я не поверила. Но ты действительно это сделала!

— Я ничего не делала!

— Ой, Надя, — понизила голос Юля, — я, наверное, действительно глупая. Как все влюбленные. Но ты не бойся! Конечно, я никому ничего не скажу! Клянусь!

«Полиция придет — скажешь. Да и весь зал уже видел шоу, — в отчаянии подумала Надя. — Бог ты мой, что я натворила?!»

В семь тридцать утра водитель Симаков не явился на предрейсовый осмотр, хотя знал, что в девять у него выезд с VIP-клиентом.

«Альдебаран» — не какое-то там «джихад-такси». Отбор скрупулезный, оплата достойная. Симаков должен был понимать, что за прогул не просто выгонят — вся дальнейшая карьера окажется под большим вопросом. Но все равно на работу не явился. И телефон выключил.

Дежуривший сегодня менеджер был молод и работал в «Альдебаране» лишь второй месяц, но инструкцию, как действовать в подобных случаях, знал хорошо. Первым делом он экстренно вызвал водителя на замену. А когда удостоверился, что рабочий процесс не пострадал, лично поехал к Симакову домой. Мало ли что? Вдруг плохо человеку стало?

Дверь никто не открыл. Менеджер побеспокоил соседей. В ближайшей квартире никого не оказалось, а вот бабуся, что жила напротив, с удовольствием доложила:

— Да съехал он. Вчера. Еще с хозяином ругались. Тот залог не хотел возвращать за то, что без предупреждения, и ему теперь в срочном порядке новых жильцов искать. Но, вроде, договорились.

Менеджер вернулся в офис в большой задумчивости. Сразу открыл в компьютере путевой лист Симакова за позавчерашний день. В отличие от несерьезных контор, где отследить реальный маршрут невозможно, в «Альдебаране» контроль был двойной. Помимо списка заказов и адресов, в компьютер в автоматическом режиме подгружались данные с видеорегистратора.

Запись имелась. Но напротив последнего за день рейса Симакова в программе мигал красный восклицательный знак.

Менеджер покрылся холодным потом и открыл файл.

Проблема обнаружилась с последним заказом.

Вызов к десяти вечера. Клиент — Ангелина Асташина. Маршрут: точка отправления — поселок Пореченское. Пункт назначения — деревня Дубки.

«Запись стерта», — извещала программа.

«Но от Асташиной-то никаких жалоб не поступало!» — в отчаянии подумал менеджер.

Фамилия клиентки очень его беспокоила. Лично он с ее заказами не работал ни разу. Но почему на душе так тревожно?.. Эта Ангелина — какая-то, что ли, звезда?

Дрожащей рукой кликнул по иконке поисковика — и сердце окончательно рухнуло куда-то в желудок...

Полуянов запутался окончательно.

Расследования, в том числе по уголовным делам, вести доводилось, но прежде еще не бывало, чтобы на роль убийцы годились сразу четверо.

Марьяна с Ангелиной, по невыясненным пока причинам, враждовала.

Аленкин отец, Евгений Петрович Шмелев, считал, что Асташина виновна в гибели его дочери. Бывал в Пореченском. Общался с горничной телеведущей.

А «Зевс», Анатолий Юрьевич, очень элегантно его подставлял. При этом сам проживал в соседнем с Ангелиной доме, накануне гибели ее навещал.

А теперь еще и некто Симаков появился на сцене.

...В «Альдебаран» Дима приехал очень вовремя. Руководитель транспортной компании отсутствовал, а растерянный менеджер легко купился на его наспех придуманную легенду: мол, я юрист Асташиной, выясняю, как она провела свой последний день на земле, и хочу знать, по какой причине ваш шофер не довез ее до места назначения накануне вечером.

— То есть, как не довез? — побледнел клерк.

— Да вот так. Ей пришлось выйти на полпути и ловить машину. А по дороге ваш водитель ей угрожал. У вас есть запись с видеорегистратора?

— Да... то есть нет... Симаков ее стер.

— И вы не разобрались с этой проблемой?

Клерк совсем позеленел:

— Но запись в компьютер автоматически подгружается. Мы не заметили, что она не охватывает всю смену... И жалоб от клиентки не поступало. Симаков у нас больше года работал! На хорошем счету, никаких замечаний!

«Мог ли отец Алены Шмелевой устроиться в «Альдебаран» под фамилией Симаков?» — сразу же предположил Полуянов.

Но несчастному родителю в районе полтинника, а с фотографии в личном деле шофера на него смотрел совсем молодой (вряд ли старше тридцати пяти) мужик.

— Он прежде возил Ангелину? — спросил Дима.

Менеджер заглянул в компьютер, пробормотал:

— Нет, — и спросил безнадежно: — А что теперь будет?

— Если ваш Симаков ее не убивал — ничего, — милостиво сказал Дмитрий. — Семья не заинтересована в шумихе.

Он попробовал еще поднажать, вытребовать личное дело Симакова, но тут уж менеджер уперся:

— Я и так вам сказал слишком много! Как, говорите, ваша фамилия? Я директору доложу.

Дима пробормотал нечто нечленораздельное и поспешил ретироваться.

Итак, еще один. Михаил Аркадьевич Симаков, девяносто пятого года рождения. Они-то что с Асташиной не поделили?

Ксюша трудилась журналисткой в бульварной газете «XXL» и работу свою обожала. Зарплата, конечно, так себе, зато «плюшек» много. Косметику давали тестировать, наряды брендовые. В рекламные туры отправляли. Тусовки, фуршеты постоянно. Никакого сравнения со скучищей, когда она в «Молодежных вестях» была на практике. Да и редакционная политика «XXL» платить источникам за горячие новости широкие возможности открывала. Деньги для информаторов сотрудникам выдавали наличкой, отчет требовали рукописный. Арифметика простая: получаешь в бухгалтерии, допустим, двадцатку, а с «поставщиком» можно и за три договориться, если повезет.

Сегодня на планерке главный особо подчеркнул: убийство Асташиной для «XXL» в приоритете, и Ксюша за тему с удовольствием уцепилась. Она про Ангелину и раньше писала — с тех пор, как та из нищеводки вдруг обратилась в богатую вдовушку. Вокруг особняка бродила, фоторепортаж делала. У неудачливых игроков шоу «Три шага до миллиона» брала интервью. А сейчас совсем «клубничка», да какая — двойная порция, со сливками! Благостная вдовушка на белом порошочке сидела — бомба! А когда в него ризин подмешали, получился самый настоящий ядерный взрыв!

Сразу, как объявили о смерти телеведущей, Ксюша выложила на сайт «XXL» объявление: газета готова заплатить за любую относящуюся к делу информацию. Но пока что улов был скромный. Коллега Асташиной (младший редактор на шоу «Три шага до миллиона») поведала, как телеведущая на нее однажды орала, а в конце разноса запустила мраморной подставкой для канцтоваров. Соседка по поселку Пореченское (молодая мамаша) жаловалась, что Ангелина неслась на «порше» и едва не сбила коляску. За такие «штрихи к портрету» Ксюша даже по пятьсот рублей платить отказалась.

Но сегодня ей позвонил мужчина. Сказал, что зовут его Виктор Вадимович, он кандидат наук и готов назвать как заказчика, так и исполнителя преступления.

— А у вас справка имеется? — фыркнула Ксюша.

— Вы о чем? — растерялся ученый.

— Что на учете в психдиспансере не состоите.

— Что за инсинуации, — возмутился он, — я — доцент кафедры всеобщей истории, в университете преподаю!

— Почему тогда с убийцами общаетесь? — лукаво спросила Ксюша.

Но вывести кандидата наук из равновесия ей не удалось. Виктор Вадимович деловито спросил:

— Сколько вы готовы заплатить за информацию?

— Если у вас есть доказательства — хоть сто тысяч. За болтовню — ничего.

— Ну... конкретных доказательств у меня нет. Однако имеются чрезвычайно любопытные наблюдения. Мы можем встретиться?

— Кафе «Техникум». Ланч за ваш счет, — предложила Ксюша. — Пообщаемся. Я оценю информацию. Если стоящая, сразу выдам наличку.

— Три тысячи мне хватит? — осторожно спросил ученый.

— Если я откажусь от французского шампанского, то да.

— Ладно. Говорите, куда подъехать.

— Вы не знаете, где находится «Техникум»? — расхохоталась Ксюша.

Доказательств ученый, конечно, никаких не принес. Но информацию предоставил любопытную.

Что Ангелина в последний месяц стала встречаться с танцором Феликсом Шарыповым, Ксюша и раньше знала. Но кандидат наук рассказал: прежней девушкой у звезды балета была некая Юлия. Читательница зала всемирной истории в его любимой библиотеке.

— Они с Феликсом там и познакомились. Он к нам ходил, когда восстанавливал балет «Классическая симфония» для своей хореографической академии. Роман на наших глазах развивался. Феликс цветы Юле носил. Когда библиотека закрывалась, ждал ее. Целовались. Кафе посещали.

— Документальное подтверждение есть?

— Разумеется, — не смутился ученый, — я сплетнями не торгую.

Он достал из потертой кожаной папки несколько фотографий. Действительно: Феликс и какая-то замороженная селедка в кофточке под горло. Сидят за одним библиотечным столом. Идут по широкой мраморной лестнице в обнимочку. Слились в страстном поцелуе.

— Фамилия этой Юли? — потребовала журналистка.

— Все факты после оплаты, — отрезал кандидат наук.

— Пока платить не за что.

— Это еще не все. Примерно пару недель назад Феликс и Юля поссорились. Он в библиотеке появляться перестал, она ходила сама не своя. А несколько дней назад попыталась с собой покончить.

— Вы откуда знаете?!

— Так она прямо в библиотеке и хотела выпрыгнуть из окна. Третий этаж. Потолки больше пяти метров. Но ей помешали.

— Кто?

— Одна сотрудница, — хитро улыбнулся ученый. — Кто именно — пока не скажу.

— И вы за это денег хотите? — издевательским тоном спросила Ксюша.

Ученый на ее выпад не отреагировал и хладнокровно продолжил:

— Я подслушивал их разговор. Сотрудница сказала Юлии: «Я помогу тебе его вернуть». Бедняга, конечно, не поверила: «Что ты можешь? Ты всего лишь библиотекарь». Но та клялась, что у нее есть, как она сказала,

все возможности. У меня имеется аудиозапись разговора, а также фотография Юлии на подоконнике.

Ксюша задумалась, потом спросила:

— И что было дальше?

— Юля слезла с окна...

— Ну, так все понятно! Эта ваша сотрудница ее просто успокоить пыталась!

— ...А через пять дней Ангелину убили.

— Вы, кажется, говорили про доказательства, — хихикнула журналистка.

— У меня нет, разумеется, фотографий с места убийства, но вчера Юля прибежала в библиотеку счастливая и абсолютно преображенная. На весь зал кричала, что Феликс к ней вернулся. И горячо нашу сотрудницу благодарил. А та просила ее говорить потише.

— Это все?

— Да.

Ксюша быстро соображала. Никаких, конечно, реальных фактов. Но снимки Феликса и «селетки» читателям, несомненно, подойдут. Да и вообще история нормальная: и Золушка есть, и типа мститель — библиотекарша. Так и напишем: пообещала «вернуть любимого». Раз аудиозапись имеется, никаких судебных исков против газеты не будет.

— Вообще эта ваша история стоит, максимум, тысячу, — сказала она. — Но, учитывая, что есть фотографии, аудиозапись, и вы за ланч заплатили — ладно, три. — Увидела разочарование на его лице и поспешно добавила: — Хорошо. Пять. Но это последнее слово.

— Договорились, — быстро кивнул ученый.

Она протянула рыжую купюру, приняла фотографии (одна, где Юлия на самом краешке подоконника, — реально эффектная), достала блокнот и строго сказала:

— Теперь фамилии. Этой Юлии и сотрудницы.

Фамилия Золушки ей ни о чем не говорила. Но когда услышала вторую, аж поперхнулась:

— Как вы сказали?

— Митрофанова. Надежда Митрофанова. Исполняющая обязанности заведующей зала всемирной истории.

Вот это да! Повезло, так повезло!

Даже хотела дополнительно пятерочку информатору добавить — от полноты души. Но от неразумного порыва, конечно, удержалась.

Мишу Симакова еще в девятом классе обязали раз в неделю ходить к психологу. Инспекция по делам несовершеннолетних настояла после то-

го, как однокласснику лицо разбил, причем без особого повода — просто показалось, что тот на него косо смотрит.

Родители тогда смогли организовать, что драка вроде как была обоюдная, и ставить Мишу на учет в полиции не стали. Психиатры под контроль тоже не взяли, сказали: нормальный, просто вспыльчивый. Так что обошлось сеансами у психолога, и та долго убеждала, что свои эмоции нужно учиться контролировать, иначе и в институт не возьмут, и «права» не получить.

В вуз Миша и так не собирался, но водить машину всегда мечтал. Поэтому нрав сумел обуздать. Если накатывало, сдерживался. Только дома (когда без свидетелей) орал во всю глотку или посуду (треснутую, что все равно на выброс) бил — как психолог научила.

С годами характер у Миши стал мягче. Работать пошел сначала в такси, а когда поднабрал стаж — в персональные водители. Иным клиентам, конечно, иногда хотелось дать в морду, но сдерживался. А когда устроился в солидную фирму, психовать совсем перестал: крошечная жалоба — и мигом вылетишь. К тому же с возрастом понял, наконец, что добиваться цели можно, только если ты хладнокровен.

Но когда на заднее сиденье впорхнула ненавистная, сытая, довольная, лоснящаяся довольствием и богатством Асташина, все выстраиваемые принципы полетели в тартарары.

Надя ощущала себя самым несчастным человеком на свете. Ощущение, будто против нее весь мир, ни от кого нет поддержки. Читатели в зале смотрят с тревожным любопытством. Мастера в чате «Кайроса» затаились — вероятно, злорадствуют про себя, ждут развязки. А хуже всего, что Димка — невыспавшийся, бледный, хмурый — сразу дал понять, что следствие он будет вести самостоятельно, и в ее помощи не нуждается.

Митрофанова много раз пыталась уговорить его, чтобы работали в связке, но Полуянов неласково отвечал:

— Спасибо. Я уж лучше сам.

Наконец она не выдержала. Пинком растворила дверь в святая святых — его кабинет — и заорала:

— Не могу так больше! Я... я, знаешь, что сделаю? Сейчас пойду в полицию и во всем признаюсь! Не могу больше в себе все это носить! Пожалуйста, поддержи меня! Хотя бы капельку!! И дай свою вину загладить. Я хочу тебе помочь!

— Истинно женский подход, — пробурчал Полуянов. — Сначала заварить кашу, а потом еще и требовать утешений.

— Дима, — взмолилась она, — да не надо меня утешать! Наори! Отругай! Но давай мы снова будем вместе, а не каждый сам по себе!

— Ох, Надюшка, а тебе в голову не приходит, что мне тоже тяжело? И даже иногда бывает страшно?

— Так давай я помогу!

— Как своей читательнице помогла?

— Ди-има! Ну, то была самодеятельность! Глупая. Даже преступная. А сейчас я строго под твоим руководством.

— Да что ты можешь реально сделать — кроме оладий?

— Вообще-то, обидно.

— Ну, хорошо, — саркастически улыбнулся он. — Бери тогда блокнот, записывай. Симаков Михаил Аркадьевич. Одна тысяча девятьсот девяносто пятого года рождения. Последние два года — до позавчерашнего дня — работал водителем в компании «Альдебаран». Симаков вез Асташину в свингер-клуб, но почему-то высадил на полпути. Запись с видеорегистратора стер, на следующую смену не явился. С квартиры съехал. Нужно выяснить, почему, и где он сейчас.

— А как же я это узнаю? — растерялась Надя.

— Ну, если не можешь, чего тогда помощь предлагать? Иди жарь оладьи, — хладнокровно добил Дима.

Евгений Петрович Шмелев проживал в «сталинской» восьмизэтажке неподалеку от Тишинского рынка. Совсем рядом грохотала Тверская, а здесь — двор обшарпанный, простыни развеваются на ветру, в песочнице без присмотра валяется груда игрушек, домофон в подъезде сломан. А вот вездесущих бабушек, к сожалению, не оказалось; вместо них на лавочке нагло грелась пара жирных котов.

Диме сразу вспомнились Куксик и Ричи, ответственность за которых пришлось взять на себя. Можно было, конечно, поручить устройство их судьбы Митрофановой. Но допустить, чтобы она встречалась с Игорем, Полуянов не мог. Опасался, что «морячок» не удержится, выскажет ей все, что думает про ее «миссию» и нечаянную смерть Марьяны. Поэтому пришлось самому тащиться с раннего утра на другой край Москвы. Гоняться за шипящими тварями по всей квартире, распихивать животных, за неимением переноски, по двум спортивным сумкам, а потом слушать в машине двухголосый вой и заверять непривычно растерянного Игоря, что на самом деле это милые, дружелюбные создания.

Когда перекинули питомцев в огромный джип, Полуянов мимоходом спросил:

— Новости есть?

Начальник службы охраны поморщился:

— Ты знаешь свою коллегу Ксюшу Кременскую?

Дима задумался на пару минут и вспомнил:

— Она у меня практиканткой была. Давно, года три назад. В штат не взяли. Где сейчас — не знаю.

— В «ХХЛ», — с нескрываемым отвращением сказал Игорь. — Похоже, что-то пронюхала. Крутилась вчера в Дубках, про клуб местных расспрашивала.

— Кто-то, видно, стукнул. Эта газетенка за информацию неплохо платит.

— Ты на нее повлиять не можешь? Чтобы не лезла не в свое дело. А то директор совсем в панике.

— Не любит наш брат, когда на него влиять пытаются, — вздохнул Дима. — Но пусть твой босс особо не переживает. Ксюша — так, только поголосить, аналитика ей не по силам.

— Шеф готов заплатить, если «Спартак» нигде не всплывет.

— Этого гарантировать не могу, — покачал головой Дима и тут же посоветовал: — Валил бы ты лучше, куда подальше. Вместе с котами.

Но «морячок» отрезал:

— Я — не крыса, с тонущего корабля не побегу.

Что оставалось? Лишь заверить, что лично он публиковать «клубничку» точно не станет. Не в его интересах. Полуянову самому казалось, что подмешали Асташиной яд не в «Спартаке». А если так — клуб вообще незачем впутывать.

... Прежде, чем отправляться к Шмелеву, Дима собрал о нем все возможные сведения. Евгений Петрович окончил химико-технологический. Пока существовал СССР, работал в НИИ. Начиная с середины девяностых пытался приспособиться к новым условиям. Но все его собственные бизнесы — от кооператива, открытого в девяносто шестом, до ООО в две тысячи седьмом — стабильно прогорали.

Семью содержала жена, она трудилась бухгалтером в нефтянке. А когда в две тысячи двенадцатом супруга скончалась, Евгений Петрович прекратил попытки разбогатеть и стал репетитором. Преподавал точные науки. Родители школьников жаловались: не может детей мотивировать, а студенты упрекали в том, что объясняет слишком сложно. Евгений Петрович на эти выпады реагировал едко. Говорил, что «ученик должен сам захотеть усвоить материал и хотя бы минимально напрячь мозги».

Эталоном для него, вероятно, была дочка, которая во всем его поддерживала. На всех ресурсах, где оценивали преподавателей, обязательно имелся отзыв от Алены Ш. с гневной отповедью критикам.

Когда год назад девушка погибла, жизнь ее отца покатила под откос.

Евгений Петрович пытался судиться с шоу «Три шага до миллиона» и лично Ангелиной Асташиной, но оба иска остались без удовлетворения. Пробовал сам мстить Асташиной, но итогом стало ее заявление о «преследовании и попытке незаконного проникновения в жилище», и Шмелеву пришлось административный штраф заплатить.

Отчаявшийся отец запросто мог решиться на радикальный шаг — на убийство. Но точно так же его могли и подставить. Идеальная фигура: одинокий, пьющий. Всем, кто желает слушать, готов рассказывать, какая Асташина гадина...

Дверь распахнулась, едва Дима успел надавить на кнопку звонка. Следы Шмелев за собой, его можно было бы назвать идеальным мужчиной. Породистое лицо, хорошая фигура. Но сейчас он выглядел даже хуже, чем на фотографии в пьяном виде из районной газеты. Небритый, всклокоченный, глаза с набрякшими веками красные. Ощутимый запах спиртного. Увидел Диму и утвердительно сказал, не спрашивая:

— Ты не из ментовки.

— Нет. Я журналист.

Шмелев сразу оживился:

— Откуда?

— Дмитрий Полуянов. «Молодежные вести».

— Ого! Тот самый? Зачем пришел?

— Хочу с вами про шоу «Три шага до миллиона» поговорить.

— Что ж ты так поздно? — безнадежно протянул Евгений Петрович, но пригласил в комнату: — Проходи.

Комната выглядела странно. В одном углу — вопиющий бардак. Диван с комком грязного постельного белья, рядом телефон с разбитым стеклом, пустая водочная бутылка, упавший на бок граненый стакан. А напротив — идеально чистая и, несомненно, девчачья территория. Аккуратно застланная постель. На тумбочке настольная лампа и плюшевый медвежонок, перед кроватью аккуратно стоят пушистые тапочки.

Шмелев перехватил его взгляд и пробормотал:

— До сих пор жду, что вернется.

Дима снял с единственного стула пачку старых газет, смел крошки и, присев, мягко сказал:

— Евгений Петрович, я очень сочувствую вашему горю.

— Да что мне сочувствие ваше, — пробормотал Шмелев. — Она для меня всем была. Понимаете, всем! Лучом света. Отрадой. Я только ради нее просыпался. Дышал. Жил! А эта гадина ее уничтожила. Расчетливо. Хладнокровно. Ведь понимала, что для меня тот вопрос на миллион — семечки! Тьфу! Элементарная задачка из олимпиады для четвертого класса! Потому и устроила так, чтобы я на звонок не ответил! Беда в том, что все

так и задумано было! Асташина знала ее слабое место! Столько анкет заполнили, редакторы жилы тянули. Они там, в «ящике», понимали, что мы все силы на гуманитарку и на естественные науки бросили. Аленка на любой вопрос по литературе, истории, биологии, географии могла сама ответить. А математику с физикой мы с ней только на базовом уровне закрывали, и подсказку она специально сберегла, чтоб я ей на решающем этапе помог. Они специально все это спланировали. Чтобы довести ее до самого пика, а потом уничтожить. На всю страну. С особым цинизмом. — Он закрыл лицо руками и глухо добавил: — Этой твари еще хватило наглости принести нашей семье официальные соболезнования. И предложить компенсировать расходы на похороны.

— Вы согласились?

— Нет, конечно!

— Но справедливость в итоге восторжествовала, — бросил пробный шар Дима.

— Ты про то, что сдохла она? — усмехнулся Шмелев. — И где ты здесь видишь справедливость? Асташиной давно пора было в ад! Еще когда своего мужа угробила! А Аленушке моей — жить бы, да жить!

— Вы рады, что она умерла?

— Конечно. В бога я не верю, но высшая справедливость на свете должна иметься.

Тяжело Полуянову было в этой комнате. Окна зашторены, запах не просто спертый, но какой-то удушающий, со странной, специфической примесью. В жилых домах, даже запущенных, так не пахнет.

— А что в той комнате? — кивнул Дима на плотно закрытую дверь в соседнее помещение.

— Тебя не касается, — грубо отозвался Шмелев.

Но Полуянов не отставал:

— У вас, я так понимаю, «двушка». Почему же вы с дочкой в одной комнате спали?

Шмелев вдруг вскочил и громко заорал:

— Слушай, ты кто такой вообще?!

— Я действительно собираюсь сделать большой материал о том, что Асташина на том шоу поступила подло. Но прежде хочу выяснить, кто убил Ангелину, — спокойно произнес Дима.

— Ты не по адресу, — расхохотался Шмелев. — Думаешь, я, ничтожный слабак, могу кого-то убить?

— Тогда объясните, зачем вы встречались с Мартой.

— С кем?

— Марта. Горничная Ангелины.

— Не знаю такую.

— Вас видели вместе незадолго до убийства Асташиной.

— Вранье!

— Вы по образованию химик. Что в той закрытой комнате? Лаборатория?

— Что ты мне шьешь?!

Шмелев вскочил, перекрыл доступ к двери и истерично заорал:

— Пошел отсюда вон! Я думал, ты с добром! А вы все, все заодно! Прочь отсюда!

При желании можно было вступить в драку и даже, вероятно, выйти в ней победителем. Но соседи уже начали стучать в стену, и Полуянов предпочел покинуть поле битвы. Бежал вниз по лестнице, а в голове покаянно стучало: «И чего я Надьку ругал? Сам тоже наворотил выше крыши!»

Хорошо, хоть в полиции есть свои люди. Придется ему все-таки идти с покаянием к Селиванову. Не по силам самому разобраться.

Надя иногда украдкой наблюдала, как Димочка работает, и знала, что первым делом он всегда открывает поисковик.

Так поступила и сама, едва Полуянов умчался и опять не сказал, куда. Ничего себе задачка!

Симаковых — больше сотни. Полных совпадений — фамилия, имя, отчество — девять. Но ведь есть еще вариант, что тот самый — нужный! — вообще никак не засветился в сети.

Но сдаваться Митрофанова не собиралась. Первым делом просмотрела профили в соцсетях. Все или закрытые, или по возрасту не подходят.

Попробовать по ключевым словам? Вбила: «Симаков Михаил Аркадьевич, Альдебаран». Ничего. А если «водитель»? Тоже мимо. Не помогли ни «авто», ни «персональный шофер», ни «машины».

А если фамилия, имя, отчество, вместе с годом рождения?

Поначалу поисковик привычно ответил, что ни единого полного совпадения. Но Надя от безнадёги начала пролистывать страницы и на пятой обнаружила интереснейший документ.

Против Михаила Аркадьевича Симакова 1995-го года рождения обнаружилось исполнительное производство. Предмет — задолженность по кредитным платежам. Сумма не указана. Но дело давно минувших дней: прекращено в 2019-м году по статье 46, часть первая, пункт основания 1.

Надя полезла в Интернет смотреть, что за статья. Ага. Пункт первый — это когда сам взыскатель забрал исполнительный лист. То есть господин Симаков, вероятно, разрешил ситуацию по-хорошему. Кредит вернул и все пени по нему заплатил.

Митрофанова еще раз перечитала документ и приуныла. Никакой больше дополнительной информации, кроме того, что судебный приказ выдан в городе Бельске Владимирской области.

А если попробовать «Михаил Симаков, Бельск»?

Ничего.

Михаил Аркадьевич (без фамилии) обнаружился на местном форуме по проблемам ЖКХ. Но на аватарке — грозного вида старик, к тому же, судя по постам, пожилой, скучающий склочник.

Уже совсем в отчаянии напечатала: «Водитель, Миша, Бельск».

И сразу увидела объявление: «Опытный водитель. Встречу или провожу на вокзал, отвезу в любое время и в любое место.

Стаж с 2013-года».

Вроде бы надо было сразу отбросить ввиду недостаточности информации, но Надю заинтересовало: почему не самый, прямо скажем, солидный опыт указан отдельной строкой? Быстро прикинула в уме: если Миша родился в 1995-м, значит, в тринадцатом как раз достиг совершеннолетия. И, возможно, хочет подчеркнуть: сразу, как появилась юридическая возможность, он получил «права».

Да и парень на аватарке выглядит, плюс-минус, на тридцать пять.

Интересно, а отзывы есть?

Негусто. «Классный водила». «Хорошо гоняет». «Доехали вовремя, без проблем». Последний отклик — четыре года назад.

Михаил или перестал подрабатывать, или в другом месте теперь трудится. А что, запросто может быть. Поднабрал опыта и подался на заработки в столицу.

Скорее всего, конечно, не тот, и она иголку в стоге сена ищет. Но Надя все-таки записала телефон и стала искать Мишу теперь уже по номеру.

В 2017-м году он продавал «кроссовки «Найк», б/у, не паль». А в 2018-м водитель — теперь он называл себя Михаилом — предлагает свои услуги уже в столице и указывает тот же номер телефона!

Ура! Пока что ее теория подтверждалась. Родом из Бельска, сначала пытался выживать там, наработал опыт и подался в Москву. Перебивался, как и все, случайными заработками, а потом сделал карьеру — от частного извозчика до «Альдебарана»!

«Да мало ли водителей по имени Миша хоть в Бельске, хоть где!» — уныло подсказывала интуиция. Но иных вариантов у Нади все равно не имелось, поэтому она упрямо продолжала поиски.

Последний заказ водитель Миша выполнил два года назад, и объявление свое снял. Больше никаких упоминаний о нем во всемирной паутине. Куда же дальше двигаться? Поискать Михаила через программу распо-

знавания лиц? Но она по-прежнему не уверена, что он — тот самый, кто ей нужен. Или попробовать какие-то «шпионские» варианты?

Дима однажды говорил, что в сети есть сервис: вводишь телефон, и тебе сообщают, где в настоящую минуту находится его владелец.

Надя вбила в поисковик: «Найти по номеру, где сейчас человек».

Ей немедленно предложили «ввести десять цифр без восьмерки». На экране сначала долго крутилось колесико поиска, а потом всплыло окошко: «Местонахождение определено. Город Москва. Для получения более точных координат совершите оплату в сумме 1500 рублей».

Надя сначала решила деньгами пожертвовать, но в последний момент задумалась: а не разводка ли? Тем более что Миша (если, конечно, речь о том самом), по словам Димки, со съемной квартиры съехал. Остался ли он в Москве? Не факт. Но даже если остался, и ей пришлют сейчас его координаты, что дальше-то делать? Обходить все квартиры дома, где Михаил, предположительно, находится? Ерунда какая-то.

Она закрыла грабительскую программу и стала копать дальше. А что, интересно, такое «поиск по номеру и фото в Телеграмм»? Прошла по ссылке. Ей предложили отправить запрос бесплатно. «Если в списке будет интересующая вас информация, то вы сможете оплатить подписку».

Ну, попробуем.

Найдены ФИО из баз, имя на сайтах и история публикаций объявлений. Бот за услуги просил смешные двадцать рублей, поэтому решила раскошелиться.

Оплатила — и уже через минуту ей целое полотно пришло.

Бинго! Никакого больше абстрактного Миши.

Симаков Михаил Аркадьевич, дата рождения 28 сентября 1995-го! Адрес: Бельск, улица Полевая, дом 8, квартира 3. И телефон — того самого «водителя Миши». Полное попадание!

Надя уже схватила трубку, чтобы Димке звонить, но вовремя остановилась. Что она такого особого узнала? Полуянов ведь просил выяснить, где Михаил сейчас находится.

Стала дальше читать.

Информации робот прислал существенно больше, чем она своими силами обнаружила в поисковике.

Миша под своим телефонным номером — засветился на сайте знакомств. Искал «девушку приятной полноты без материальных и жилищных проблем» — как раз для нее, ха!

Также робот сообщил, что его идентификатор присутствует в утечке Яндекс Еды от прошлого года, благодаря чему Митрофанова решила, что, скорее всего, Миша до сих пор холостяк, иначе с чего бы ему почти каждый вечер заказывать одну среднюю пиццу?

Также выяснилось, что Симаков владеет двумя автомобилями — совсем древним «Москвичом» и скромной «Дэу» (номера машин прилагались).

Дальше Надя увидела адреса электронной почты, связанные с номером телефона Симакова. Mishutik1995@mail.ru — как чертовски оригинально! Но когда вчиталась в следующий адрес, глаза ее полезли на лоб. И тут уж, не сомневаясь ни секунды, она немедленно кинулась звонить Полуянову.

Прежде чем навещать своего давнего приятеля, ныне занимавшего серьезный пост в ГУВД столицы, Дима решил пройтись.

Селиванов и прежде, когда был простым опером, отличался исключительным умением задавать неудобные вопросы. И пусть давно «на земле» не работал, нюх не потерял. Поэтому надо было хорошенько продумать, как не просто информацию вытянуть, но еще «прикрыть» всех, за кого в ответе: Митрофанову, Игоря, «Кайрос». Что говорить (и говорить ли вообще) про Марьяну и свингерский клуб. Как объяснять свой визит к Шмелеву. Думал — и все отчетливее понимал: разговор получится очень непростым.

Когда увидел, что звонит Митрофанова, сначала решил не отвечать. Но подруга упорно повторяла вызовы, а после трех безуспешных разразилась гневным сообщением: «Срочно ответь! У меня важнейшая информация!!!»

По опыту Дима знал: чем больше в женских сообщениях восклицательных знаков, тем меньше в них по делу. Но все-таки перезвонил:

— Что там у тебя?

— Я нашла электронный адрес Михаила! — выкрикнула подруга.

— Ну, напиши ему. Пригласи к нам на кофе, — усмехнулся Полуянов.

— Ты дурак? Знаешь, какой у него адрес? Асташин-собака-мэйл ру!!!

Алгоритм Надиных поисков Диму, конечно, повеселил. Когда услышал, как шла по следу Михаила (без фамилии) из Бельска, искренне поразился выражам женской логики.

Митрофанова надменно усмехнулась:

— Но он в итоге оказался тот самый. Так что победителей не судят.

Да, о полном однофамильце речи, действительно, не шло. Менеджер «Альдебарана» показывал Диме фотографию Симакова. И с аватарки, что прилагалась к объявлению «водителя Миши», на него смотрел именно он. И он же владел электронным адресом с фамилией Асташин.

Дима даже слегка растерялся и пробормотал:

— И что из этого следует?

— Неужели непонятно?! — даже ваозмутилась Надя. — Какой-то родственник он! Хоть фамилия и другая! Очень все стройно! Асташина в люди выбилась, его, нищеврода, знать не желала. И тут вдруг Михаил оказывается за рулем авто, которое она заказала. Вот и решил не упускать слу-

чай. Наверное, стал в гости набиваться или денег просить, а она послала его! Он ее высадил, а в отместку еще и яду подсыпал!

— Как у тебя все просто, — пробормотал Дима.

Собственное видение ситуации он раскрывать пока что не стал. Знал, что у Асташиной фамилия мужа. А у того вроде бы имелась какая-то «седьмая вода на киселе» родня, которая пыталась отсудить у Ангелины наследство.

Неужели Надька со своим смешным поиском попала точно в «яблочко»?!

Зевс вел себя совсем не так, как подобает богу. На официальной службе в благотворительном фонде сказался больным. Дело для души — «Кайрос» — тоже почти забросил. Бродил бесцельно по дому. Заваривал себе крепкий чай — и забывал его выпить. Часами стоял у окна, надеялся хотя бы краешком глаза увидеть Марту. Но горничная Асташиной во дворе не показывалась, а шторы в особняке были закрыты наглухо.

Богам лучше других известно, что история сослагательного наклонения не имеет. Но до чего хотелось отмотать время вспять и повести себя — со второй попытки! — как должно. Не совершить непростительных глупостей.

Однако не в силах даже Зевса разыграть партию заново.

На его звонки и сообщения Марта не отвечала. Наплевать на доводы разума, и просто прийти к ней? Еще раз попробовать поговорить? Но представлял ее гневное лицо, и решимость угасала.

Чтобы хоть как-то отвлечься, Зевс прошел в кабинет и открыл сайт «Кайроса» — своего любимого детища. Сразу прошел на «форум для своих». Просьбу мастера Нади М. найти подходы к телеведущей и гибель Асташиной никто не обсуждал. Он открыл личную почту. Никаких, к счастью, запросов от журналистов. А среди прочего текущего обратил внимание на письмо с темой капсом: «ЖАЛОБА».

Уважаемый руководитель фонда «Кайрос»!

Прошло уже пять дней с тех пор, как ваш сотрудник Дмитрий П. пообещал мне помочь. Я очень жду, потому что обстановка в моей семье накалилась до предела. Но Дмитрий только обещает, что займется моим делом в самое ближайшее время. Хотя сначала сказал, что поможет немедленно. Подскажите, пожалуйста, могу ли я надеяться на него, или мне нужно заново выкладывать на ваш сайт свою просьбу? Хотя я уже теперь не верю, что мне здесь смогут реально помочь.

Зевс перешел на страничку с запросами. Да, оно и есть. «Первое дело Полуянова».

Ради чего Дмитрий отвлекся от забот подростка Саши, он прекрасно понимал. Сейчас, по зрелом размышлении, Зевс жалел, что втянул в свои проблемы журналиста. Разумнее было бы промолчать. Или уж тогда —

раз все равно решил срывать маски — рассказывать Полуянову обо всех подробностях без утайки.

Может, покаяться сейчас, пока не стало совсем поздно?

Протянул руку к телефону — и безвольно ее уронил.

Не может он.

Слишком уж неприглядная правда...

Митрофанова, вдохновленная недавним успехом, активно рвалась в новый бой. Но Симакова Дима решил дальше разрабатывать сам. А подругу попросил:

— Можешь меня с «моим первым делом» прикрыть? Там подросток, пятнадцать лет. Он на меня надеется.

— А сам что? Настолько некогда? — иронически прищурилась Надя.

— Не в этом дело. Я изначально планировал твой же метод использовать, — вздохнул Полуянов. — Грубый шантаж во имя добра. Но сейчас расхотелось. Надо другую стратегию придумывать. Может, у тебя получится? С учетом уже допущенных ошибок?

Что, как, почему — Ксюша, честно сказать, не очень-то понимала. И чем дальше погружалась в дело, тем больше запутывалась.

Ее наставник в «Молодежных вестях» — Димочка Полуянов — учил:

— Никогда не берись писать, пока для себя не выстроишь логику.

По счастью, в «ХХL» подход другой: вали все в кучу, и чем больше жареных фактов, тем больше у статьи будет читателей. Главное — «горячую» новость выложить раньше других. И впрямую не обвинять, только предположить.

Ксюша с удовольствием перечитала свой текст:

«Телеведущая Асташина посещала свингерский клуб на пару с библиотекаршей!

Многие сейчас задаются вопросом, где Ангелина Асташина, богатая вдова и известная телеведущая, провела ночь накануне своей смерти.

В последнее время Ангелина выходила в свет с известным балетмейстером Феликсом Шарыповым. Вряд ли эстет и отчасти пуританин одобрял подобные ее увлечения, поэтому свои порочные пристрастия Асташина тщательно скрывала.

Однако богатая вдовушка не учла, что ее роман с известным плейбоем может иметь трагические последствия. Прежде чем закрутить роман с Ангелиной, Феликс встречался с некоей Юлией Ласточкиной, читательницей историко-архивной библиотеки. Брошенная девушка тяжело переживала «отставку» и даже пыталась покончить жизнь самоубийством. Однако когда она уже была готова выпрыгнуть из окна, к ней подошла заведующая залом всемирной истории Надежда Митрофанова и поклялась, что вернет любимого.

Что примечательно, Феликс к Юлии, действительно, вернулся — практически на следующий день после смерти Асташиной. Вероятно, именно библиотекарьша все-таки сдержала слово и сумела ей помочь.

Смерть Ангелины, как известно, вызвало вдыхание адской смеси известного наркотика, в который был добавлен яд рицин. Мы ни в чем не можем обвинить заведующую залом всемирной истории, но закономерно предполагаем: она, вероятно, посещала те же самые закрытые вечеринки и запросто могла, в процессе совместных утех, подсыпать Асташиной отраву.

Редакция с нетерпением ждет объяснений от сотрудницы библиотеки Надежды Митрофановой».

Когда Ксюша отправила статью редактору, тот велел немедленно зайти. Потребовал:

— Про клуб откуда узнала?

— Коммерческие источники информации, — оттарабанила девушка. — Частный клуб, называется «Спартак». Расположен в деревне Дубки, Мытищинский район. Я туда ездила. Сейчас они свернулись, но местные говорят, что раньше много народу являлось на крутых тачках. И Ангелина тоже бывала.

— Действительно накануне смерти?

— Ну... этого утверждать не могу. Но однажды ее там видели, мне подтвердили. Видеозапись разговора имеется.

— Кто источник?

— Тоже из этих, из свингеров. Просил фамилию не разглашать. Поэтому я название клуба в тексте не называю.

— А про библиотекарьшу откуда информация?

Тут уж Ксюша с удовольствием представила и фотографии обнимашек Юлии с Феликсом в парадном фойе историко-архивной библиотеки, и ее же трагическую фигуру на подоконнике. И самый хит: отставленная возлюбленная уже не на подоконнике, а рядом, и за плечи ее обнимает пампушка Митрофанова с сочувственным выражением лица.

Дальше последовал закономерный вопрос:

— А доказательства, что Митрофанова была в клубе и отравила Асташину?

— Но я ее и не обвиняю, — захлопала глазами Ксюша. — Там в конце все написано: редакция ждет объяснений.

— Ладно, — усмехнулся редактор, — считай, что отмазалась. Сгодится. Ставлю в номер.

Димина идея — как следует припугнуть Сашиного отца и вынудить его отправить сына в Канаду — Наде весьма понравилась. Тем более имелось, что предъявить.

Стеценко-старший владел тремя элитными особняками в центре столицы. В одном располагался дорогой ресторан, в другом — ночной клуб. Элитная гостиница строилась.

Все предыдущие хозяева «золотой» недвижимости погибли при обстоятельствах весьма странных. Директор бывшей библиотеки пропал без вести. Через пять лет был признан умершим. Владелец другого особняка (когда-то в нем располагалось Общество знатоков русской истории) уехал на рыбалку и не вернулся. Тело так и не было найдено.

Руководитель любительского театра по имени Виссарион закончил жизнь ярче. Доведенный до отчаяния бесконечными проверками и придирками властей, несомненно, инициированными Стеценко, он приобрел охотничье ружье и задумал расстрелять своего обидчика. Но не смог: охрана прикончила его на месте.

Ни по одному из дел олигарх даже свидетелем не проходил. Но если собрать факты воедино и написать классный текст для «Молодежных вестей», Стеценко очень бы призадумался.

У него, несомненно, обширные возможности, раз его делишки столько лет покрывают. И принципов нет вообще. Вместо того, чтобы пойти на сделку, может выкинуть что угодно. Решит, допустим, устроить, чтобы сын тоже без вести пропал. И вина опять ляжет на их с Димкой плечи.

Но что же можно сделать — без шантажа?

У Нади детей не было, но ей всегда казалось, что мама ребенку всегда ближе, нежели отец, особенно если тот олигарх. И она привычно открыла поисковик.

Супругу Константина Стеценко звали Элеонорой. Когда-то девушка готовилась в «звезды», училась вокалу, танцевала в известном московском ансамбле, принимала участие в конкурсах красоты. Но в двухтысячном году пожертвовала карьерой, как писали газеты, «ради бандита по прозвищу «Кость». Возможно, надеялась, что богатый муж станет ее раскручивать, но сразу после свадьбы сценическая карьера молодой жены завершилась. Сначала засела дома с двумя сыновьями-погодками, когда дети подросли — стала работать у супруга секретарем.

С мозгами у Элеоноры, вероятно, было не очень, но подать себя старалась. Вела в социальной сети блог под названием «Воспитываю сыновей.. Наслаждаюсь жизнью». Отчеты о совместных светских мероприятиях иногда перемежались томными фотографиями Элеоноры с грустной припиской: «Муж опять предпочел мне охоту. Коротаю вечер одна с бокалом шампанского».

Младший сын четы Стеценко занимался теннисом, и Элеонора активно продвигала. Блог велся якобы от имени тринадцатилетнего мальчика, но тексты вряд ли писал ребенок: «Нет ничего лучше, чем съесть порцию мо-

роженого после очередной победы на корте!», «Физические упражнения на свежем воздухе — отличное занятие для теплого воскресного дня!»

Старшему сыну с блугом явно не помогали. Никаких слов, только картинки: он с арбалетом, с охотничьим ножом, в балаклаве.

А в собственных текстах Элеонора жаловалась: «Опять поймала Сашку с электронной сигаретой. Придется, видимо, отправлять его на строгий режим, в кадетский корпус».

Все, похоже, непросто в семье.

Но если младший для нее, как утверждала Элеонора, «сплошной восторг-восторг», не захочет ли она сама убрать с глаз долой старшего, который «как будто специально делает все для того, чтобы меня до белого каления довести»?

Директор «Спартака» выдернул Игоря из постели глубокой ночью и хмуро сказал:

— Нас совсем обложили. Уезжай.

Игорь, верный принципам, ответил:

— Я своих в беде не бросаю.

— Дурак, — усмехнулся директор. — Версия будет: у нас закрытый клуб, списки гостей исключительно в юрисдикции начальника охраны, а он, увы, отбыл в отпуск. Так что уезжай, причем далеко, чтоб уж точно не нашли.

Начальник всегда предпочитал перекинуть ответственность на других. Но спасибо, что хотя бы предупредил.

Игорь сначала думал податься в глубинку, но, по зрелом размышлении, решил: надежнее будет в Турцию. А оттуда весь мир открыт, и отследить передвижения затруднительно.

Поехал к Полуянову посреди ночи и попросил:

— Дай ключи от Марьянкиной квартиры.

— Зачем?!

— Уезжаю. Хочу котов с собой взять. Нужно их паспорта найти.

— На фига тебе такая обуза?!

— Хотя бы не один буду.

Полуянов протянул ключи и сказал:

— Ты о себе хоть давай знать.

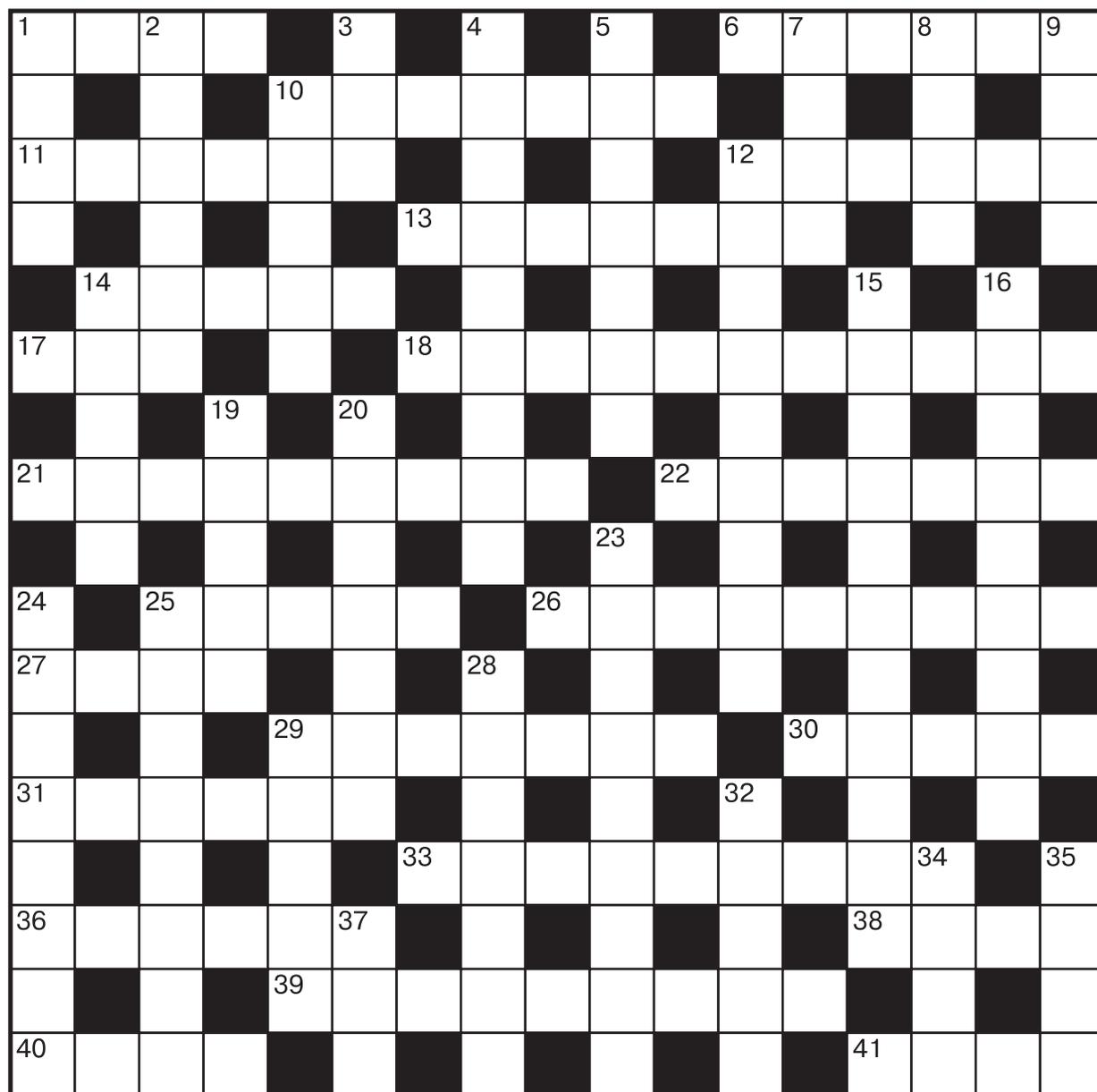
— Напишу. Если получится, — пообещал Игорь.

Он не стал рассказывать журналисту обо всех своих планах, но, прежде чем ехать к Марьяне, исполнил еще одно обязательство.

На душе стало легче, но теперь никаких сомнений не оставалось: валить из страны надо немедленно... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Игра с бамбуковыми клюшками. **6.** Страховка от сглаза. **10.** Кто из мужей Анны Ахматовой оказался «грубым и мелочным ревнивцем, капризным, требующим к себе безраздельного внимания»? **11.** «Разливайка» из сервиза. **12.** Огнедышащий мутант. **13.** Где

джекпот срывают? **14.** Сказка про небывалый урожай. **17.** Какой коллектив идет с песней по жизни? **18.** Энергостанция внутриклеточного уровня. **21.** Чем ребенок в кратчайшие сроки способен разрисовать все обои в доме? **22.** «Со временем ... от спиртного испытываешь только в момент

его покупки». **25.** Какую красную птицу китайцы рисуют на стенах своих домов, чтобы уберечься от огня? **26.** Донная удочка без удилица. **27.** Автомобиль гоночного типа. **29.** Кто утратил контроль над своими нервами? **30.** Какой металл способен обеспечить уникальную магнитную и термическую защиту? **31.** «Финансовые промахи». **33.** Кого «за доской не видно»? **36.** В каком овоще больше всего воды? **38.** Полуостров с Феодосией. **39.** Первый из великих дирижеров, кто начал управлять оркестром по памяти. **40.** «Стремянка» в аэропорту. **41.** Задача коммерсанта.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Дровяной крематорий. **2.** «Красавец белый теплоход». **3.** Гламурный привкус. **4.** Что получится, если «извлечь корень квадратный из автомобиля»? **5.** Недуг «провалов памяти». **7.** Катализатор невыносимой погоды. **8.** «Голубая лента» на географической карте. **9.** Что звучит в начале раунда?

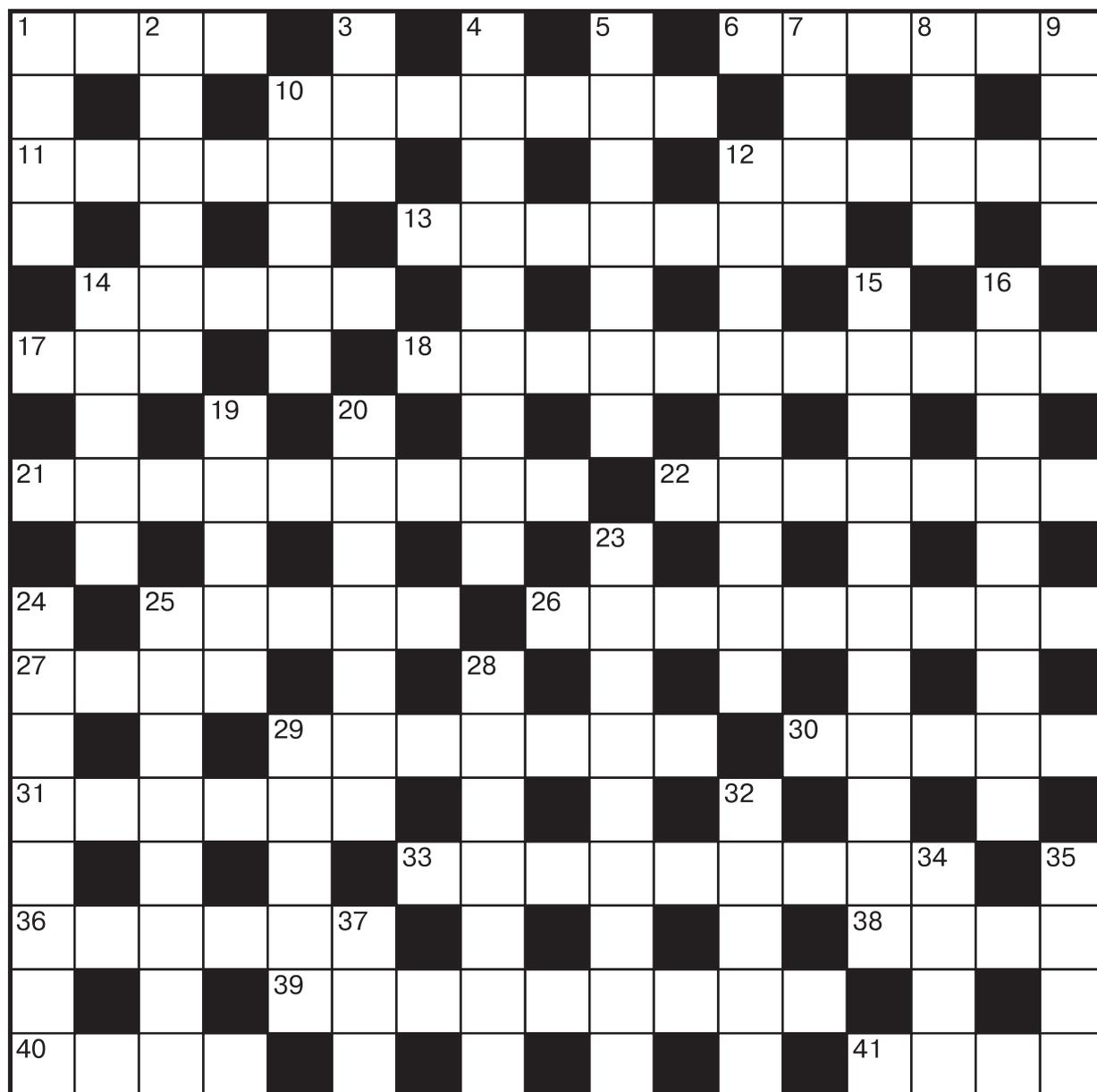
10. Что можно набить на лбу или найти в бору? **12.** Антураж спектакля. **14.** На каком инструменте играет Гулливер дубинкой в стране великанов? **15.** Коллега по вузу. **16.** Языковая анатомия. **19.** Тамаго у японцев. **20.** Кто из народных артистов СССР из-за глухоты читал реплики партнера по губам? **23.** Легенда немого кино, чей взгляд был особенно томным из-за близорукости. **24.** Скороспелка среди плодов вдохновения. **25.** Персонал на подхвате. **28.** Самый северный международный морской порт России. **29.** Что попытался купить себе в привокзальном буфете человек рассеянный из стихотворения Самуила Маршака? **32.** Что немецкий генерал-майор Карл фон Клаузевиц называл «продолжением политики иными средствами»? **34.** Основа деликатесного салата, приготовленного Галей из комедии «Ирония судьбы». **35.** Создатель первого классического труда по экономике. **37.** Какому музыканту посвящен фильм «Последний герой»?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Пчела. **9.** Критика. **10.** Рояль. **11.** Спорк. **12.** Дворник. **13.** Белка. **14.** Нимейер. **16.** Капитан. **19.** Угон. **21.** Дефолт. **23.** Фурор. **24.** Кавказ. **25.** Болото. **26.** Косой. **27.** Пресс. **29.** Штык. **31.** Кочегар. **33.** Утопия. **34.** Ретро. **35.** Попса. **37.** Толкин. **39.** Фантик. **40.** Носорог. **41.** Вино. **42.** Мамонт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кровь. **2.** Штурман. **3.** Актиния. **5.** Чаплин. **6.** Лорнет. **7.** Покер. **8.** Улика. **13.** Бегемот. **14.** Навуходоносор. **15.** Шутка. **16.** Конвертоплан. **17.** Волонтерство. **18.** Стройка. **20.** Коломенское. **22.** Капсаицин. **28.** Жар. **30.** Сустав. **32.** Регата. **36.** Скит. **38.** Нос.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Австрийский экспрессионист, знаменитый своими «страдальческими автопортретами». **6.** Кто из генералов от инфантерии стал последним российским кавалером ордена Святого Георгия II степени? **10.** Бурка запорожского казака. **11.** Самолет, на котором русский

писатель Александр Куприн 12 ноября 1910 года попал в аварию, а после закончил свой новый очерк словами: «Я больше на аэроплане не полечу». **12.** Церковная должность у протестантов. **13.** «Ивовый холм». **14.** Какая погребушка из Древнего Египта попала в Книгу рекордов Гин-

несса? **17.** Пиво у древних египтян. **18.** Библия Лилипутии. **21.** Медитация в основе «вербальной голодовки». **22.** Врожденное неприятие алкоголя. **25.** Марк из гениев абстракционизма. **26.** «Кавказский Монако» для Михаила Лермонтова. **27.** «Ослиный выюк» у вавилонян. **29.** Чем стала музыка из фильма «Крестный отец» в комедии «Любовь-морковь»? **30.** «Сменный блок» духов. **31.** Мэрия в Казахстане. **33.** Мясная лавочка у итальянцев. **36.** Прыжок лошади с поджатыми ногами. **38.** Какой бог отвечал за рыдания у древних греков? **39.** Батраки в Древней Индии. **40.** Первый чемпион мира по шашкам. **41.** Тайник прежних времен.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Хвостовик бильярдного кия. **2.** Откуда родом Тур Хейердал? **3.** Античный бог «всей длительности времени». **4.** Способ борьбы с дефицитом сырья. **5.** Любимое красное вино Иосифа Сталина. **7.** Самый редкий примат из Африки. **8.** Первый президент Анголы. **9.** Самая грациозная антилопа Тибета.

10. Кошачий лемуру. **12.** С какой этнической группой из Кении связаны победы в почти 50% ключевых беговых состязаниях, начиная с 1980 года? **14.** Чем Леонардо да Винчи делал записи в «Лестерском кодексе»? **15.** Из какого дерева японцы вырезают лучшие чашечки для саке? **16.** Овал в объеме. **19.** Кто изобрел голографию? **20.** Чиновник тайной канцелярии византийского императора. **23.** Какой из бытовых приборов фигурирует в названии единственного обэриутского фильма? **24.** Кто попросил погасить кремлевские звезды, чтобы сыграть российского императора? **25.** Какому гладиатору давали сеть и трезубец? **28.** Освященная вода у православных. **29.** На кого сторонники Льва Троцкого повесили основную вину за расстрел Якова Блюмкина? **32.** Кто из полководцев Александра Македонского командовал его флотом? **34.** Хорошодная песня из Азербайджана. **35.** Традиционное чаепитие с димсамами. **37.** Гончаров на китайский лад.

Ответы на эрудит, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Шмитт. **9.** Адалары. **10.** Эсток. **11.** Трайк. **12.** Фаррука. **13.** Позье. **14.** Сибарис. **16.** Пачаран. **19.** Аман. **21.** Стекло. **23.** «Номад». **24.** Стигма. **25.** Акопян. **26.** Сихра. **27.** Фолио. **29.** «Лутц». **31.** Нервьон. **33.** Уоррен. **34.** Танах. **35.** Тарра. **37.** Матлот. **39.** Бадуги. **40.** Нумидия. **41.** Саян. **42.** Ханака.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Адрас. **2.** «Флориан». **3.** Драккар. **5.** Марвин. **6.** Тайпан. **7.** Эссос. **8.** Нодье. **13.** Пиштако. **14.** Самобичевание. **15.** Карст. **16.** Папирократия. **17.** Эксплуататура. **18.** Пьяница. **20.** Чакравартин. **22.** Амфитерон. **28.** Тот. **30.** Тутмос. **32.** Нарака. **36.** Пипа. **38.** Туя.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2023 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 216 рублей 70 копеек	За 1 номер — 245 рублей 30 копеек
За полугодие — 1300 рублей 20 копеек	За полугодие — 1471 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	другие банковские реквизиты		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	другие банковские реквизиты		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2023 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

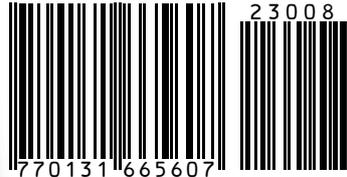
* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

**ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!**

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

23008

СМЕНА

Дорогие читатели!

Все вы наверняка помните строчки из известной песни
«Куда уходит детство, в какие города? И где найти нам средство,
чтоб вновь попасть туда?..» Детство — это, наверное, лучшее время
нашей жизни, светлое и теплое.

Увы, все когда-нибудь кончается... Но, постепенно уходя во взрослую жизнь,
мы храним воспоминания о прекрасной поре, которая была окрашена
в самые удивительные и невероятные цвета.

Вот мы и решили в 2023 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО...»

Напишите нам в форме рассказа или письма о самых ярких
и незабываемых моментах своего детства, об этом счастливом
(а может, и не очень) периоде в вашей жизни.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде
на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2023 года.

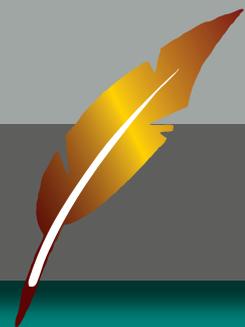
Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы
в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии
в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№8 август 2023